

В.Г. Клинов

Актуальные проблемы
исследования
экономической
конъюнктуры

магистр

330.1
К493
В. Г. Клинов

Актуальные проблемы исследования экономической конъюнктуры

Сборник статей

834107

ТДИУ
kutubxonasi

ОНТИ

Москва
магистр
ИНФРА-М
2013

330.1

+33M

УДК 338.12(100)(08)
ББК 65.051.110.3(0)я43
К49з

Клинов В. Г.
К49 Актуальные проблемы исследования экономической конъюнктуры : сб. статей / В. Г. Клинов. — М. : Магистр : Инфра-М 2013. — 264 с.

ISBN 978-5-9776-0264-8

ISBN 978-5-16-006536-6

Агентство СІР РГБ.

Представлены статьи, посвященные анализу проблем развития мирового национального хозяйства в XXI в.

Сборник состоит из трех разделов: «Конъюнктура мирового хозяйства», «Перспективы и стратегии экономического развития», «Проблемы экономики России».

Для студентов и аспирантов в дополнение к учебным пособиям по курсам «Экономическая конъюнктура», «Конъюнктура мировых товарных рынков», «Экономическое прогнозирование». Может представлять интерес для всех, кто волнует перспективы развития мирового хозяйства и национальной экономики стран.

УДК 338.12(100)(08)
ББК 65.051.110.3(0)я4

ISBN 978-5-9776-0264-8
ISBN 978-5-16-006536-6

© Клинов В. Г., 2013
© Издательство «Магистр», 2013

Содержание

Предисловие 7

РАЗДЕЛ I

Конъюнктура мирового хозяйства

1
Особенности современной динамики мирового хозяйства 9

2
Какой капитализм лучше? 29

3
Экономическая теория и проблемы современного развития . . . 44

4
Культура и экономическое развитие 59

5
Структурные кризисы и мировая экономическая
конъюнктура 70

РАЗДЕЛ II

Перспективы и стратегии экономического развития

6
Долгосрочные перспективы роста мировой экономики:
обзор прогнозных оценок 84

7
Проблемы регулирования экономики США в исследованиях
Пола Кругмана 114

8
Какой должна быть экономическая политика 135

9
Долгосрочное прогнозирование и стратегия развития 150

РАЗДЕЛ III

Проблемы экономики России

10

Цели и механизмы экономического развития 166

11

**Как лечить больную экономику. «Голландская болезнь»
и энергетическая политика России 173**

12

Что будет с Россией? 196

13

**Экономика России: итоги роста в контексте международных
сопоставлений 215**

14

Булатов А. С. Национальная экономика 232

15

**Теоретическая мысль и народно-хозяйственная политика:
русский выбор 244**

Предисловие

Экономическая конъюнктура (ЭК) — это состояние процесса воспроизводства в макроэкономическом масштабе. Воспроизводство включает: производство товаров и услуг, распределение доходов между участниками производства, обмен товарами и услугами и их потребление. Характер процесса зависит от уровня развития, пропорций и динамики его элементов.

Состояние ЭК проявляется в условиях реализации продукции. Имеются в виду требования рынка к качественным характеристикам продукции, соотношение цен на различные виды продукции и ресурсы для их производства, а также емкость рынка.

Модернизации производства сопровождается ростом доходов на душу населения и повышением требований к характеристикам продукции. Меняется соотношение цен на ресурсы и продукцию. Разница в их динамике может служить показателем роста эффективности производства (совокупной факторной производительности) и реальных доходов владельцев ресурсов.

Циклический характер процесса модернизации придает волнообразную форму динамике емкости рынка. При повышении нормы вложений в основной капитал емкость рынка растет быстрее производства. При снижении нормы емкость рынка растет медленнее выпуска товаров и услуг. Это служит основой динамики средних и больших циклов капиталистического хозяйства.

Успешное развитие или деградация народного хозяйства во многом вызвано экономической политикой государства, особенно бюджетной составляющей. От того, как распределяется налоговое бремя и как расходуется государственный бюджет, зависит формирование инвестиционного и предпринимательского климата.

Основы теории экономической конъюнктуры изложены в учебных пособиях, в частности перу автора сборника принадлежат:

1) Экономическая конъюнктура. Факторы и механизмы формирования. М. : Экономика, 2005;

2) Мировой рынок высокотехнологичной продукции. Тенденции развития и особенности формирования конъюнктуры и цен. М. : Экономика, 2006;

3) Прогнозирование долгосрочных тенденций в развитии мирового хозяйства. М. : Магистр, 2010.

Начало XXI в. ознаменовалось кардинальными изменениями в соотношении сил в мировом хозяйстве, кризисом мировой финансовой системы (в том числе сегментов кредитования, страхования). Для спасения от банкротства крупнейших банков и страховых компаний правительства соответствующих стран потратили астрономические суммы.

Государственные финансы многих стран оказались обремененными долгами, размер которых сопоставим с годовой величиной ВВП. Необходимость сокращать государственные расходы, чтобы погашать долг, осложняет процесс преодоления «великой рецессии». Для обеспечения роста следует стимулировать капиталовложения путем снижения ставок налогов на прибыль и расширять емкость рынка за счет государственных расходов. Однако курс на оздоровление государственных финансов резко ограничивает возможности стимулирования экономического роста.

Статьи, представленные в сборнике, посвящены анализу проблем развития мирового и национального хозяйства в XXI в. По своей тематике статьи распределены по трем разделам:

Раздел I. Конъюнктура мирового хозяйства.

Раздел II. Перспективы и стратегии экономического развития.

Раздел III. Проблемы экономики России.

Сборник предназначен для студентов и аспирантов в дополнение к учебным пособиям по курсам «Экономическая конъюнктура», «Конъюнктура мировых товарных рынков» и «Экономическое прогнозирование». В статьях сборника даны оценки, которые могут представлять интерес для всех, кого волнуют перспективы развития мирового хозяйства и национальных экономик.

Конъюнктура мирового хозяйства

1

Особенности современной динамики мирового хозяйства¹

Стремительное, по историческим меркам, изменение соотношения сил в мировом хозяйстве представляется наиболее важной особенностью текущего мирового развития. С этим связаны как достижения, так и провалы в экономическом прогрессе отдельных стран и мира в целом. За 200 лет был накоплен огромный научно-технический потенциал. Благодаря его использованию современный уровень производительности труда в США превысил соответствующий показатель начала XX в. почти в 9 раз, а за 200 лет — примерно в 30 раз (если сравнивать с достижениями Великобритании после промышленного переворота). До промышленной революции конца XVIII в. для удвоения производительности труда требовалось 350 лет². Ныне потенциал наращивается в 10 раз быстрее, чем 250 лет назад. Ускорению развития производительных сил в мире содействовали распространение капиталистических отношений, рыночное и налоговое стимулирование создания и применения передовой техники.

Накопленный научно-технический потенциал создал предпосылки для быстрого (по сравнению со страной-лидером) продвижения по траектории догоняющего развития стран, располагаю-

¹ Вопросы экономики. 2010. № 9. С. 78—92.

² Рассчитано на основе данных: Клинов В. Г. Большие циклы конъюнктуры мирового хозяйства. Проблемы анализа и прогнозирования. М. : ВНИИПИ, 1992. С. 28, 38; International Financial Statistics. Wash. : IMF, 2010. Feb. P. 1344.

ших недорогой рабочей силой, способной осваивать передовую технику и прогрессивные схемы организации производства. Свою роль сыграла налогово-бюджетная политика государства, нацеленная на создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности.

Альтернатива «догоняющей» страны — «медленная» страна, которая может отстать навсегда в освоении передовой техники, создаваемой усилиями всего мирового хозяйства. В современных условиях, как говорил персонаж Л. Кэрролла из сказки «Алиса в Зазеркалье», «приходится нестись из последних сил, чтобы удержаться на месте. А уж коли желаешь сдвинуться, то лети в два раза быстрее»¹.

Неадекватная экономическая политика может стать причиной деградации народного хозяйства или отставания в развитии от других стран, что чревато социальными потрясениями. Это тем более вероятно с учетом значительной доли ВВП, перераспределяемой через государственный бюджет (от 30 до 60% в развитых странах, включая расходы по программам социального обеспечения).

Даже в XVIII в., когда через государственный бюджет перераспределялась несравнимо меньшая доля национального дохода, британский парламент своей главной задачей считал контроль над доходами и расходами суверена. Великобритания, осуществившая промышленный переворот и ставшая первой мастерской мира, не в последнюю очередь обязана этим своему парламенту, благодаря которому британская нация (в отличие от российской, о которой писал К. Маркс) не была обессилена «фискальными вымогательствами»².

В третьей четверти XX в. произошло «экономическое чудо» в ФРГ и Японии, возникла когорта новых индустриальных стран (НИС). Среднегодовые темпы прироста реального ВВП на душу населения в 1951—1973 гг. достигли в ФРГ 5%, в Японии — 8,45 и 2,4% в США. Этому способствовало повышение производительности на базе применения передовой техники и совершенствования организации производства. Положительную роль сыграли низкие нормы расходов ФРГ и Японии на военные нужды. В целом показатель экономической динамики ведущих семи стран в расчете на душу населения достиг 4,3%, превывсив на 1,2 процентного пункта

¹ Кэрролл Л. Приключения Алисы. М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 186.

² Маркс К. наброски ответа на письмо В. И. Засулич / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. М. : ГИПЛ, 1961. С. 408.

(п.п.) показатель мирового хозяйства (3,1%). Среднегодовой темп прироста благосостояния ведущих шести стран (без Японии) составил 3,6%¹. Реальный ВВП в расчете на душу населения увеличился за 23 года в США в 1,7 раза, в ФРГ — в 3 и в Японии — почти в 6,5 раза.

Согласно расчетам датского экономиста Т. Кристенсена, обобщившего итоги развития 112 стран в 1961—1970 гг., среднегодовой показатель прироста ВВП на душу населения 20 развитых стран достиг 3,45%. В 11 НИС он составил 6,6%, а в 15 странах среднего уровня развития — 4,4%. В остальных 76 менее развитых странах темпы прироста были ниже мирового показателя — 3,2%. В группе 24 наименее развитых стран (включая КНР и Индию), где проживало около половины населения мира, средний показатель прироста был равен 1,7%².

Страна догоняющего развития привлекательна для капиталовложений из-за большей разницы в эффективности между новым и старым капиталом, чем в стране — лидере научно-технического прогресса (НТП). Более высокая норма отдачи вложений в основные фонды стимулирует увеличение нормы капиталовложений. Эффект от взаимного влияния нормы отдачи вложений в основной капитал и доли вложений в основной капитал в ВВП описывается формулой

$$\Delta GDP_t = \frac{VA_t}{CF_{t-1}} \times \frac{CF_{t-1}}{GDP_{t-1}} \times 100,$$

где Δ — темп прироста в процентах; t — отчетный период; $(t - 1)$ — предшествующий период; GDP — валовой внутренний продукт; VA — добавленная стоимость (прирост ВВП); CF — вложения в основной капитал; VA/CF — норма отдачи вложений в основной капитал; CF/GDP — норма расходования ВВП на формирование основного капитала.

Этот эффект оказывается тем сильнее, чем меньшая часть дохода от применения передовой техники и экономии ресурсов изымается в виде налогов на прибыль и трудовой доход. Альтернативная форма наполнения государственного бюджета за счет налогов на

¹ См.: Клинов В. Г. Экономическая конъюнктура. Факторы и механизмы формирования. М.: Экономика, 2005. С. 191.

² См.: Kristensen T. Development in Rich and Poor Countries. N. Y.: Praeger, 1974. P. 27.

расходы и имущество, напротив, стимулирует рациональное применение денежных и материальных ресурсов.

Конкуренция и ее последствия в условиях глобализации

Опережающий экономический рост одних стран и отставание других сопряжены с обострением конкуренции на мировом рынке. Ее отрицательные последствия для отстающих стран проявились в последней четверти XX в. Тогда наблюдалась нисходящая волна большого цикла экономической конъюнктуры. Ситуацию отягощали энергетические кризисы 1973—1974 и 1979—1980 гг.

Среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения в ведущих семи странах в 1974—1997 гг. снизился до 1,8%, или на 2,5 п.п. по сравнению с периодом 1951—1973 гг. Показатель интенсивности прироста ВВП на душу населения стран — членов ОЭСР опустился до 2%, но превышал общемировой показатель (1,7%). Последний уменьшился на 1,4 п.п. по сравнению с 1961—1973 гг.¹

Представители основного течения американской экономической мысли отрицают существование больших циклов Н. Д. Кондратьева. Они не сумели объяснить причины замедления экономической динамики развитых стран в последней четверти XX в. В частности, нобелевский лауреат П. Кругман в 2009 г. писал: «В начале 1970-х годов, по причинам, которые до сих пор остаются в известной мере загадочными, рост замедлился во всем развитом мире»² (курсив мой. — В. К.).

Господствующие позиции в мировом хозяйстве в конце 1960-х гг. занимали развитые страны. В 1967 г. на 20 развитых стран приходилось свыше 60% мирового ВВП. С учетом еще 11 НИС, в число которых в то время входила Япония, доля 31 наиболее продвинутой страны в мировом ВВП превышала 80%³. Судя по приведенным данным об интенсивности экономического роста, их доля в мировом ВВП не могла серьезно измениться до середины 1990-х гг.

Позднее соотношение сил стало меняться в пользу развивающихся стран. В 2008 г. доля 33 стран-лидеров при сравнении величин ВВП по паритету покупательной способности уменьшилась до 55,1%⁴.

¹ См.: Клинов В. Г. Экономическая конъюнктура. Факторы и механизмы формирования. С. 191.

² Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crises of 2008. N. Y.; L. : W. W. Norton, 2009. P. 57.

³ См.: Kristensen T. Op. cit.

⁴ См.: World Economic Outlook. Wash. : IMF, 2009. Oct. P. 162.

Отрицательные последствия обострения конкуренции в условиях ухудшения конъюнктуры раньше проявились в среднеразвитых странах: их экономики росли медленнее, чем у НИС. Стремясь преодолеть отставание, правительства привлекали иностранные займы, а центральные банки проводили политику дешевых кредитов. Предприниматели, не способные выдерживать конкуренцию в реальном секторе, переключались на проведение рискованных операций на фондовых рынках в поисках более легкой прибыли, хотя такая тактика была чревата возникновением финансовых кризисов.

В 1980-е гг. это в полной мере ощутили на себе страны Латинской Америки. Детонаторами финансовых кризисов стали крупнейшие государства региона.

По свидетельству Кругмана, до 1970-х гг. Мексика проводила финансовую политику, нацеленную на финансовую стабильность. При низкой интенсивности роста кризисов не было¹. В конце 1970-х гг. разумные ограничения в финансовой политике были отброшены. Для разработки новых месторождений нефти в условиях рекордно высоких цен на энергоносители были привлечены огромные займы от иностранных банков. При этом мексиканские финансовые учреждения, выступившие посредниками для иностранных кредиторов, в значительной мере использовали заемные средства для игры на фондовых биржах.

В 1982 г. сформировалась тенденция к снижению цен на нефть, и в августе того же года мексиканская делегация известила Министерство финансов США, что страна не в состоянии обслуживать долги по иностранным займам. Вскоре финансовый кризис охватил практически всю Латинскую Америку, поскольку иностранные банки перестали предоставлять странам этого континента новые займы и требовали расплаты по старым долгам.

Последствия финансового кризиса для самой Мексики оказались тяжелыми, несмотря на реструктуризацию ее долгов на основе займа, предоставленного Министерством финансов США. К 1986 г. реальный ВВП на душу населения сократился на 10% по сравнению с 1981 г., а реальная заработная плата мексиканских рабочих в результате инфляции снизилась на 70%². С 1981 по 1989 г.

¹ По данным ОЭСР (OECD Factbook 2007), в 1971—1979 гг. среднегодовой темп прироста ВВП Мексики составил 6,4%, а в расчете на душу населения — 3,1%.

² См.: *Krugman P.* *Op. cit.* P. 33—34.

среднегодовой темп прироста ВВП составил 1,3% и был ниже, чем соответствующий показатель прироста численности населения. Аналогично развивалась ситуация и в Аргентине: к 1989 г. годовой темп инфляции достиг 3000%.

Попытки латиноамериканских стран преодолеть отставание в экономическом развитии с помощью иностранных займов без реформирования реального сектора экономики обернулись финансовым кризисом 1980-х гг. После передышки за счет реструктуризации долгов с помощью займов от Министерства финансов США кризисная ситуация вновь повторилась в 1990-е гг. В частности, ВВП Мексики на душу населения в сопоставимых ценах в 1994 г. был ниже, чем в 1981 г. В 1995 г. ВВП снизился на 7%, а промышленное производство сократилось на 15%¹.

Ситуация, характерная для большинства стран Латинской Америки в последние три десятилетия, наглядно показала, что, во-первых, усилий по оздоровлению денежно-кредитного обращения и государственных финансов недостаточно для ускорения экономического роста, если они не подкреплены мерами по стимулированию развития реального (нефинансового) сектора. Во-вторых, рецепты регулирования экономики, выработанные для ослабления среднесрочных циклических колебаний, не срабатывают, когда возникает кризис финансовой системы. Попытки воздействовать на реальный сектор кредитными рычагами не достигают цели, поскольку финансовая сфера в своей экспансии оторвалась от динамики реальной экономики. Более того, снижение ставки рефинансирования центральным банком в период, когда из-за неблагоприятия в реальном секторе стоимость кредитов коммерческих банков повышается, создает благоприятную почву для спекуляций, возникновения финансовых пузырей и последующего финансового кризиса.

Совершенно иная ситуация сложилась с 1980-х гг. в КНР, где в результате реформ конца 1970-х гг., нацеленных на стимулирование предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве и промышленности, были достигнуты рекордно высокие темпы прироста ВВП. Увеличение капиталовложений в экономику страны стало возможным благодаря раскрепощению крестьянства и отмене ограничений на частное предпринимательство, что сопровождалось интенсификацией процесса урбанизации. Государственным

¹ См.: *Krugman P.* Op. cit. P. 47—48.

1. Особенности современной динамики мирового хозяйства

предприятиям предоставили право распоряжаться частью своей прибыли. Темпы и факторы роста ВВП Китая, согласно представленной ранее формуле, приведены в табл. 1.1.

Таблица 1.1. Среднегодовые темпы и факторы прироста ВВП КНР, %

Показатель	Годы					
	1980—1989	1990—1999	2000—2008	2009	2010	2011
Норма капиталовложений (CF/GDP)	29,5	35,0	38,2	32,0	46,0	46,2
Норма отдачи капиталовложений (VA/CF)	32,9	31,4	26,3	28,4	22,4	19,9
Темп прироста ВВП (ΔGDP)	9,7	11,0	10,0	9,1	10,3	9,2
Темп прироста ВВП на душу населения	8,2	9,9	9,4	8,5	9,7	8,6

Рассчитано по: International Financial Statistics Yearbook / IMF. Washington, 1993—2011.

Привлечению иностранного капитала способствовали низкие ставки налогов на прибыль корпораций и потенциально огромная емкость рынка. За 30 лет ВВП КНР в сопоставимых ценах увеличился примерно в 20 раз, а на душу населения — в 15 раз. Чтобы в такой же степени повысить ВВП на душу населения, Великобритании в свое время потребовалось 290 лет (с 1700 по 1990 г.), а США — 156 (с 1820 по 1976 г.).

Это не значит, что ВВП на душу населения КНР в 2009 г. сравнялся с соответствующим показателем США 1976 г. Названный китайский показатель (в ценах и по ППС 2000 г.) в 2009 г. достиг 9,1 тыс. долл. Расчеты показывают, что КНР в 2009 г. вышла на уровень экономического развития США 1929 г. В 1979 г., базовом для оценки интенсивности роста китайской экономики, ВВП на душу населения был примерно в 2,2 раза ниже, чем соответствующий показатель США 1820 г. (в США в ценах 2000 г. он превышал 1,4 тыс. долл., а в КНР в 1979 г. в тех же ценах был меньше 700 долл.)¹.

¹ См.: Клинов В. Г. Большие циклы конъюнктуры мирового хозяйства. Проблемы анализа и прогнозирования. С. 38; Клинов В. Г. Прогнозирование долгосрочных тенденций в развитии мирового хозяйства. М.: Магистр, 2010. С. 29, 104.

I. Конъюнктура мирового хозяйства

Аналогичные показатели другого гиганта Азии — Индии — выглядят скромнее, чем у КНР (табл. 1.2). Но в 2000-х гг., особенно во второй половине этого периода, Индия уверенно догоняла Китай по интенсивности экономического роста. Хотя отдача вложений в основной капитал характеризовалась тенденцией к снижению (наблюдавшейся и в КНР), страна быстро повышала норму капиталовложений. За 30 лет ВВП Индии в сопоставимых ценах вырос в 6,1 раза, а на душу населения — в 3,5 раза.

Таблица 1.2. Среднегодовые темпы и факторы прироста ВВП Индии, %

Показатель	Годы						
	1980—1989	1990—1999	2000—2008	2004—2008	2009	2010	2011
Норма капиталовложений (CF/GDP)	20,1	22,6	27,2	30,0	34,8	30,8	29,5
Норма отдачи капиталовложений (VA/CF)	29,0	25,2	26,1	23,3	19,3	28,6	23,4
Темп прироста ВВП (ΔGDP)	5,85	5,7	7,1	8,5	9,1	8,8	6,9
Темп прироста ВВП на душу населения	3,9	3,3	5,5	7,0	7,7	7,4	5,6

Рассчитано по: International Financial Statistics Yearbook. 1993—2011.

Натиск таких гигантов, как КНР и Индия, уже в 1980-е гг. ощутили все страны. Появился даже акроним для обозначения этого очага роста мирового хозяйства — *Chindia* (в русском варианте — Киндия).

Предприниматели отстающих стран активизировали деятельность в финансовой сфере, чтобы компенсировать снижение доходов от реального производства. По словам Кругмана, мир охватила эпидемия финансовых операций, сопряженных с повышенным риском. Во многих странах были отменены ограничения на банковскую деятельность, которые вводились с 1930-х гг. вплоть до начала 1980-х, чтобы не допустить повторения Великой депрессии 1929—1933 гг.

Современные масштабы операций с ценными бумагами во много раз превышают размеры реального сектора экономики. Это стало результатом деятельности хедж-фондов, страховых компа-

1. Особенности современной динамики мирового хозяйства

ний и инвестиционных банков, операции которых в отличие от традиционных коммерческих банков не ограничены строгими нормативами. Финансовая составляющая мирового и национальных хозяйств не столько обслуживает потребности реального сектора, производящего товары и услуги, сколько обескровливает его, обогащая «гениев финансовых прделок»¹.

Как уже отмечалось, негативные последствия раздувания финансовых пузырей сначала проявились в более слабых звеньях мировой экономики. В 1990-е гг. наступила очередь развитых стран и НИС. С наибольшими трудностями столкнулась Япония, что отчасти было связано с географической близостью наступающих гигантов.

Темпы прироста ВВП Японии интенсивно снижались в последней четверти XX в., достигнув самой низкой отметки в 1990-е гг. за счет падения отдачи вложений в основной капитал (табл. 1.3).

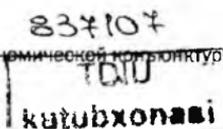
Таблица 1.3. Среднегодовые темпы и факторы прироста ВВП Японии

Показатель, %	Годы				
	1965— 1973	1974— 1992	1993— 1997	1998— 2007	2008— 2011
Норма вложений (CF/GDP)	33,3	33,4	29,5	24,5	22,0
Отдача вложений (VA/CF)	27,0	10,9	3,7	4,9	-4,1
Темп прироста (Δ GDP)	9,0	3,4	1,1	1,2	-0,9
Темп прироста ВВП на душу населения	7,8	2,7	0,8	1,1	-0,8

Рассчитано по: International Financial Statistics Yearbook. Wash. : IMF, 1993—2011;

В 1990-е гг. Япония вступила в полосу развития, получившую наименование «рецессия роста». Как отмечает Кругман, финансовый кризис никогда не проявлялся в Японии так остро, как в азиатских НИС, но он продолжался намного дольше. «Японская машина постепенно утрачивала силу, вместо того чтобы затормозить со

¹ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // ПСС. Т. 27. М. : ИПЛ, 1981. С. 322.

скрежетом»¹. Наряду с рецессией роста в стране наблюдались циклические спады. Так, выпуск промышленной продукции в 1998 г. был ниже уровня 1991 г.

Склонность к агрессивному поведению и раньше отличала японские корпорации, объединенные в финансовые группы (*keiretsu*) вокруг крупных банков. В рамках *keiretsu* контролируемые государством банки были готовы предоставить ассоциированным компаниям неограниченные кредиты. Банковская поддержка позволяла промышленным корпорациям «пренебрегать соображениями прибыльности ради увеличения доли на (экспортном) рынке и разорения иностранных конкурентов». Такая схема финансирования, выступавшая в условиях восходящей волны большого цикла конъюнктуры источником динамизма, в рамках нисходящей волны стала «источником экономической болезни блатного (*crony*) капитализма».

Когда в роли страхового фонда выступают средства налогоплательщиков, банки и их клиенты становятся менее осмотрительными, заражаясь «спекулятивной лихорадкой». Как отмечает Кругман, «заемные деньги по своей природе потворствуют риску». Неосмотрительность участников финансовых операций создает благоприятную среду для деятельности «беспринципных (*unscrupulous*) предпринимателей». Так надувался финансовый пузырь в Японии в 1980-е гг. К началу 1990 г. рыночная оценка акций всех японских компаний была больше, чем американских, хотя ВВП США более чем в 2 раза превышал ВВП Японии².

Сыграла свою роль и политика центрального банка, который, следуя стандартным рецептам, рассчитанным на борьбу с обычным циклическим спадом, пытался стимулировать депрессивную экономику снижением учетной ставки. В итоге она опустилась практически до нуля, что не могло не способствовать спекулятивной скупке акций японских корпораций. Таким образом Япония попала в «ловушку ликвидности»³.

В 1990-е гг. правительство Японии приняло ряд мер по финансированию развития транспортной инфраструктуры для стимулирования экономической активности. В результате положительное сальдо государственного бюджета 2,9% ВВП в 1991 г. сменилось де-

¹ *Krugman P.* Op. cit. P. 57, 67.

² *Ibid.* P. 57, 67.

³ *Ibid.* P. 71.

1. Особенности современной динамики мирового хозяйства

фицитом — 4,3% ВВП в 1996 г. Попытка сбалансировать бюджет, ради чего в 1997 г. были повышены ставки налогов, спровоцировала экономический спад. В 1998 г. Япония вернулась к политике дефицитного финансирования. Как следствие, государственный долг превысил размер годового продукта, достигнув в 2009 г. 229% от ВВП¹.

По выражению Кругмана, экономическая политика Японии в 1990-е гг. отличалась странной смесью «самоуверенности и фатализма». Иными словами, использовались рецепты, выработанные для смягчения циклических колебаний, и хотя применяемые меры усугубляли экономическую ситуацию, не предпринимались попытки найти более действенные нестандартные решения.

Самоуверенность присуща и экономической политике США, следующей рецептам основного направления американской экономической мысли. Это в полной мере проявилось в первом десятилетии XXI в. «Я не перестаю удивляться, — пишет Кругман, — как мало экономистов во всем мире осознали, насколько важна проблема ловушки, в которой оказалась Япония, как в практическом отношении, так и в отношении вызова нашим экономическим доктринам»².

Особенности динамики экономики США

Анализ экономики США как самой крупной среди экономик развитых стран и лидера НТП представляет особый интерес. Это связано не только с огромным влиянием страны на весь мир, но и с тем, что снижается ее конкурентоспособность (и развитых стран в целом) под натиском экономик Киндии, располагающей огромными резервами дешевой рабочей силы.

Вторая половина XX в. была ознаменована смягчением среднесрочного цикла в США (и в других развитых странах) по сравнению с почти 100-летним периодом от середины XIX в. до кануна Второй мировой войны. С 1945 по 2002 г. средняя продолжительность среднесрочного цикла США, по оценке Национального бюро экономических исследований (*NBER*), увеличилась до 67 месяцев по сравнению с 47 месяцами в 1854—1938 гг. Практически

¹ См.: Japan's Government's Debt Hits Record High in 2009. <http://english.caijing.com.cn/2010-05-11/110437192.html>.

² *Krugman P.* Op. cit. P. 67, 74.

вдвое сократилась фаза сжатия — с 21 до 11 месяцев, а фаза расширения увеличилась более чем в 2 раза — с 26 до 56 месяцев. В 1854—1938 гг. фаза расширения превышала фазу сжатия на 24%, а в 1945—2002 гг. — уже в 5 раз¹.

Изменение общей продолжительности среднесрочного цикла и соотношения продолжительности его фаз связано с ослаблением колебаний, свойственных циклу Дж. Китчина. Его продолжительность колеблется в пределах двух—пяти лет, а физическую основу составляет динамика товарно-материальных запасов.

Во второй половине XX в. улучшилось управление запасами, особенно благодаря контролю их движения с помощью информационно-коммуникационных систем. В третьей четверти XX в. отношение величины запасов к потоку отгрузок за месяц в обрабатывающей промышленности США было относительно высоким. В частности, в 1968—1973 гг. соответствующий коэффициент был равен 1,8. В 1990-е гг. его значение снизилось до 1,5, а в первом десятилетии XXI в. — до 1,3².

Перенакопление запасов без снижения нормы вложений в основной капитал может только замедлить рост. Сокращения объема промышленного производства по причине избыточных запасов — обязательного условия для регистрации фазы сжатия — не наблюдается. В результате хронологическая длина цикла приблизилась к пределам цикла К. Жюгляра, продолжительность которого колеблется в пределах 7—11 лет, а физическую основу составляет процесс обновления и расширения активной части основного капитала.

Изменились глубина падения объема производства в фазе сжатия и интенсивность роста в фазе расширения. Причинами стали некоторые объективные экономические и политические факторы: НТП; асинхронность циклических колебаний; снижение доли продукции обрабатывающей промышленности в ВВП; расширение возможностей антициклической политики.

Отрасли в фазе интенсивного роста не сокращают производство в фазе спада среднесрочного цикла. Во всяком случае они реагируют на сжатие рынка в меньшей степени, чем отрасли, находящиеся в фазе зрелости, а тем более — упадка. На восходящую волну

¹ См.: Клинов В. Г. Экономическая конъюнктура. Факторы и механизмы формирования. С. 128—129.

² Рассчитано по: Economic Report of the President. Wash. : U. S. Government Printing Office, 2010. P. 395.

большого цикла приходится наибольшее число отраслей, находящихся в фазе интенсивного роста. При этом возрастает их доля в обрабатывающей промышленности, выступающей генератором циклических колебаний. Благодаря увеличению доли новых отраслей снижаются интенсивность и продолжительность фаз сжатия среднесрочного цикла и, наоборот, повышается интенсивность фазы расширения.

В третьей четверти XX в. темпы роста наукоемких отраслей были рекордными. Доля продукции машиностроения и химической отрасли в обрабатывающей промышленности США к концу 1960-х гг. превысила 56%¹. По оценке фирмы *McGraw-Hill*, в 1970 г. доля новой продукции, которая появилась на рынке после 1952 г., достигла в выпуске промышленности США в секторе общего машиностроения 85%, электротехнического — 97%, автомобильной промышленности — 77%. В авиакосмической отрасли продукция обновилась многократно².

Тенденция к синхронизации цикла, когда развитые страны практически одновременно переживают фазы сжатия, а затем расширения, способствует увеличению амплитуды циклических колебаний. Однако в третьей четверти XX в. преобладала асинхронность цикла, т.е. несовпадение смены фаз в некоторых странах, что стало дополнительной причиной ослабления рецессий. Асинхронность была вызвана экономическими последствиями Второй мировой войны, а затем военно-инфляционной конъюнктурой в США в начале 1950-х (война в Корее) и на протяжении большей части 1960-х гг. (война во Вьетнаме).

Последняя четверть XX в. ознаменовалась наступлением нисходящей волны большого цикла. Это в значительной мере было связано с тем, что новые отрасли, сформировавшие восходящую волну в третьей четверти века, вступили в фазу зрелости, т.е. замедлили рост и утратили иммунитет против спада в период сжатия общехозяйственного среднесрочного цикла. Вследствие энергетических кризисов, от которых одновременно пострадали все страны — импортеры нефти, произошла синхронизация циклических колебаний.

¹ См.: Клинов В. Г. Большие циклы конъюнктуры мирового хозяйства. Проблемы анализа и прогнозирования. С. 177, 179—180.

² См.: Клинов В. Г. Мировой рынок высокотехнологичной продукции. Тенденции развития и особенности формирования конъюнктуры и цен. М.: Экономика, 2006. С. 87.

Обострилась проблема безработицы. В нисходящей волне преобладает технологическое ресурсосберегающее направление технического прогресса, оказываются практически исчерпанными возможности конструкторского направления создавать новые области занятости на базе зрелых отраслей.

Энергетические кризисы породили стагфляцию, т.е. синхронизировали рост безработицы и усиление инфляции. Тем самым кейнсианские рецепты сглаживания цикла, действенность которых была основана на несовпадении этих проблем во времени (в фазе сжатия растет безработица, а в фазе расширения усиливается инфляция), оказались неэффективными.

Последствия энергетических кризисов удалось преодолеть благодаря внедрению энергосберегающих технологий и развитию альтернативных источников энергоснабжения, чему содействовали высокие цены на углеводородное сырье. В связи с этим в 1980-е гг. в США и других развитых странах конъюнктура несколько улучшилась по сравнению с конъюнктурой второй половины 1970-х гг. Вновь оказались действенными кейнсианские рецепты, а возможности государства влиять на воспроизводственный процесс постоянно возрастали.

В 1929—1938 гг. расходная часть государственного бюджета США с учетом перечислений на социальное обеспечение выросла с 9,5 до 20,2% ВВП. С 1949 по 1959 г. эта доля увеличилась с 21,9 до 25,8%, а в 1969 г. достигла 29,1%. Начиная с 1970 г. она находилась в пределах 30—33%. Последняя рецессия ознаменовалась рекордными для США показателями: 34,8% ВВП в 2008 г. и 37,6 — в 2009 г.¹

В известной степени объективные причины некоторого усиления циклических колебаний в последней четверти XX в., связанные со старением отраслей обрабатывающей промышленности и синхронизацией цикла в развитых странах, можно было нейтрализовать благодаря расширению возможностей проведения антициклической фискальной политики. Это особенно проявилось в США после преодоления энергетических кризисов и связанной с ними стагфляции.

Важным фактором ослабления среднесрочных циклов, если судить по динамике ВВП, стало снижение доли обрабатывающей

¹ Рассчитано по: National Income and Product Accounts Tables 1.1.5; 3.1 / BEA. Wash., 2010. Feb. www.bea.gov/national/Index.htm.

1. Особенности современной динамики мирового хозяйства

промышленности в ВВП (табл. 4). О том, что она выступает генератором циклических колебаний, свидетельствует, в частности, резкое снижение ее доли в ВВП в годы циклического сжатия. В 1958 г. она снизилась по сравнению с предшествующим годом на 2,0 п.п.; в 1970 — на 1,9; в 1974 — на 0,9; в 1982 — на 1,2; в 2000 — на 1,3 п.п.¹ При этом за период с 1949 по 2008 г. среднее снижение за год составило менее 0,3 п.п.

Таблица 1.4. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП США, %

Показатель	Годы									
	1949	1959	1969	1979	1989	1999	2008	2009	2010	2011
Доля в ВВП	28,0	28,8	26,9	21,2	16,9	14,8	11,4	11,0	11,7	12,2

Источник: US Bureau of Economic Analysis. National Income and Product Account Tables www.bea.gov.

Этот вывод подтверждается при прямом сопоставлении темпов прироста обрабатывающей промышленности и ВВП в фазах сжатия. В 1980 г. продукция обрабатывающей промышленности сократилась на 5,6%, а ВВП — на 0,2%; в 1982 г. соответственно — на 7,3 и 1,9%. В 1990 и 1991 гг. она снизилась соответственно на 1,1 и 1,4%, а ВВП — только в 1991 г. на 0,2%. В 2009 г. объем продукции обрабатывающей промышленности упал на 13,7%, в том числе товаров длительного пользования — на 16,9%, а реальный ВВП уменьшился на 2,4%².

По интенсивности и продолжительности циклических сокращений обрабатывающую промышленность превосходит только строительная индустрия. Однако добавленная стоимость строительства в США в первом десятилетии XXI в. втрое меньше, чем обрабатывающей промышленности. ВВП США сокращался только в те годы, когда наблюдалась негативная динамика последней отрасли.

На этом фоне глубина и продолжительность рецессии, которая в 2008—2009 гг. охватила США, а затем и большинство стран, выглядели неожиданными, тем более что среднесрочный спад в США произошел в фазе восходящей волны большого цикла первой половины XXI в. (табл. 1.5).

¹ См.: Economic Report of the President. 1995. P. 288; 2010. P. 344.

² См.: Economic Report of the President. 2010. P. 332, 390.

I. Конъюнктура мирового хозяйства

Таблица 1.5. Среднегодовые темпы и факторы прироста ВВП США

Показатель, %	Годы								
	1949— 1953	1954— 1957	1958— 1969	1970— 1973	1974— 1981	1982— 1990	1991— 2000	2001— 2007	2008— 2011
Норма вложений (CF/GDP)	20,9	21,9	20,7	19,7	20,9	20,4	18,9	19,8	17,1
Оддача вложений (VA/CF)	23,0	11,9	20,3	18,3	12,0	16,2	18,0	12,1	1,2
Темп прироста ВВП (Δ GDP)	4,8	2,6	4,2	3,6	2,5	3,3	3,4	2,4	0,2
Темп прироста ВВП на душу населения	3,0	0,8	2,8	2,5	1,5	2,4	2,2	1,5	-0,7

Рассчитано: US Bureau of Economic Analysis. National Income and Product Account Tables. www.bea.gov/itable/

По оценке *NBER*, в США рецессия началась в декабре 2007 г. Она оказалась очень сильной на фоне глубокого кризиса финансовой системы, который стал разворачиваться во второй половине 2008 г. Основные антикризисные меры правительство США, а затем и правительства других стран, пострадавших от рецессии, направили на предотвращение краха финансовой системы.

Вместе с тем по мере спасения крупных финансовых учреждений и наметившегося выхода из рецессии все большую озабоченность стала вызывать проблема экономического роста в более длительной перспективе. Сегодня понятно, что первопричиной эпидемии финансовых схем быстрого обогащения и кризиса финансовой системы была *мощная волна конкуренции в реальном секторе экономики*, которой не смогли противостоять большинство стран.

США как лидер НТП вступили в большой цикл раньше других стран, в середине 1990-х гг., что проявилось в росте производительности труда. В 1996—2000 гг. среднегодовой темп прироста продукции (добавленной стоимости) в расчете на человеко-час рабочего времени всех занятых в предпринимательском секторе экономики США вырос до 2,9%. Почти вдвое был превышен показатель 1974—1995 гг. (1,5%), когда наблюдалась нисходящая волна большого цикла второй половины XX в. Вместе с тем прирост производительности несколько уступал против интенсивности 1961—1973 гг. Тогда в фазе процветания большого цикла второй половины XX в. он был равен 3,2%¹.

¹ См.: Economic Report of the President. 2010. P. 388.

Показатели прироста производительности труда в указанные годы ненамного отличаются от соответствующих показателей прироста ВВП на душу населения. В 2001—2008 гг. произошел сбой: темп прироста производительности труда составил 2,6%¹ (снизился по сравнению с показателем 1996—2000 гг. на 0,3 п.п.), а темп прироста ВВП на душу населения упал на 2,0 п.п. — с 3 до 1%.

Снижение темпов прироста ВВП развитых стран

Академик В. М. Полтерович выдвинул гипотезу «инновационной паузы» для объяснения причин замедления экономического роста в передовых странах в начале XXI в.² Гипотеза снижения интенсивности нововведений в восходящей волне большого цикла в целом соответствует концепции длинных волн экономического развития. При этом восходящая волна характеризуется ускорением роста по сравнению с нисходящей, когда наблюдается наибольшая интенсивность нововведений.

Первая фаза жизненного цикла новых систем техники, характеризующаяся появлением на рынке крупных нововведений, чаще всего приходится на нисходящую волну и в меньшей степени — на начало восходящей волны большого цикла. При этом начальная фаза их жизненного цикла характеризуется небольшими масштабами выпуска, и новые производства не оказывают существенного влияния на общую динамику в нисходящей волне цикла.

Восходящая волна обеспечивается интенсивным использованием нововведений, осуществленных в нисходящей волне предыдущего цикла, а интенсивность нововведений в восходящей волне снижается. Примечательно, что Н. Д. Кондратьев, не располагая достаточной статистической базой для теоретического обоснования закономерностей НТП, говорил об «эмпирических правильностях», указывающих на связь развития больших циклов с особенностями динамики НТП. Он считал, что «развитие техники включено в ритмический процесс развития больших циклов»³. Согласно его наблюдениям, процессы развития техники «протекают неравномерно и наиболее интенсивно выражены именно перед началом повышательных волн больших циклов и в начале их»⁴.

¹ См.: Economic Report of the President. 2010. P. 388.

² См.: Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегии модернизации // Вопросы экономики. 2009. № 6.

³ Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. С. 383.

⁴ Там же. С. 371.

Исследования западноевропейских экономистов, разработавших современную концепцию больших циклов, полностью подтвердили справедливость наблюдений Кондратьева о связи между закономерностями НТП и большим циклом экономической конъюнктуры. Так, систематизация данных о крупных нововведениях, приведенных в монографиях Г. Менша, К. Фримена, Я. ванДёйна и ряда других исследователей, показывает, что наиболее плодотворными для нововведений в первой половине XX в. были депрессивные 1930-е гг., когда их общее число достигло 31. В последующие три десятилетия, значительная часть которых составляет восходящую волну, интенсивность нововведений была в 1,5 раза меньше, чем в 1930-е гг. (в среднем 20 крупных нововведений за десятилетие)¹.

Для обозначения наиболее значимых нововведений Полтерович пользуется удачным термином «технологии широкого применения» (ТШП). Однако вряд ли оправданно распространять его только на такие революционные прорывы, как электрификация или компьютеризация и интернетизация. Этой чести вполне могут быть удостоены двигатели (паровой, внутреннего сгорания, турбинный, реактивный), телефон, радио, кино, телевидение, синтетические материалы, антибиотики, атомная энергетика и даже шариковая ручка, как и десятки других нововведений, включая автомобили и самолеты, которые исследователи длинных волн отнесли к категории экономически наиболее значимых.

Полтерович полагает, что инновационная пауза, с которой он связывает замедление роста развитых экономик, предоставляет России и развивающимся странам новые возможности для сокращения отставания от передовых стран. Накопленный научно-технический потенциал в нынешних условиях в большей степени способствует экономическому росту догоняющих стран, чем передовых. Но инновационная пауза не может существенно изменить соотношение динамики ВВП развивающихся и более развитых стран. Вместе с тем в условиях мощной экономической экспансии крупных быстро развивающихся стран все труднее повысить конкурентоспособность не только развитых стран, но и стран с переходной экономикой, включая Россию. Иными словами, задача ее модернизации осложняется из-за конкуренции со стороны крупных развивающихся стран.

¹ См.: Клинов В. Г. Большие циклы конъюнктуры мирового хозяйства. Проблемы анализа и прогнозирования. С. 183.

В первом десятилетии XXI в. усилилось отставание развитых стран по темпам прироста ВВП от мирового показателя. Если в 1991—2000 гг. среднегодовой темп прироста ВВП передовых стран составил 2,8% против мирового 3,1, т.е. разрыв был равен 0,3 п.п., то в 2001—2008 гг. показатель развитых стран снизился до 2,1, а мировой повысился до 3,9%, т.е. разрыв увеличился до 1,8 п.п.¹ Среднегодовой темп прироста ВВП в 2001—2008 гг. в странах СНГ достиг 7,1%, в том числе в России — 6,5%, а в развивающихся странах Азии — 8,35%².

Среднегодовой темп прироста мирового ВВП (ВМП) на душу населения в 2001—2008 гг. повысился до 2,7 против 1,4% в 1991—2000 гг. Это свидетельствует о начале восходящей волны большого цикла первой половины XXI в., которая может продлиться до конца первой четверти этого века. В отличие от предыдущего большого цикла «локомотивом» новой волны выступают не развитые, а развивающиеся страны.

Огромная и быстро растущая емкость рынка развивающихся стран, высокая отдача капиталовложений становятся мощным стимулом для инвестиций, в том числе иностранных, в эти страны. Им необходимы высокие темпы роста, чтобы ежегодно создавать десятки миллионов новых рабочих мест.

В этих условиях обостряется проблема обеспечения занятости населения в более развитых странах. Конкуренция за рабочие места сводится к конкуренции в формировании благоприятного климата для инвестиций. Эту задачу нельзя решить без перестройки системы налогообложения, прежде всего стимулирования развития обрабатывающей промышленности.

Обрабатывающая промышленность составляет основу модернизации всех отраслей хозяйства и обеспечения населения рабочими местами, требующими высокого уровня образования и квалификации. Кроме того, именно в обрабатывающей промышленности наблюдается наиболее острая конкуренция со стороны крупных развивающихся стран, поскольку на продукцию этой отрасли приходится не менее $\frac{3}{4}$ мирового экспорта товаров.

Полтерович говорит о необходимости модернизации российской экономики, управляемой сверху в рамках индикативного планирования, ссылаясь при этом на опыт Японии и НИС. Можно

¹ См.: World Economic Outlook. 2009, Oct. P. 169.

² Ibid.

вспомнить и отечественный опыт, когда при всех режимах делалась ставка на вертикаль власти и подавлялась частная инициатива «низов» — основа демократического развития в конкурентной среде. Полтерович предлагает усовершенствовать вертикаль власти с помощью «института интерактивного управления ростом, основанного на взаимодействии государства, ассоциаций бизнеса и общества»¹. Но вопрос в том, чей голос услышит правительство при интерактивном управлении. Пока все голоса заглушает рык крупного монополистического капитала, доходы которого связаны с присвоением природной ренты.

В 2009 г. руководство стран ОЭСР приняло решение перенести бремя наполнения государственного бюджета с обложения доходов на налоги на расходы и имущество. В Коммюнике глав налоговых ведомств отмечалось, что по мере выхода из рецессии все большая роль будет принадлежать НДС. При этом особое внимание уделяется усилению прогрессивного характера его ставок. М. Девере, директор Центра исследований налогообложения хозяйствующих субъектов (*Centre for Business Taxation*) Оксфордского университета, полагает, что увеличение НДС в отличие от налогов на доходы корпорации не будет «вынуждать индивидов и компании покидать страну»².

В России, вопреки мировым тенденциям, Госдума отклонила законопроект об установлении налога на предметы роскоши³. Продвигается идея снижения ставок НДС, в чем заинтересованы сырьевые монополии. Только усилия Министерства финансов РФ по защите налога, от уплаты которого трудно уклониться, препятствуют дальнейшему снижению налога на потребление. Активно обсуждаются меры по налоговому стимулированию создателей передовой техники, хотя наиболее острая проблема экономического роста — содействие ее применению в широких масштабах. Требуется политическая воля для перестройки налоговой системы в интересах развития обрабатывающей промышленности и формирования конкурентной среды, без чего не удастся покончить с господством монополий и получившей широкое распространение коррупцией.

¹ Полтерович В. Указ. соч. С. 23.

² Houlder V. EU Data Set to Fuel Talk of VAT Increase // Financial Times. 2010. Apr. 25. www.ft.com/cms/s/0/f2a38a5c-5092-11df-bc86-00144feab49a.html.

³ См.: Богомолова Е. «Роскошный» налог прокатили // Финансовые известия. 2010. 13 мая. С. 7.

2

Какой капитализм лучше?¹

О книге Д. Дзяну «Куда идет капитализм? В поисках адекватной политики в драматически меняющемся мире»²

Автор монографии, посвященной анализу современной эволюции капитализма, Даниэль Дзяну, сочетает карьеру экономиста-исследователя и политика. Профессор экономики Национальной школы политических исследований и государственного управления в Бухаресте, член-корреспондент Академии наук Румынии в период работы над монографией был членом Европейского парламента, а ранее — министром финансов Румынии, главным экономистом Национального банка Румынии. Преподавал в Университете Калифорнии в Беркли и Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе.

Разные модели социально-экономического развития

В начале XXI в. мир вступил в полосу интенсивных перемен. Об этом можно говорить даже на фоне драматических изменений второй половины XX в. Уже в третьей четверти прошлого века, когда мировые системы капитализма и социализма развивались небывало высокими темпами в условиях научно-технической революции, возник вопрос о соревновании различных моделей социально-экономического развития. После «пражской весны» появилась концепция «социализма с человеческим лицом». Подавление попыток реформирования социализма в 1968 г. предопределило крах мировой социалистической системы на рубеже 1980—1990-х гг. Конкуренция, в том числе разных социально-экономических систем, способствует совершенствованию ее участников, а устранение конкуренции — деградации.

¹ Вопросы экономики. 2011. № 9. С. 142—151. В соавторстве с Е. А. Сидоровой.

² *Dăianu D. Which Way Goes Capitalism? In Search of Adequate Policies in a Dramatically Changing World.* Budapest, New York: Central European University Press, 2009.

Дэяну вспоминает о вышедшей в 1967 г. книге Ж. Ж. Сервана-Шрайбера «Американский вызов», в которой был поставлен вопрос о меньшей конкурентоспособности западноевропейских фирм по сравнению с американскими транснациональными корпорациями (с. 119). Ответом на американский вызов стали интенсификация усилий по углублению европейской интеграции и движение Западной Европы по траектории догоняющего США развития вплоть до 1980-х гг. Однако в 1990-е гг. экономика США ушла в отрыв. Среднегодовой темп прироста ВВП в расчете на человеко-час составил в 1996—2005 гг. в США 2,4%, а в ЕС-15 — лишь 1,4% (с. 123).

Тогда вновь стал актуальным вопрос о достоинствах и недостатках англосаксонской и континентальной моделей капитализма. Для стран, вступивших на путь перехода от административной экономики к рыночной, это был вопрос выбора той или иной модели в качестве цели трансформации. В новых возможностях, которые открывались с переходом к рыночной экономике, как утверждает автор, «содержались и зерна зла» (с. 60).

Континентальная модель социального рыночного хозяйства представлялась более гуманной, она олицетворяла «достойный капитализм», «капитализм с душой» (с. 244) или некий аналог проекта «социализма с человеческим лицом». Для экономики стран континентальной части ЕС были характерны короткая рабочая неделя (35 часов — во Франции и ФРГ) и продолжительные отпуска (от четырех до шести недель). Прочная защита от увольнений сочеталась с щедрой системой социальной поддержки безработных и малоимущих.

Решая, «делать жизнь с кого», автор критикует континентальную модель не за то, что пособия по безработице нередко обеспечивают более высокий уровень жизни, чем минимальная заработная плата, т.е. ослабляют стимулы к труду, а за то, что страховые отчисления слишком обременительны для предпринимателей. «Огромные взносы в фонды социального страхования, существующие в достаточно большом числе европейских стран, подвигают предпринимателей к использованию черного рынка рабочей силы» (с. 61).

Подобные аргументы взяли на вооружение и противники повышения страховых взносов в России. Между тем ставка на дешевую рабочую силу не совместима с задачами модернизации. Современная экономика требует увеличивать расходы на образование и

2. Какой капитализм лучше?

здравоохранение, а также на пенсионное обеспечение в связи со старением населения. Другое дело, что применение более дорогостоящих ресурсов следует поощрять, снижая ставки налога на прибыль и на технологическую ренту, которая возникает при использовании достижений конструкторской и технологической мысли.

Большей способностью к модификации систем налогового, социального и трудового законодательства отличается англосаксонская модель капитализма. Ограничение максимальной продолжительности рабочей недели 48 часами в ЕС не распространяется на Великобританию, где она может быть длительнее. Англосаксонские экономики характеризуются большей гибкостью в перестройке отраслевой структуры и интенсивностью восприятия достижений НТП. Согласно опубликованным в 2008 г. данным, предприятия по производству информационно-коммуникационной техники (ИКТ) в США тратили на исследования и разработки (ИиР) 10,4% добавленной стоимости, а в ЕС-25 — 6,2%. Выпуск ИКТ составил 6,2% ВВП США и 5% ВВП ЕС-25 (с. 224).

Именно высокая динамичность англосаксонских экономик и необходимость для бывших социалистических стран преодолеть отставание от передовых стран, возможно, предопределили ориентацию на правила, сформулированные в виде «Вашингтонского консенсуса»¹. Способен ли капитализм неолиберального типа ускорить экономическое развитие независимо от конкретных обстоятельств? Отвечая на этот вопрос, автор указывает, в каких отношениях эффект может быть положительным. Либеральная модель лучше стимулирует предпринимательскую деятельность, ограничивает иждивенчество, порождаемое избыточной социальной опекой, а также противодействует администрированию экономики со стороны центрального правительства (с. 29).

«Экономисты сегодняшнего дня, отводя главную роль рыночному механизму распределения ресурсов и вознаграждения предпринимательства, яростно спорят относительно экономической роли правительств», — отмечает автор (с. 31). Он воздает должное институциональному направлению экономической науки, поскольку его представители обосновали первостепенное значение государственной экономической политики в трансформации хозяйства в соответствии с требованиями современного развития.

¹ См.: Браун Г. Г. Рыночное хозяйство и Вашингтонский консенсус // МЭиМО. 2004. № 8. С. 40—44.

В этом отношении примечательны приведенные в монографии показатели динамики ВВП экономик Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в 1990-е гг. Согласно этим данным, с наименьшими потерями и в относительно короткие сроки осуществили системную трансформацию страны, начавшие рыночные преобразования еще в недрах социалистической системы хозяйства.

В Польше за два года, 1990-й и 1991-й, ВВП сократился по сравнению с 1989 г. на 17,2%, а начиная с 1992 г. наблюдалась его положительная динамика. ВВП Чехии за три года снизился на 15,5%. В Венгрии отрицательная динамика ВВП наблюдалась четыре года, до 1993 г. включительно, и по сравнению с 1989 г. ВВП сократился на 18,1%.

Трансформация хозяйства бывших советских прибалтийских республик проходила с большими издержками.

В Литве и Эстонии отрицательная динамика ВВП отмечалась пять лет, с 1990 по 1994 г. включительно. В Латвии сокращение ВВП началось в 1991 г., и негативная динамика наблюдалась до 1995 г. (исключением был 1994 г.). В Литве за период отрицательной динамики ВВП снизился на 44,6% по сравнению с 1989 г. В Эстонии он сократился на 36,3%, а в Латвии — на 50,4% по сравнению с 1990 г. (с. 30). В России ВВП сокращался с перерывом на 1997 г. до 1998 г. включительно и в целом снизился на 43,3% относительно 1990 г.¹

По мнению П. Митры и М. Селовски, проанализировавших по заказу Всемирного банка результаты первого десятилетия преобразований экономик ЦВЕ, в начале периода сокращение ВВП в значительной степени объясняется стартовыми условиями. Последующая динамика восстановления зависела от интенсивности проведения реформ (с. 32—33). Однако, согласно приведенным в монографии данным, страны, пережившие начало трансформации с наименьшими издержками, быстрее завершили процесс восстановительного роста. Иными словами, стартовые условия во многом предопределили успешность реформ.

В Польше прирост ВВП за 1992—2001 гг. составил 55,5%. Уровень 1989 г. был превзойден в 2001 г. на 28,8%. Успеху способствовала поддержка западных стран в форме облегчения долгового бремени. В 1992 г. они простили половину долга Польши. Тогда долг равнялся 30 млрд долл. В Чехии прирост ВВП за 1993—2001 гг. со-

¹ Рассчитано по: International Financial Statistics. Yearbook / IMF. Wash., 2000—2010.

2. Какой капитализм лучше?

ставил 20,3%, и в 2001 г. ВВП превысил уровень 1989 г. на 1,6%. В Венгрии прирост ВВП за 1994—2001 гг. достиг 26,7%, а уровень 1989 г. был превзойден на 3,8%.

ВВП Литвы вырос за 1995—2001 гг. на 28,6% и составил 71,3% уровня 1989 г. ВВП Эстонии увеличился за те же годы на 37,7% и достиг 87,7% уровня 1989 г. ВВП Латвии вырос за 1996—2001 гг. на 33,9% и составил 66,4% уровня 1990 г. (с. 30). На дореформенный уровень ВВП эти страны вышли к середине первого десятилетия XXI в. В 2005 г. ВВП Литвы превысил уровень 1990 г. на 4,2%, Эстонии — на 29,4%, а в Латвии отставал от уровня 1990 г. на 6,1%¹. В России за годы положительной динамики, с 1999 по 2007 г., ВВП увеличился на 85%. Восстановлению экономики способствовала благоприятная конъюнктура на мировом рынке углеводородов. Уровень ВВП 1990 г. был превзойден в 2007 г. на 4,5%².

В целом наиболее удачливые страны ЦВЕ смогли обеспечить умеренные, а не высокие темпы экономического роста. Большинство значительно отстает от среднего уровня экономического развития ЕС, и, по мнению автора, при нынешней политике нельзя определить сроки преодоления отставания (с. 34).

В 1998 г. доход на душу населения, исчисленный по паритету покупательной способности (ППС), составлял в процентах от среднего уровня ЕС: в Эстонии — 37, Польше — 36, Литве — 31, Латвии и Румынии — 27, Болгарии — 23. К числу более успешных стран можно отнести Словакию — 46, Венгрию — 49, Чехию — 59 и Словению — 68 (там же). В России в 2000 г. доход на душу населения составлял 90% от соответствующего показателя Латвии и был на 21% выше, чем в Болгарии³.

Начало XXI в. ознаменовалось обострением конкуренции со стороны крупных развивающихся стран, Китая и Индии, а также мировым кризисом финансовой системы, родившимся в недрах англосаксонской модели, что снова потребовало «мучительной переоценки» ценностей. Наряду с капитализмом американского и европейского типов возник капитализм азиатской и латиноамериканской разновидностей (с. 11). В рамках ЕС помимо континентальной и англосаксонской моделей выделяются скандинавская и средиземноморская разновидности капитализма. Формируется как

¹ См.: Мировая экономика: прогноз до 2020 г. М.: Магистр, 2007. С. 390—393.

² Рассчитано по: International Financial Statistics Yearbook. 2000—2010.

³ См.: Мировая экономика: прогноз до 2020 г. С. 403.

особый тип капиталистическое хозяйство новых членов ЕС — стран ЦВЕ (с. 191).

Европейская социальная модель

Дебаты по поводу европейской социальной модели (ЕСМ) продолжаются. Во-первых, дифференциация экономик ЕС не только не сокращается, но и возрастает, особенно если учитывать последние расширения (2004 и 2007 гг.). Следствием стал рост социальной напряженности, а политики спешно ищут средства «лечения социальных болезней». Во-вторых, смысл существования ЕС заключается в выработке конкретных социально-экономических условий для своих граждан, что выходит за рамки международной конкурентоспособности.

Характерно, что все подобные дискуссии заставляли политический истеблишмент усиленно продвигать процесс евроинтеграции. Последний их виток пришелся на 1990-е гг., когда американские экономисты «рассматривали «континентальную модель» (позднее возник термин «европейская крепость» (*Fortress Europe*) по аналогии с американской стратегией) как реальную альтернативу «англосаксонской модели» (с. 119). Но когда в конце 1990-х гг. стало ясно, что крупнейшая экономика ЕС — ФРГ — не сумела в должной мере воспользоваться прорывом в сфере ИКТ, эти страхи рассеялись.

Еще в ЕС-15 (Старой Европе) наблюдалось значительное социальное и экономическое разнообразие. Тогда в ЕС существовали:

- твердокаменные социал-демократы шведского типа (скандинавская, государство перераспределяет около 60% ВВП);
- британская модель (близкая к американской по доле ВВП, перераспределяемого через бюджет, около 40%);
- средиземноморская модель (ее часто характеризуют как «беспорядочную» — размер государственной квоты изменяется от 40 до 60% ВВП).

После нескольких расширений ЕС сюда следует добавить модели «новой десятки», которая тяготеет к либеральной британской модели (с. 121), причем здесь наблюдались сравнительно высокие для ЕС (до кризиса) темпы экономического роста. Если принять во внимание эти различия, то возникает закономерный вопрос: можно ли вообще говорить о ЕСМ?

Не секрет, что в ЕС идут напряженные дискуссии по поводу единой социальной модели. Пример стран ЦВЕ, вошедших в ЕС,

показывает, что экономический рост «еще не панацея, когда правительства не способны справиться с социальными вызовами, которые сопровождают модернизацию» (с. 131). Вместе с тем в Старой Европе «комбинация низких темпов экономического роста с высокими государственными расходами не жизнеспособна в долгосрочной перспективе» (с. 189).

Начало построения ЕСМ положено Лиссабонским договором (вступившем в силу в 2009 г.). В нем прямо указано, что Европейский союз строит эффективную «социальную рыночную экономику» (*socialmarketeconomy*)¹. Таким образом, в основополагающем договоре ЕС в качестве базы для построения ЕСМ признана именно германская социально-экономическая модель. К ее плюсам можно отнести умеренность государственного вмешательства по сравнению со скандинавской моделью. Также привлекателен более мощный социальный компонент (по сравнению с британской моделью, хотя в последнее время Великобритания существенно расширяет сферу государственной социальной политики).

Несмотря на наличие Лиссабонского договора, остаются нерешенными такие важные проблемы, как налоговая конкуренция, создание «подлинно Общего рынка» (с. 132), реформирование общей сельскохозяйственной политики, энергетики. В дополнение можно назвать реформирование общего бюджета ЕС и реализацию стратегии «Европа-2020».

Кроме того, как отмечает автор, есть проблема Пакта стабильности и роста (ПСР), которая существенно влияет на развитие еврозоны и всего ЕС. Дзяну замечает, что зона евро — «единственный в мире регион, где проводится централизованная денежно-кредитная политика, но различается политика фискальная». ПСР призван играть важную роль в координации экономического развития ЕС. Правда, «на долгосрочную перспективу ограничения ПСР ставят под вопрос устойчивость систем государственных финансов» (с. 146). На момент написания книги ПСР был приостановлен решением Еврокомиссии на время кризисных явлений в экономике ЕС и действия стабилизационных программ стран-членов (примерно до 2014 г.). Как представляется, в среднесрочной перспективе в Лиссабонский договор (частью которого является

¹ В соответствии со ст. 3 Лиссабонского договора (бывшей ст. 2 Договора о Европейском союзе). Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union. Brussels, 2008. Apr. 15. P. 21.

ПСР) будут внесены изменения, в том числе придана большая «циклическая» гибкость критериям ПСР, особенно показателям бюджетного дефицита и отношения государственного долга к ВВП.

Еще один важный фактор выработки ЕСМ — реформирование общего бюджета Европейского союза. «Цели, структура и размер общего бюджета... являются результатом степени интеграции в ЕС» (с. 191). С одной стороны, вопросы реформирования общего бюджета чрезмерно политизированы, с другой — неотделимы от европейской интеграции. К сожалению, как отмечает автор, «хотя политически общий бюджет ЕС является уникальным совместным проектом большого количества стран, которые решили объединить [частично] свои ресурсы для решения общих задач, он до сих пор остается экономическим инструментом низкой эффективности» (с. 184).

Наиболее актуальны для бюджетной политики ЕС три проблемы. В общем бюджете необходимо найти компромисс между зачастую несовместимыми национальными интересами и парадигмами, а также «межинституциональной борьбой за власть [наднациональных структур ЕС]» (там же). Побочный эффект глобализации вынуждает страны прибегать к протекционизму, что негативно отражается на их желании перераспределять ресурсы на наднациональном уровне. Кроме того, отмечается ненадлежащее управление средствами общего бюджета (Счетная палата ЕС 15 лет подряд не принимает положительного заключения)¹.

До сих пор нет единогласия в способах реформирования общего бюджета. Справедливое, как представляется, требование Великобритании сократить субсидии сельскому хозяйству наталкивается на сопротивление блока Франция—Польша. До сих пор не решена проблема доноров и реципиентов, хотя соответствующие способы уже предложены.

Существуют альтернативные источники пополнения средств общего бюджета. Кроме европейского НДС называют налоги на воздушное сообщение, финансовые операции (есть принципиальное согласие «большой тройки», но отсутствуют конкретные механизмы реализации); доходы от торговли квотами на выброс парниковых газов и проч. Все эти способы увеличить доходы общего бюджета или изменить его структуру (свыше 70% в 2010 г. дал взнос

¹ См.: European Union Finances 2010. www.hm-treasury.gov.uk/d/european_union_finances_2010.pdf.

с ВНД)¹, как отмечает автор, «не будут реализованы в краткосрочной перспективе» (с. 230). Впрочем, по его мнению, «нереально ожидать фундаментальных и быстрых изменений» в этой сфере (с. 234).

Демократическая и авторитарная модели капитализма

Большое значение автор придает разграничению экономик либерально-демократического уклада и авторитарных форм капитализма. В качестве примера авторитарных названы Китай и Россия. Он считает, что будущее сформируется под влиянием соперничества демократической и авторитарной моделей капитализма (с. 8). Успех в этом соревновании зависит от того, насколько принципы экономической целесообразности удастся совместить с моральными ценностями и идеалами социальной справедливости (с. 73). Автор, в частности, полагает, что вопрос о том, какую форму примет капитализм и какой характер приобретет вмешательство государства в экономику, решится в значительной мере под влиянием глобализации (с. 44).

Истоки нынешнего кризиса финансовой системы автор видит в «неолиберальном наступлении», характерном для последних двух десятилетий (с. 14). Речь идет о навязывании миру концепций «рыночного фундаментализма», т.е. упрощенных рецептов отмены ограничений на трансграничную миграцию всех видов капитала (а не только прямых инвестиций). Имеется в виду также ослабление контроля над предпринимательской деятельностью со стороны государства. Нашедший отражение в Бреттон-Вудских соглашениях тезис Дж. М. Кейнса о том, что «чрезмерно изменчивые потоки капитала пагубно влияют на торговлю и состояние экономики», имеет прямое отношение к характеристике современного кризиса финансовой системы (с. 116).

В 1999 г. в США отменили закон Гласса—Стигалла (*Glass—Steagall Act*) 1933 г., который разграничивал сферы деятельности коммерческих и инвестиционных банков (с. 4, 28, 111). На основании принятого вместо него закона Грэмма—Лича—Блайли (*Gramm—Leach—Bliley Act*) коммерческие и инвестиционные банки, а также страховые компании и хедж-фонды были уравнены в правах.

¹ См.: Budget 2010 in Figures. http://ec.europa.eu/budget/figures/2010/2010_en.cfm.

Инвестиционные банки получили возможность открывать и использовать краткосрочные депозиты физических лиц для финансирования долгосрочных капиталовложений, не будучи стеснены жесткими нормами финансирования, предусмотренными для коммерческих банков. Более того, в 2004 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам США освободила крупные инвестиционные банки от ограничений в отношении долговых обязательств. Эти решения открыли путь для инноваций и спекуляций в области страхования финансовых операций и внебиржевой торговли ценными бумагами.

Порожденная активной деятельностью по созданию новых видов ценных бумаг многоступенчатая система страхования финансовых операций, развитие которой не поддавалось контролю, имела целью снизить риски на микроэкономическом уровне, а привела, как считает автор, к увеличению макроэкономических рисков (с. 76). «Эйфория бума, финансируемого с помощью кредита, — утверждается в монографии, — сглаживает различие между проектами различной эффективности и может способствовать росту цен на активы». Нередко предоставлялись кредиты, не обеспеченные залогом имущества, при этом стирались границы ответственности за неисполнение условий договора о кредите (там же).

Сложность финансовых процессов породила чрезмерную зависимость при принятии решений от результатов экономического моделирования. Математически элегантные системы прогнозирования могли посылать сигналы, не соответствующие реальному ходу событий. Сложилась порочная система вознаграждения лиц, принимающих управленческие решения, которая поощряла чрезмерно рискованные шаги вместо большей осмотрительности (с. 84).

«Существует множество управленцев высшего уровня, получающих невероятно высокие зарплаты и бонусы, несмотря на неустойчивое состояние дел их компаний», — пишет автор (с. 114). Заработная плата высшего звена управления крупных корпораций в первом десятилетии XXI в. стала в 300—900 раз превышать среднюю заработную плату их подчиненных. На протяжении 150 лет господства капиталистического строя до 1960-х гг. это соотношение не превышало 40 : 1 (с. 270).

Предусматривалась разная степень защиты в зависимости от доходности того или иного выпуска ценных бумаг. Система пирамидального типа процветала, пока цены на фондовом рынке повышались. С наступлением циклического спада она рухнула.

2. Какой капитализм лучше?

Масштабы экономической катастрофы, порожденной кризисом финансовой системы, во многом связаны с чрезмерно разросшимися рынками финансовых активов. Особо выделяется рынок кредитных дефолтных свопов (*Credit Default Swaps, CDS*), представляющих спекулятивную форму страхования кредитных рисков. Возникнув в 1990 г., рынок *CDS* достиг, согласно приводимым в монографии данным, «умопомрачительной» величины в 45 трлн долл. (с. 89). По более поздним данным, стоимость *CDS* составила в конце 2007 г. 62,2 трлн, год спустя она снизилась до 38,6 трлн долл.¹

Рост стоимости финансовых активов стимулировала политика низких ставок рефинансирования центральных банков США, еврозоны и Японии (с. 84). Чрезмерной ликвидности способствовала также покупка облигаций правительства США крупными азиатскими экспортерами продукции обрабатывающей промышленности, а также странами — экспортерами нефти. Страны с большим положительным сальдо по внешнеторговым операциям стремились таким образом ограничить повышение курса своих национальных валют относительно доллара (с. 84—85).

Видный европейский эксперт по рынку ценных бумаг А. Ламфалусси в остроумной форме обосновал необходимость государственного регулирования финансовых операций: «Те, кто считает гарантией глобальной стабильности совершенную конкуренцию полностью либерализованной финансовой системы, возможно правы. Но как мы можем убедиться в этом? Я полагаю, что нам не следует на практике выяснять, насколько гладко и быстро будет срабатывать автономная коррекция нашей системы при отсутствии активной опеки со стороны государственной власти» (с. 107).

В монографии Дзяна нет конкретных рецептов разработки разумной экономической политики, обеспечивающей устойчивое решение проблем социально-экономического развития. Он утверждает, что она должна быть не шаблонной, а прагматичной с учетом особенностей национальной экономики и условий глобализации. Кризис международной финансовой системы, по его мнению, окончательно развеял представления о том, что экономика — строгая наука, выявил «серьезные слабости рыночного фундаментализма» (с. 115).

Воздав должное заслугам Л. фон Мизеса и Ф. фон Хайека, доказавшим, что свободное предпринимательство выступает основой

¹ См.: International Swaps and Derivatives Association Market Survey 2010. www.isda.org/statistics/pdf/ISDA-Market-Survey-annual-data.pdf.

экономического прогресса и что крах коммунистической системы, отрицающей роль рынка в распределении ресурсов, неизбежен, автор утверждает, что свободный рынок в современных условиях все равно нуждается в государственном регулировании. Дзяну связывает это с возрастающей ролью общественных благ и необходимостью ограничить отрицательное воздействие производства на окружающую среду (с. 253).

Успех рыночных реформ в Китае и Индии автор объясняет их прагматичным характером. Прагматизм заключается в создании благоприятных условий для капиталовложений в ключевые отрасли, что обеспечивает возможность модернизации экономики и качественной занятости трудоспособного населения.

«Тектонические сдвиги в мировой экономике» (с. 247) Дзяну связывает с интеграцией в нее дешевой рабочей силы крупных стран Азии, благодаря чему численность занятых в обрабатывающей промышленности в мире увеличилась в несколько раз. В 2004 г. в Китае в этой ключевой отрасли было занято в 10 раз больше, чем в США, — 165 млн против 16,5 млн человек. В конце 2008 г. общая численность занятых в промышленности Китая (включая добывающие предприятия) достигла 257 млн. Эксперты в области рынка труда полагают, что интеграция в мировую экономику столь значительных ресурсов дешевой рабочей силы негативно повлияет на заработные платы в западных странах (с. 128). Потребуется изменение в государственной экономической, прежде всего бюджетной, политике, поскольку в Китае отдача от вложений в основной капитал в 2001—2008 гг. была в 2,5 раза выше, чем в США, а норма вложений в основной капитал превышала американский показатель в 2 раза¹.

Динамизм экономик Китая и Индии основан не только на огромных резервах дешевой рабочей силы, но и на быстром освоении передовой техники, что проявляется в интенсивном росте их экспорта. Они также наращивают свой научно-технический потенциал благодаря собственным усилиям (с. 247).

Сравнение динамики ВВП Китая и Индии как представителей авторитарной и демократической моделей капитализма пока не в пользу последней. Авторитарный капитализм может быть достаточно успешным на начальных этапах индустриализации при усло-

¹ Клинов В. Г. Экономика России: итоги роста в контексте международных сопоставлений // Международная экономика. 2010. № 9. С. 16—25.

вии проведения адекватной экономической политики. Большинство новых индустриальных стран Азии начинали свое догоняющее развитие при авторитарных режимах. По мере усложнения экономики она успешнее развивается по либерально-демократической модели.

В этом отношении показательны результаты исследования развития мировой экономики, выполненного по заказу Citigroup¹. Число стран, у которых ВВП на душу населения рос быстрее, чем в США, стремительно увеличивалось с нарастанием глобализации и началом восходящей волны большого цикла первой половины XXI в. Понятно, что в основном это развивающиеся страны, как правило, с авторитарными режимами.

В 1980-е гг. таких стран было 22, или 25% мирового итога стран с населением не менее 0,5 млн человек. В 1990-е гг. их число достигло 35, а доля составила 32%. В 2000-е гг. — соответственно 99 и 90%².

Согласно прогнозу, наиболее быстро до середины XXI в. будут расти экономики стран Африки. Их доля в мировом ВВП повысится с 4% в 2010 г. до 12% в 2050 г. Доля развивающихся экономик Азии увеличится с 27 до 49%. Напротив, удельный вес Северной Америки уменьшится с 22 до 11%; Западной Европы — с 19 до 7% и Японии — с 6 до 2%. Сократятся доли в мировом хозяйстве экономик Латинской Америки — с 9 до 8%; ЦВЕ — с 4 до 2% и СНГ — с 4 до 3%³.

Примечательно, что доля экономик СНГ стала сокращаться после 1970 г., когда на регион ЦВЕ, составлявший большую часть СССР, приходилось 10% мирового ВВП, исчисленного по ППС. После 1970 г. снизилась и доля развитых стран, но вес СНГ падал сильнее: таким образом, за последние 40 лет экономики СНГ все больше отставали от экономик передовых стран.

Вступление мировой экономики в восходящую волну большого цикла подтверждается фактическими и прогнозными данными о среднегодовых темпах прироста мирового ВВП на душу населения за 100 лет — с 1950 по 2050 г. (см. рис. 1).

Авторы исследования особо выделяют неблагоприятное состояние и перспективы развития России. До сих пор экономиче-

¹ См.: *Buiter W. H., Rahbari E. Global Economics View // Citigroup Global Markets. 2011. Feb. 21. www.nber.org/~wbuiter/3G.pdf.*

² *Ibid.* P. 22.

³ *Ibid.* P. 15—16.

I. Конъюнктура мирового хозяйства

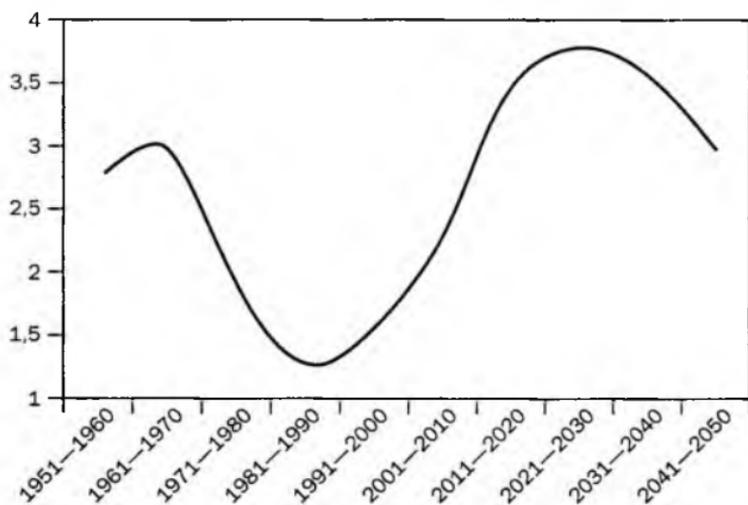

Рис. 1. Среднегодовые темпы прироста мирового ВВП на душу населения, 1951—2050 гг.

Источник: *Buiter W. H., Rahbari E. Op. cit. P. 11—12.*

ский рост в нашей стране был низким, если исключить эффект, достигнутый за счет повышения мировых цен на углеводороды. В период с 2010 по 2050 г. среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения может составить 3,7%¹. Экономическая политика и институты России, по оценке авторов, формируют неблагоприятный для предпринимательства и инвестиций в основные фонды климат.

«Голландская болезнь» экономики России вызвана не высокими ценами на углеводороды, а непрофессиональным использованием доходов от нефтегазовой ренты. Авторы указывают на возможность превращения России в страну-рантье. Сохранению устойчивого роста и созданию современной развитой экономики препятствуют низкие нормы вложений в основной и человеческий капитал².

Е. Гурвич (руководитель Экономической экспертной группы) заявляет о деградации бюджетной политики. О. Сергиенко (замминистра финансов России) считает, что складывающаяся структура

¹ См.: *Buiter W. H., Rahbari E. Op. cit. P. 71.*

² *Ibid.*

2. Какой капитализм лучше?

госбюджета негативно скажется на перспективах экономического роста¹.

Можно назвать еще два обстоятельства, уточняющие перспективы соревнования авторитарной и либерально-демократической моделей капитализма. Сравнение динамики Китая, с одной стороны, и США и Индии — с другой, показывает преимущество Китая до 2020 г., когда по размеру ВВП он может догнать США. К 2050 г. Индия может обогнать Китай по объему ВВП. По показателю ВВП на душу населения в 2050 г. Китай будет вдвое отставать от США.

* * *

Общий вывод следующий. Обострение конкуренции в процессе глобализации ведет к конвергенции разных типов капитализма. С одной стороны, передовые страны, теряющие позиции в мировом хозяйстве, будут вынуждены ужесточать нормы трудового и социального законодательства. Им также придется перестраивать налоговую систему, чтобы отдача от капиталовложений была достаточно высокой, а их объем обеспечивал необходимую занятость трудоспособного населения. С другой стороны, постепенное усложнение структуры экономики в странах с авторитарным режимом диктует движение в сторону демократизации и либерализации. В противном случае неминуемо отставание, ибо авторитарные режимы не в состоянии управлять сложными системами. Более того, следствием длительного периода администрирования экономики может стать примитивизация народного хозяйства.

¹ См.: Куликов С. Стабильность в России под большим вопросом // Независимая газета. 2011. 27 апр. С. 1—2.

3

Экономическая теория и проблемы современного развития¹

О книге Колодко Г. В. Глобализация, трансформация, кризис — что дальше? М. : Магистр, 2011)

Изменения в мировом хозяйстве, происходящие под влиянием глобализации и преобразования административно управляемых экономик в современные рыночные, а также великая рецессия 2008—2009 гг. обнажили несоответствие господствующих школ в области экономической теории вызовам современности. Выявилась их неготовность дать основу для решения актуальных задач экономической политики.

Анализу современных процессов в мировой экономике и попытке выработать критерии «хорошей экономической теории», без которой, как утверждает Гжегож Витольд Колодко, невозможно построить «хорошую стратегию и хорошую политику социально-экономического развития» (с. 65), посвящена его последняя книга. Также, утверждает он, «опираясь на ошибочную теорию, можно реализовать только ущербную экономическую политику» (с. 116). Нельзя, однако, рассчитывать на то, что будут найдены ответы на все случаи жизни. «Экономическая наука... касается живого организма, и сам предмет изучения непрестанно меняется» (с. 52).

Личность Г. В. Колодко в современной Польше сопоставима с личностью Лешека Бальцеровича. Оба дважды занимали посты вице-премьера и министра финансов в польских правительствах. Оба осуществляли системную трансформацию экономики страны, но результаты их деятельности, судя по показателям экономического роста, различны, если не противоположны.

Л. Бальцеровичу принадлежит пальма первенства, ибо по его плану в 1989 г. началась и продолжалась под его руководством до

¹ Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 2011. № 9. С. 121—128.

конца 1991 г. трансформация, получившая название «шоковая терапия». С точки зрения показателей экономического роста периоды его правления были провальными. В 1990 и 1991 гг. ВВП сокращался, а безработица росла.

Второй период его руководства экономическим блоком правительства с конца 1997 до начала 2001 г. сопровождался снижением темпов прироста ВВП. В 1998 г. он опустился до 5% против 7,1% в 1997 г. К 2001 г. (когда Бальцерович переместился в кресло председателя Национального банка Польши и занимал его до начала 2007 г.) этот показатель упал до 1,1%. Низшая отметка, 0,6% в годовом исчислении, была пройдена в первой половине 2002 г. (с. 117).

Г. В. Колодко отвечал за экономическую политику в правительстве в 1994—1997 и 2002—2003 гг. В первом периоде темпы прироста ВВП не только повышались, но и достигли рекордной отметки в 7,1% в 1997 г. В 1996 г. Колодко был назван лучшим министром финансов стран Центральной и Восточной Европы, а Польша стала членом ОЭСР. Во втором сроке Колодко отмечалось интенсивное повышение темпов прироста ВВП. Во второй половине 2002 г. темп прироста был в 3 раза выше, чем в первой половине 2002 г., а в 2003 г. — в 2 раза выше, чем во второй половине 2002-го. В 2004 г. Польша вступила в ЕС.

Остается открытым вопрос, в какой степени смена тенденций в экономическом росте одной страны или различия между странами обязана экономической политике, а в какой — стечению благоприятных или неблагоприятных обстоятельств. Аргументация самого Г. В. Колодко противоречива.

Нет оснований упрекать автора в том, что он отдает должное объективным процессам, хотя форма их отражения не безупречна. «Все происходит так, как происходит, потому что многое происходит одновременно. Это касается как больших успехов и эффектных побед, так и злополучных поражений и катастроф, которые случаются в любой сфере человеческой деятельности» (с. 55). Далее в книге это называется «теорией стечения обстоятельств развития» (с. 126). Такой стохастический подход до недавнего времени был характерен для основного течения англосаксонской экономической мысли, критиком которого выступает Колодко. Циклический характер капиталистической экономики объяснялся не волновым характером процессов модернизации и роста капитала, а случайным стечением то благоприятных, то неблагоприятных условий экономического роста.

Колодко имел все основания утверждать, что предпосылки для трансформации были «гораздо лучше в Польше, чем на Украине». Так же как Л. Бальцеревич признавал, что «политические условия для экономических реформ в России были более тяжелые, чем в Польше. При этом Гайдар и его команда имели меньше времени на радикальные реформы»¹.

Противоречия в аргументации Колодко обнаруживаются, когда речь заходит об экономической политике.

С одной стороны, он осуждает политику шоковой терапии, не называя ее автора по имени. Он считает шоковую терапию производной от неолиберализма. «За последние 25 лет мы в большинстве своем стали жертвами неолиберализма, этой большой утопии, доминировавшей в общественной и особенно экономической мысли XX века» (с. 166).

С другой стороны, он признает, что экономисты были «застигнуты врасплох изменениями в бывших социалистических странах на рубеже 1980-х 1990-х годов, их глубиной и остротой» (с. 55). Его претензия на преимущество концепции социального рыночного хозяйства по сравнению с неолиберальной моделью плохо увязывается с признанием, что «не только в начале трансформации, но и до сих пор у нас отсутствует ее теория» (с. 107).

Накопленный за 20 лет опыт рыночной трансформации позволяет утверждать, что далеко не всегда успех или неуспех, измеряемый темпами экономического роста, является производным от экономической политики, а высокие темпы экономического роста не обязательно свидетельствуют о благополучном состоянии экономики. Опыт России 1990-х и первого десятилетия XXI в., наглядно показал, насколько темпы роста ВВП могут зависеть от цен на углеводородное сырье на мировом рынке, хищнической эксплуатации природных ресурсов. Он также продемонстрировал возможность ускорения экономического роста на фоне общей деградации основных производственных фондов и обрабатывающей промышленности особенно.

«Золотая последовательность» экономического роста Польши в 1995-1997 гг., когда темпы роста инвестиций в 2-3 раза превышали рекордно высокие темпы роста ВВП (с. 113), также имела обратную сторону, из-за чего не было обеспечено развитие на длитель-

¹ Бальцеревич Л. В стратегии реформ мы совпадали. Радио Свобода. 16.12.2009. <http://www.svobodanews.ru/content/article/1905942.html>.

ную перспективу. Как признает Колодко, наблюдался крен в сторону инвестиций в финансовый сектор, рынок недвижимости и торговли и недостаток вложений в обрабатывающую промышленность и инфраструктуру (с. 105).

Обратимся, однако, к оценке автором объективных процессов, обозначенных в названии книги, чтобы затем вернуться к проблеме выработки адекватной экономической теории и политики.

Глобализацию Колодко характеризует как «исторический процесс либерализации и последующей интеграции ранее относительно изолированных рынков капитала, товаров и (с некоторой задержкой и в ограниченных масштабах) труда в единый мировой рынок» (с. 29). В этом определении дается описание, но не характеристика механизма развития глобализации. Опираясь на основы экономической теории, заложенные Адамом Смитом, можно утверждать, что процессы специализации и кооперации в области воспроизводства, тем более мирового масштаба, способствуют ускорению развития производительных сил. Интенсифицируется при посредстве Интернета процесс накопления научно-технического и организационного потенциала, его применение в производстве и сбыте продукции, а также совершенствуется система технического обслуживания потребителей машин и оборудования.

Прогрессивная сторона процесса глобализации неразрывно связана с обострением конкуренции и усилением неравномерности в распределении доходов. Обе стороны глобализации описаны в монографии Колодко. Автор отмечает, что «глобализацию можно также рассматривать как экономическую игру, в ходе которой возникают дополнительные возможности и дополнительные угрозы» (с. 33).

От глобализации выигрывают все, поскольку «в среднем производство растет быстрее, чем это было бы при отсутствии глобализации. Жизнь всего человечества — а не только жителей отдельного региона или страны становится лучше» (с. 43—44). Однако по ряду причин, о которых пойдет речь в дальнейшем, благосостояние растет неравномерно и «получивший в этой игре меньшую награду склонен считать себя проигравшим. Хотя в действительности он таковым не является» (с. 46).

Колодко называет ряд важных объективных причин, по которым в условиях глобализации «экономическое расслоение человечества... нарастало» (с. 44). В числе объективных причин, обуслов-

ливающих увеличение разрыва между странами, упоминается разница в географическом положении (с. 33).

Автор считает, что «больше всех от глобализации выигрывают сильнейшие в экономическом и политическом отношении государства, чьи ресурсы капитала (в первую очередь, высококачественного человеческого) являются источником их гигантского конкурентного превосходства в условиях глобальной структуры» (с. 42).

Судя по всему, подразумеваются наиболее развитые в экономическом отношении страны. В этом сказывается недооценка автором значения для мировой экономики возрастающей конкуренции со стороны крупнейших быстро развивающихся экономик мира, Китая и Индии, хотя об увеличении их веса в мировом хозяйстве автор упоминает (с. 128). Преимущество этих стран не ограничивается огромными ресурсами дешевой рабочей силы. Они быстро наращивают человеческий капитал и научно-технический потенциал. Число студентов в Китае за 20 лет увеличилось в 4 раза. Доля научных сотрудников развивающихся стран в мировой численности увеличилась за период с 2002 по 2007 г. с 30 до 38%¹.

Колодко отмечает рост неравномерности распределения доходов в странах, переживающих системную трансформацию, оперируя величиной коэффициента Джини (с. 79, 144). Автор утверждает, что повышение коэффициента Джини, отражающее увеличение неравномерности распределения доходов, до величины 0,35 «начинает действовать против экономического роста» (с. 79). Это положение Колодко вынужден далее в книге опровергнуть, признав, что опыт развития при коэффициенте, равном 0,37 во Вьетнаме (2004) и Китае — 0,47 (2007), «доказывает нечто другое» (с. 144).

Следует сказать, что норма сбережений повышается вместе с коэффициентом Джини, но использование сбережений для финансирования капиталовложений зависит от инвестиционного климата. В России высока неравномерность распределения доходов, проявляющаяся в том, что доля в ВВП доходов от капитала больше доли доходов от труда. В 2008 г. доля доходов от капитала составила 58,5%, а доходов от труда — 41,5%. В 2007 г. доля доходов от капитала достигала 58,9%². Высокой доле доходов от капитала соответствует высокая норма сбережений. Значительная часть на-

¹ См.: Globalisation: The redistribution of hope // The Economist. 2010. Dec. 16. (<http://www.economist.com/node/17732859/comments?page=6>)

² См.: Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2008. С. 658.

коплений денежного капитала, однако, уходит из России в силу неблагоприятного предпринимательского климата. В немалой степени накоплению и вывозу денежного капитала способствовало государство. Доходная часть государственного консолидированного бюджета в 2007 г. составила 40,5% ВВП, а расходная — 34,5%¹.

В России одна из самых низких норм вложений в основной капитал. В процентах ВВП она составила 2001–2008 гг. 18,9 по сравнению 19,3 в США; 23,9 — в Японии; 27,9 — в Индии; 38,2 — в Китае². В России наблюдается явный перекося в капиталовложениях в добывающую промышленность. В 2007 г. в нее было вложено 1004,4 млрд руб., а в обрабатывающую — 1020,7 млрд, хотя добычей сырья было занято 1,5% рабочей силы, а переработкой — 16,7%³.

Основной пафос Колодко направлен на то, чтобы показать негативную роль неолиберализма в усилении неравномерности распределения доходов. Обвинение выдвигается в адрес «свободного рынка и бесконтрольного движения капитала, усугубляющих неравенство в современном мире и порождающих растущий слой отверженных» (с. 38).

На самом деле черты, приписываемые автором неолиберальному течению экономической мысли, в большей степени характерны для его консервативной ветви. В США это идеология правого крыла республиканской партии, отстаивающей интересы мультимиллионеров, миллиардеров и настаивающих на ограничении роли государства в экономике. Резкий уклон в сторону консервативной идеологии наблюдался с приходом в руководство республиканской партии и страны Джорджа Буша-младшего (2001–2009).

Весьма характерный акт того периода — это поэтапное снижение налога на наследование недвижимости, затрагивавшее интересы лишь 2% наследников, которым доставалось имущество, достаточно большое, чтобы платить соответствующий налог. Один процент населения с самыми высокими доходами выплатил $\frac{2}{3}$ суммы налога на наследство, высшая по доходам 10%-ная группа обеспечила 96% поступлений по этому виду налогов⁴.

¹ См.: Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2008. С. 307, 638.

² См.: International Financial Statistics. Wash.: IMF, 2010. March. P. 342, 644, 706, 1082, 1344.

³ См.: Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2008. С. 138, 718.

⁴ См.: *Krugman P.* The Conscience of a Liberal. N. Y.; L.: W. W. Norton & Company, 2007. P. 162.

Наиболее тяжелые последствия, приведшие к кризису финансовой системы и ставшие одной из важнейших причин тяжести рецессии 2008–2009 гг., вызвало в период президентства Дж. Буш-младшего снятие ограничений в деятельности хедж-фондов, страховых компаний и инвестиционных банков. Такого рода компании получили равные с традиционными коммерческими банками права в области мобилизации сбережений, которые они использовали для финансирования операций с ценными бумагами, не будучи в отличие от коммерческих банков ограничены строгими нормативами кредитования.

Рискованные операции, оборачивавшиеся банкротствами, сопровождались выплатами огромных бонусов руководству компаний, в том числе сразу после спасения таких компаний с помощью государственных субсидий. В первом десятилетии XXI в. доход среднего представителя высшего слоя руководства американских компаний (свыше 9 млн долл. в год) в 367 раз превышал доход среднего рабочего. В 1970 г. разница была 30-кратной¹.

Перераспределение доходов, осуществляемое с помощью государственных институтов, в пользу тех, у кого первичные доходы выше, не является причудой американских консерваторов. Колодко приводит удивительные примеры того, как распределяются средства Европейского сельскохозяйственного фонда развития (*European Agricultural Fund for Rural Development, EAFRD*). В Испании сумма субсидий, достающаяся семи (!) привилегированным фермам, такая же, какая распределяется между самыми маленькими хозяйствами в этой стране численностью 12 700 человек. Во Франции 15% сельских предприятий, принадлежащих к высшему слою по уровню доходов, получают 60% поступающих в эту страну средств *EAFRD* (с. 75).

Колодко склонен считать рецессию 2008–2009 г. началом «системного кризиса современного капитализма, а точнее — его неолиберальной мутации» (с. 129). Корни кризиса он усматривает в «англо-американской модели», полагая, что он «не мог проявиться в странах с налаженной социальной рыночной экономикой, например в скандинавских странах» (с. 132). Кризис финансовой системы действительно начался в США и стал важной составляющей рецессии 2008–2009 г., но упрек следует предъявлять не в адрес неолиберализма вообще, или так называемого Вашингтонского

¹ См.: *Krugman P.* Op. cit. P. 136, 142.

консенсуса, а той консервативной ветви теории и политики, которая возобладала в период президентства Дж. Буша-младшего.

Вашингтонский консенсус (ВК), сформулированный английским экономистом Джоном Уильямсоном в 1989 г., призван был выделить основные правила экономической политики, с которыми могли согласиться умеренные представители разных макроэкономических школ в рамках мэйнстрима. Они отражали позицию администрации США, МВФ, Всемирного банка и ведущих американских аналитических центров¹. Колodka винит ВК в создании предпосылок для развития кризиса системы международных финансов и в ошибках, допущенных при разработке планов трансформации административных экономик в современные рыночные (с. 134).

При оценке ВК следует учитывать характер применения этого свода правил в отдельных странах. МВФ с середины 1990-х гг. стал настаивать на том, чтобы страны во исполнение соответствующего пункта ВК шли на либерализацию своих капитальных счетов. Последствия свободы перемещения портфельных инвестиций и ссудного капитала проявились в азиатском финансовом кризисе 1997 г. По версии Д. Уильямсона, требование либерализации потоков капитала в ВК сознательно ограничивались прямыми иностранными инвестициями, а «не всякого вообще движения капитала»².

Неолиберальная политика принципиально пугает цели со средствами, утверждает автор (с. 133). Не следует, однако, забывать, что именно в США были впервые в мире сформулированы цели экономической политики, которые и по сей день остаются основой передовых представлений в этой области. В 1946 г. Конгресс США принял Закон о занятости, в котором на правительство США возлагалась обязанность использовать все имеющиеся в его распоряжении ресурсы для максимизации трех переменных величин: занятости, производства и покупательной способности. В данной емкой формулировке тесно увязаны задачи умножения производительных сил с развитием нации. Обеспечение занятости экономически активного населения в условиях интенсивного НТП и изменения структуры хозяйства возможно на основе высокого уровня образования и ква-

¹ См.: Ананьин О., Хаиткулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // МЭиМО. 2010. № 12. С. 15.

² Браун Г. Г. Рыночное хозяйство и Вашингтонский консенсус // МЭиМО. 2004. № 8. С. 41.

лификации. В современных условиях к этим целям можно добавить необходимость обеспечить рациональное использование природных ресурсов, защиту и оздоровление окружающей среды.

Экономическая политика формировалась в США, в том числе под влиянием достижений американских и английских исследователей природы экономических циклов и закономерностей экономического роста. Их усилия объединило Национальное бюро экономических исследований (НБЭИ — *NBER*), основанное в 1920 г. Уэсли Митчеллом, выдающимся исследователем циклических процессов в экономике. Именно английские и американские исследователи разработали систему национальных счетов. Под эгидой НБЭИ начиная с 1937 г. ведется систематическое исследование закономерностей формирования доходов и богатства (*Studies in Income and Wealth*). Д. М. Кейнс, Й. А. Шумпетер, С. Кузнец, Э. Ф. Денисон, Д. У. Кендрик, Р. М. Солоу, Д. У. Йоргенсон, К. Фримэн — вот далеко не полный список представителей англосаксонского течения экономической мысли, внесших выдающийся вклад в исследование закономерностей социально-экономического развития и НТП.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что уже на протяжении более 100 лет США удерживают лидерство в области НТП и экономического роста, а экономики, придерживающиеся англосаксонской либеральной модели, обеспечивают на протяжении последних 30 лет более высокую степень занятости рабочей силы, чем страны континентальной Западной Европы с социальным рыночным хозяйством.

Вопреки расхожим представлениям о том, что в неолиберальной модели государству отводится роль «ночного сторожа», на самом деле преобладает прагматический подход, согласно которому государство должно дополнять частное предпринимательство в тех областях, где это необходимо в общественных интересах. Данные статистики говорят о возрастающей роли государства в развитии экономики США. В период 1929—1938 гг. расходная часть государственного бюджета США с учетом перечислений на социальное обеспечение выросла с 9,5 до 20,2% ВВП. С 1949 по 1959 г. эта доля увеличилась с 21,9 до 25,8% и до 29,1% — в 1969 г. Начиная с 1970 г. она находилась в пределах 30—33%. Последняя рецессия ознаменовалась рекордными для США показателями: 34,8% ВВП в 2008 и 37,6% — в 2009 г.¹

¹ Рассчитано по: BEA. National Income and Product Accounts Tables 1.1.5 & 3.1. Wash., 2010. Febr. www.bea.gov/national/Index.htm

Можно назвать две причины закономерного роста роли государства в экономике. Во-первых, в современных условиях возрастает значение общественных благ, таких как фундаментальная наука, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, сетевая инфраструктура, развитие которых требует мощной финансовой поддержки со стороны государства. Во-вторых, возможности регулирования экономики и распределения доходов со стороны государства тем больше, чем значительнее часть ВВП, перераспределяемая при посредстве государственного бюджета. В этом втором случае следует оговориться, что многое зависит от средств и механизмов достижения поставленных целей. Ибо возможно не только благотворное, но и разрушительное влияние государственного вмешательства в экономику. Это, по Колодко, вопрос выбора между «хорошей стратегией» и «ущербной политикой».

Прежде чем перейти к вопросу о методах достижения целей экономической политики, отметим несовершенство определений ее целей, представленных в книге. На с. 101 целью названа «социально-экономическая динамика — темпы роста, подкрепляемые финансово, экономически, социально и экологически». При такой постановке вопроса трудно проследить степень выполнения поставленных целей, за исключением достигнутых темпов экономического роста. От этого недостатка не свободно и другое определение, в котором автор утверждает, что переход к рыночной экономике служит достижению «более высокой цели — долгосрочного развития, сбалансированного с точки зрения социально-экономических и экологических параметров» (с. 106).

Оговорка относительно сбалансированности экономического роста весьма существенна. Особенность экономического роста России в первом десятилетии XXI в. состояла в том, что он базировался на хищнической эксплуатации природных ресурсов. Согласно расчетам руководителя Экономической экспертной группы при Правительстве РФ Е. Т. Гурвича, природная рента только в углеводородном комплексе составляла в последние годы в среднем 25% ВВП. В 2008 г. она достигла максимальной величины за последнее десятилетие — 27,9% ВВП¹.

Можно предположить, что на протяжении первой четверти XXI в. будет преобладать благоприятная конъюнктура для экспорта

¹ См.: Гурвич Е. Нефтегазовая рента в российской экономике // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 24.

сырья. В этом смысле экономический рост гарантирован России на длительную перспективу. Однако рост за счет добывающей промышленности, в которой занято всего 1,5% рабочей силы, отнюдь не способствует развитию российской нации. В большинстве регионов России значительная часть населения не имеет работы или имеет работу, не соответствующую профессиональным возможностям и не обеспечивающую прожиточного минимума. По оценке Е. Ш. Гонтмахера, 1—2% населения России купается в роскоши, 10—15% живет за счет обслуживания названной верхушки и не менее 40% «ежедневно борется за выживание, считая каждую копейку»¹.

Вопрос о средствах и механизмах достижения поставленных целей вызывает в среде экономистов-теоретиков и политиков наибольшие споры. Основные рычаги воздействия государственных институтов на экономику связаны с формированием доходной и расходной частей государственного консолидированного бюджета и регулированием денежно-кредитного обращения. Наибольший интерес для России представляет вопрос о формировании налогово-бюджетной политики, тогда как эффект регулирования денежно-кредитного обращения в России не сопоставим с эффектом в США.

Огромные возможности США в части регулирования денежно-кредитного обращения и воздействия по этой линии на состояние экономики связаны с тем, что национальная валюта США является основной резервной валютой международных расчетов. Последствия избыточной эмиссии долларов компенсируются в масштабе мирового хозяйства. В России усилия по поддержке банков и других учреждений финансового сектора практически никак не отражаются на состоянии реального сектора экономики. Ввиду высокой интенсивности инфляционного процесса невозможно обеспечить долгосрочные рублевые кредиты на приемлемых для промышленности условиях.

Российские предприятия обрабатывающей промышленности нуждаются в поддержке для модернизации, но вынуждены обходиться собственными средствами, которых явно не хватает. Большая часть капиталовложений (около 97%) российского энергомашиностроения осуществляется за счет собственных средств. Износ основных фондов предприятий энергомашиностроения

¹ Россия 2010. Российские трансформации в контексте мирового развития. М. : Лотос, 2010. С. 78.

достигает 54—57%, в том числе машин и оборудования — 75%, испытательного и стендового оборудования — 90—100%¹. Положение российского машиностроения, как и всей обрабатывающей промышленности, было бы существенно лучше, если бы предприятиям не предлагали кредит на заведомо неприемлемых условиях взамен части прибыли, изъятой в форме налога.

В связи с этим значительный интерес вызывает трактовка налоговой политики в книге Колодко. Автор выступает ярким противником линейной (плоской) шкалы обложения доходов. Он полагает, что экономисты лгут, когда утверждают, что линейное обложение прибыли служит созданию «лучших условий для формирования капитала и инвестирования» (с. 73). На самом деле, по его мнению, снижаются налоги на тех, у кого доходы выше «путем перекладывания издержек этой операции на группы с низкими доходами» (там же). Однако далее в монографии позиция автора модифицируется. Он пишет, что «необходимо постепенно переносить бремя налогообложения с прямых и косвенных налогов на доходы и расходы на налоги, прямо связанные с эксплуатацией и загрязнением природной среды» (с. 171).

Встает вопрос, какие или в какой области налоги следует снижать. Делать это следует в интересах развития производительных сил, рационального использования природных ресурсов, защиты окружающей среды и обеспечения нации работой, благодаря которой в полной мере используются возможности накопленного и рост в будущем человеческого капитала. В равной степени важен и вопрос, какие или в какой области необходимо повышать налоги для достижения тех же целей. Например, налог на эксплуатацию природных ресурсов, или в российской версии — налог на добычу полезных ископаемых, должен быть прогрессивным, а ставки обложения зависят от характеристик месторождения. Высшие его ставки должны быть достаточными для того, чтобы полностью изымать природную дифференциальную ренту, т.е. сверхприбыль, которая должна принадлежать нации как собственнику природных ресурсов.

В 2008 г. часть природной углеводородной ренты размером, эквивалентным 5,1% ВВП, оставалась у добывающих нефть и газ компаний². Этого достаточно, чтобы компании не утруждали себя

¹ См.: *Чемоданов Е.* Вложить в машины // Известия. 2010. 30 июня. Приложение: Российские технологии. С. 3.

² См.: *Гурвич Е.* Указ. соч. С. 24.

заботами о внедрении передовых методов извлечения полезных ископаемых, об использовании попутных газов, факелы которых освещают месторождения в любое время суток и года, а ограничивались снятием сливок с наиболее продуктивных месторождений.

Вместе с этим столь большое вознаграждение в форме природной ренты от добычи делает невыгодными вложения в обрабатывающую промышленность, в которой доходность намного ниже. Нефтяные компании не готовы без поддержки государства вкладываться в нефтепереработку внутри страны, предпочитая выплачивать непомерно большие дивиденды или создавать предприятия за рубежом несмотря на высокий износ фондов нефтяной и газовой промышленности в России.

Значительная часть углеводородной ренты используется для субсидирования внутренних потребителей природного газа. На это расходуется часть углеводородной ренты, эквивалентной, по оценке Е. Т. Гурвича, 8,7% ВВП (2008), или без малого $\frac{1}{3}$ общей суммы углеводородной ренты¹. В результате внутренняя цена на природный газ во много раз меньше той, которую платят за тот же газ потребители в странах ЕС. Цена, по которой обходится природный газ российским потребителям, является мощнейшим тормозом внедрения энергосберегающей техники. Глупо экономить на дешевом и удобном энергоносителе, если стоимость сэкономленного газа окажется меньше расходов на эксплуатацию техники, благодаря применению которой уменьшается расход топлива.

Необходимо прогрессивное налогообложение собственников земли и недвижимости. Прогрессивное налогообложение подразумевает освобождение от налога мелких собственников. Высокие налоги на крупных собственников — это не только шаг в сторону социальной справедливости, но и заслон против формирования монопольной собственности. Это шаг в направлении формирования конкурентной среды, борьбы с коррупцией и финансовыми махинациями.

Налоги на потребителя, или налоги на расходы, должны быть прогрессивными, что подразумевает низкие или даже нулевые ставки на предметы первой необходимости, на которые тратится основная часть бюджетов семей с самыми низкими душевыми доходами. Ставки должны возрастать вместе с ценой приобретаемого товара или услуги. Это шаг не только в сторону социальной спра-

¹ См.: Гурвич Е. Указ. соч. С. 24.

ведливости, но и в направлении рационализации расходов, поощрения сбережений, столь необходимых для финансирования вложений в создание новых рабочих мест.

Плоская и по возможности низкая, а может быть, и нулевая ставка налога на прибыль и трудовые доходы необходима в России отраслям, ключевым для достижения целей экономического развития. Это касается прежде всего обрабатывающей промышленности, которая сама по себе обеспечивает качественную занятость значительной части рабочей силы и помимо прочего служит основой модернизации народного и домашних хозяйств. Того же заслуживают в России физические и юридические лица, занятые в сельском хозяйстве, а также те, кто строит и обновляет объекты инфраструктуры с длительным сроком окупаемости.

В этом смысле необходимо поощрять не только тех, кто создает передовую технику, но и тех, кто ее использует. Основной макроэкономический эффект связан именно с применением техники. Введение прогрессивного налогообложения в обрабатывающей промышленности было бы равноценно наказанию за успешную работу. Дифференциальная рента в обрабатывающей промышленности возможна, но она имеет источником не благоприятные природные условия, а передовую технику. Такая монополия не только не преследуется, но и охраняется на определенный срок патентным законодательством и правом на коммерческую тайну в интересах финансирования и окупаемости затрат на ИиР.

В заключение о предпочтении, которое Колодко отдает модели социального рыночного хозяйства, характерной для стран континентальной Западной Европы по сравнению с англосаксонской моделью, которая в интерпретации Колодко подается как «империя зла». Обе модели переживают кризис в связи с конкуренцией со стороны крупных успешно развивающихся стран, но экономика ЕС находится в более глубоком кризисе, чем экономика США.

Для США, возможно, было бы достаточно снизить ставки налогов на прибыли в обрабатывающей промышленности, где конкуренция в условиях глобализации ощущается наиболее остро, и тем самым способствовать созданию рабочих мест. Вероятно, для США целесообразно, по совету ведущего комментатора *Financial Times* Мартина Вольфа, ввести налог на добавленную стоимость¹, с

¹ См.: Wolf M. Obama's economic challenges // *Financial Times*. 2008. Nov. 11. http://www.ft.com/cms/s/0/73ce7676-b00f-11dd-a795-0000779fd18c.html?nclclick_check=1.

помощью которого большинство стран ОЭСР надеются решить проблему дефицита государственного бюджета¹.

Для ЕС недостаточно реформировать налоговую систему. Для выживания необходимо трансформировать законодательство о труде и социальном обеспечении. Модернизация трудового законодательства необходима для облегчения перемещения рабочей силы из традиционных отраслей в новые. Социальное законодательство в нынешнем виде поощряет иждивенчество, особенно нетерпимое в условиях обострения конкуренции. Понятно сопротивление со стороны тех, кто пользуется благами социального рыночного хозяйства. Колодко не одинок в симпатиях к этой модели, особенно в ее скандинавском варианте. Жизнь, однако, подталкивает страны ЕС к модификации континентальной модели в направлении к англосаксонской, которую они еще недавно именовали не иначе, как ультралиберальной моделью.

В целом новая книга Г. В. Колодко интересна тем, что стимулирует внимание к наиболее актуальным проблемам современного развития, в том числе к проблемам стратегии социально-экономического развития России. Хотелось бы разделить оптимизм автора относительно того, что Россия «уверенно становится большим глобальным игроком и что все мировые проблемы можно решить в сотрудничестве — с Россией, с Китаем, с Индией» (с. 162).

¹ См.: *Houlder V.* EU data set to fuel talk of VAT increase // *Financial Times*. 2010. Apr. 25. <http://www.ft.com/cms/s/0/f2a38a5c-5092-11df-bc86-00144feab49a.html>.

4

Культура и экономическое развитие¹

О книге Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М. : ИРИСЭН, 2007

Монография профессора Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Дипака Лала (1940 г.р.) посвящена особенностям формирования евразийских национальных культур, типов политического устройства и экономической политики, а также их роли в экономическом росте на разных этапах истории со времен формирования древних и средневековых цивилизаций до наших дней.

В частности, автор предпринял попытку объяснить, почему именно западноевропейская цивилизация смогла добиться интенсификации экономического роста в эпоху промышленных революций, став в авангарде накопления и использования научно-технического потенциала. Вместе с тем профессор Д. Лал полагает, что странам, принадлежащим к другим цивилизациям, для успеха движения по траектории догоняющего развития в современных условиях не требуется полная перестройка национальных культур по западноевропейскому образцу: «Модернизация возможна без вестернизации» (с. 208). К этому выводу следует вернуться в конце анализа представляемого исследования.

В основу монографии положены лекции памяти Бертиля Улина (Олина), прочитанные автором в Стокгольмской школе экономики осенью 1995 г. В русском переводе книга издана Институтом распространения информации по социальным и экономическим наукам. В связи с русским изданием его труда профессор Д. Лал выступил в сентябре 2007 г. с лекцией, посвященной роли культуры в экономическом развитии, в Государственном университете «Высшая школа экономики» (ГУ–ВШЭ).

¹ МЭМО. 2009. № 1. С. 123–127.

Особенность представленного исследования заключается в том, что автор опирается в основном на труды специалистов «по антропологии, социальной психологии, эволюционной биологии, неврологии, макросоциологии, а также — по социально-экономической истории религий и культур, образующих Евразию» (с. 13).

В книге очень мало ссылок на работы экономистов и совсем не представлены работы, посвященные закономерностям НТП. Это, возможно, связано с тем, что, как полагает автор, вопрос о культуре и экономическом развитии «многим экономистам представляется неопределенным, путанным и бестолковым» (с. 13). В то же время практики, занимающиеся разработкой и реализацией программ экономического развития, подчеркивают важность культуры. Автор ссылается на книгу Лоуренса Харрисона, бывшего ответственного работника Агентства международного развития (США), опубликованную под названием «Кто процветает. Как культурные ценности формируют экономический и политический успех» (с. 15).

Отправной точкой исследования Д. Лала является положение, по которому «экономисты в значительной мере согласны друг с другом» (с. 16). Речь идет о том, что «непосредственными», или «ближайшими», причинами экономического роста являются эффективность и норма инвестиций. С математической точностью это положение может быть выражено следующей формулой:

$$\Delta GDP_t = \frac{VA_t}{CF_{t-1}} \times \frac{CF_{t-1}}{GDP_{t-1}} \times 100,$$

где Δ — темп прироста в процентах; t — отчетный период (год); $(t - 1)$ — предшествовавший период (год); GDP — валовой внутренний продукт; VA — добавленная стоимость (прирост ВВП); CF — вложения в основной капитал; VA/CF — отдача на вложенный капитал; CF/GDP — норма расхода ВВП на вложения в основной капитал.

Отдача на прирост капитала и норма вложений в капитал взаимосвязаны. В условиях рыночной экономики чем выше отдача на прирост капитала, тем сильнее стимул для наращивания капиталовложений. Чем больше ресурсов направляется для формирования капитала, тем острее конкуренция между предпринимателями, тем изощреннее они в поисках повышения эффективности производства.

В монографии основное внимание уделяется двум объективным процессам интенсификации экономического роста. Во-пер-

вых, это развитие специализации и перераспределение ресурсов под влиянием международной торговли. Во-вторых, это НТП. Первое направление автор называет ростом смитовского типа в честь Адама Смита, обосновавшего прогрессивную роль углубления международного разделения труда. Второе — ростом прометеевского типа — в честь мифического героя Прометея, подарившего людям огонь.

Объективные процессы в обществе возникают и развиваются «в результате независимых действий множества индивидов, преследующих свои различающиеся цели, и конечные результаты этих действий могут весьма отличаться от тех, которые имелись в виду» (с. 24). Именно с этим постулатом, принятым в экономической науке со времен А. Смита, связано название книги — «Непреднамеренные последствия».

Не только объективные процессы, но и «экономическая политика имеет значение» (с. 17). Обращаясь к ранее приведенной формуле, можно утверждать, что инвестиционный климат и экономический рост зависят от того, какая часть прибыли изымается с помощью налогов для наполнения государственного бюджета. Известны примеры того, как введение низкой плоской шкалы налогов на прибыль и трудовые доходы стимулировало предпринимательскую и трудовую деятельность, ускоряло экономический рост и обеспечивало высокую занятость населения. Напротив, способность государства к «хищническому поведению» (с. 169), т.е. к изъятию сбережений, характерному для авторитарных режимов, оборачивается отставанием в экономическом развитии, деградацией экономики и крахом государства.

Проблема, которой посвящена рецензируемая монография, заключается в том, как объективные социальные и политические процессы связаны с особенностями формирования культуры и что составляет понятие культуры применительно к теме экономического развития.

По определению английского социолога и антрополога Эрнеста Геллнера «культура есть особый способ вести дела, который характеризует данное общество» (с. 22). Согласно трактовке лауреата Нобелевской премии в области экономики Дугласа Норта культура служит фундаментом «правил игры» в том или ином обществе и обеспечивает «неформальные ограничения человеческого взаимодействия» (с. 23). Нормы взаимодействия передаются социально.

Такая форма передачи отличается от генетической тем, что, как утверждает Э. Геллнер, «закрепляет приобретенные признаки» (с. 23).

Д. Лал применительно к задачам своего исследования обращает внимание на то, что культура является результатом изменения окружающей среды в процессе сознательной деятельности человека и выработки способов выживания в новой среде. Приобретенные навыки фиксируются «в качестве социального обычая» (с. 23).

Если перевести это положение с философского на более конкретный экономический язык, то речь может идти о следующем. Достижения в области совершенствования производства находят отражение в новой технике и модернизации старой, в новых схемах организации человеческой деятельности, а также в системе образования и профессионального обучения. Благодаря этому передаются и совершенствуются технологии создания и эксплуатации техники и организации производства в целом.

Д. Лал выделяет два слоя культуры. Первый представляет материальные формы культуры (способы зарабатывания на жизнь), или, если пользоваться марксистской терминологией, производственные отношения. Второй слой составляет мировоззрение, т.е. понимание мира и места человечества в нем. Автор называет его космологическими представлениями. Он считает такое определение нейтральным, предпочитая его термину «идеология» (с. 24). Д. Лал вспоминает в связи с этим марксистское учение о базисе и надстройке, согласно которому базис первичен, а надстройка вторична. Он отмечает, что многие представители социальных наук, «зараженные дарвинизмом», солидарны с данным положением марксистского учения. В то же время большое число антропологов и социологов, по мнению автора, придерживаются идеалистических взглядов. Свою позицию автор обозначил, заявив: «Как добрый индус я, естественно, считаю, что истина — где-то посередине» (там же).

На самом деле, как исследователь, Д. Лал придерживается материалистической позиции. Он солидарен с эволюционными психологами в том, что люди не являются моральными животными от рождения. Мораль вырабатывается в процессе эволюции человечества и влияет на все аспекты его деятельности, включая производственную. Человек способен вести жизнь, основанную на совести, поскольку, как писал Ч. Дарвин, ему свойственно «сопоставлять свои прошлые и будущие действия или побуждения, одобряя или не одобряя их» (с. 25).

Сравнивая два слоя культуры, Д. Лал отмечает быстрое приспособление материальных аспектов культуры к изменениям в окружающей среде, тогда как космологические представления долгое время остаются практически неизменными, но способны к радикальным изменениям при определенных условиях. Несмотря на различия оба слоя культуры влияют на поведение человека в обществе. «Человеческая деятельность направляется и материальными, и космологическими представлениями» (с. 33). Это же касается и влияния на политическое устройство, но в этом отношении «взгляд на мир будет, по-видимому, основным» (с. 35).

Принципиально важно в концепции Д. Лала выделение в национальных культурах и цивилизациях соотношения индивидуализма и коммунизма. Автор понимает под коммунизмом способность к сотрудничеству и взаимопомощи на некоммерческой основе. «Запад более индивидуалистичен, чем остальной мир» (с. 29), — констатирует автор и связывает с этим преимущества западноевропейской цивилизации в развитии рыночной экономики.

Материальной базой древних цивилизаций в долинах рек Тигра и Евфрата, Нила, Инда и Янцзы было интенсивное орошаемое земледелие. Такая форма земледелия требовала трудового сотрудничества при рытье каналов и сооружении плотин и способствовала развитию традиций коммунизма. На этой же основе развивалась стратификация общества. На вершине общества стоял абсолютный монарх, власть которого ограничивалась обычаями.

В Древнем Египте монарх был богом, но он не мог действовать по произволу и прихоти, а лишь в согласии с *маат*, «правильным порядком». В Месопотамии монарх считался избранным к службе при вмешательстве божественной силы. Он должен был «познавать суть того, как исполнять монарший долг» (с. 42).

Процветание древних империй было связано с тем, что они способствовали развитию международной торговли и повышению эффективности экономики на основе общественного разделения труда (смитовский тип развития). Закат империй автор объясняет «хищническим характером государства» (с. 90). Империя для поддержания внутреннего порядка и защиты от внешних угроз изымала с помощью налоговой системы все большую часть сбережений, необходимых для вложений в развитие производительных сил.

Особый случай — китайская цивилизация раннего Средневековья. В Китае XI века «были представлены все технические компоненты для разработки тех технологических достижений, которые

стали символом западной промышленной революции и основой роста прометеевского типа, превратившего органическую экономику в экономику, основанную на минеральном сырье» (с. 62). Стагнация китайской экономики к концу средневекового периода «несмотря на бурлящее средневековое творчество — одна из величайших исторических загадок», — считает Д. Лал (с. 62).

В качестве возможных причин застоя выдвигается особенность китайской политической администрации, усилиями которой в соответствии с конфуцианскими представлениями о мерах, необходимых для поддержания физической целостности империи, «были встроены системные ограничения» на экспансию всякого рода: промышленную, коммерческую и военную (с. 63). Другая причина, называемая автором, состояла в том, что «накопление огромного частного богатства от торговли и промышленности большинство китайцев считало глубоко аморальным» (там же). В конечном счете «официальная идеология и народная психология одновременно действовали в направлении укрепления преимуществ, которое чиновники имели в любом столкновении с всего лишь богатыми частными лицами» (там же).

Возвышение Западной Европы автор связывает с интенсивным ростом прометеевского типа, называя это явление «европейским чудом» (с. 89). Выдающиеся результаты экономического развития и сложность причин интенсивного роста дают основание говорить о чуде. Значительная часть исследования Д. Лала посвящена попытке расшифровать это «чудо».

На ранней стадии западноевропейской цивилизации локомотивом интенсивного роста смитовского типа послужила торговля средиземноморских стран, обусловленная их различиями в обеспеченности факторами производства. Вместе с тем были заложены основы для прогресса прометеевского типа.

Первой институциональной особенностью западноевропейской цивилизации было формирование городов-государств, в которых создавался благоприятный климат для купцов и коммерции — основы их процветания. «Купцы неизбежно играли большую роль, чем в имперских государствах Индии и Китая» (с. 92).

Вторая особенность гражданского устройства заключалась в развитии коммерческого договорного права и кодификации гражданского на базе института римского права. Это позволило перейти от сделок, основанных на «доверительных семейных связях», на

которые опиралась торговля в древних аграрных империях, на сделки «между независимыми сторонами» (с. 92).

Третья особенность состояла «в признании государством прав частной собственности» (с. 93). По существу, это означало «связывание рук хищным правительствам» в соответствии с формулой: «нет налогообложения без представительства» (там же).

В целом центральным организационным принципом самоуправляемых городов-государств было «верховенство гражданства над всеми формами человеческого объединения» (с. 94). Именно верховенство гражданского общества отличало западноевропейскую цивилизацию от древних цивилизаций.

Особая роль в обеспечении культурного единства политически разделенной Западной Европы принадлежала христианской церкви. Здесь мы, в частности, сталкиваемся с непреднамеренными последствиями, которые повлекли за собой действия христианской церкви в области семейного права, которые церковь предприняла для обеспечения своих имущественных интересов.

В VI в. Папа Григорий I вынес запрет на браки с близкими родственниками и свойственниками, на сожительство, а также на передачу детей путем усыновления. Эти запреты лишали семьи, не имеющие прямого наследника мужского пола, сохранить семейную собственность и способствовали ее отчуждению в пользу церкви (с. 105). Уже к концу VII в. во Франции $\frac{1}{3}$ производительных земель сконцентрировалась в руках церкви. В последующие два столетия процесс увеличения церковной собственности на землю продолжался не только во Франции, но и в Италии и германских землях (с. 106).

Папские запреты приводили к формированию западной нуклеарной семьи, культивирующей индивидуализм, в отличие от расширенной семьи (семейного клана), проникнутой духом коммунализма и характерной для других цивилизаций. Северо-Западная Европа благодаря новой системе формирования семей избежала мальтузианского обнищания. Новую систему отличали поздние браки, занятость неженатых и незамужних вне домохозяйств и проживание по месту работы, заключение брака означало разделение домохозяйств (с. 109).

Нуклеарная семья способствовала снижению рождаемости, полной занятости взрослого населения, развитию денежных отношений, созданию излишка, который мог быть направлен на инвестиции. Новая система поддерживала независимость молодежи,

поскольку успех в жизни зависел в первую очередь от них самих, а не от помощи даже близких родственников. Они рассчитывали скорее на договорные, чем эмоциональные отношения. «Западная система не полагалась на ответственность (взрослых) детей за своих родителей или наоборот, что отличает ее от других евро-азиатских систем» (с. 110).

Помощь пожилым могла предоставляться через договоры о наследовании или аренде имущества или на платной основе. Кроме того, уже в XIII в. и даже ранее развивается внесемейное призрение. Ответственность за бедняков всех возрастов принимали на себя церковь, гильдии и манориальная система (с. 110).

Развитию индивидуализма и духа рационализации способствовала и реформация западного христианства, что привело к разграничению между обществом и государством, к теории и практике общественного договора между ними (с. 121). Вместе с тем это обозначило дальнейшее расхождение с восточной ветвью христианства. Киевская Русь выбрала византийский вариант христианства, увидев в нем опору автократического правления. Это послужило относительной изоляции России от остальной Европы, «русской подозрительности по отношению к Западу» (с. 118).

Особенность географического положения России и низкая плотность населения породили среду, «в которой государство может легко сформироваться, выжить в борьбе, но редко когда процветать. Такая среда благоприятствует обширным и хрупким империям, уязвимым для нападения извне и мятежам изнутри» (с. 119). Это обобщение, к которому пришел историк Фелипе Фернандес-Арместо¹ на основе изучения истории халифата Аббасидов, Д. Лал считает возможным распространить на Россию, тем более что Ф. Фернандес-Арместо назвал Россию «неевропейской империей Европы»² (с. 119).

Попытки России преодолеть отставание, которое образовалось после «развода» с латинским христианским миром, и «играть более или менее важную роль в мире перемежались периодами относительного упадка» (с. 119), так считает автор, ссылаясь на опыт проведения реформ Петром Великим, Александром II и И. Сталиным.

В связи с этим уже упоминавшийся вывод Д. Лала, который опирается на современный опыт догоняющего развития ряда

¹ См.: *Fernandez-Armesto F. Millennium: A History of the Last Thousand Years.* N. Y. : Scribner, 1995. P. 93.

² *Ibid.* P. 94.

стран, о возможности модернизации без вестернизации подлежит критической оценке.

Модернизация, которая навязывается сверху, административными мерами, без создания необходимых стимулов для предпринимательской и трудовой деятельности не имеет прочных корней. Возможен успех за счет концентрации усилий на отдельных направлениях путем закупки западной техники и заимствования организационных форм, выработанных передовыми странами.

Прочный успех в макроэкономическом масштабе, наращивании и использовании научно-технического потенциала зависит от частной инициативы экономического и общественно-политического свойства. Что касается экономического успеха, то он в огромной степени, как показывает опыт передовых стран, базируется на стимулировании предпринимательской и трудовой деятельности с помощью грамотного использования налоговых рычагов и регулирования денежно-кредитного обращения. Основная премудрость налоговой политики состоит в том, чтобы облагать налогом доход «не тогда, когда он зарабатывается, а когда он расходуется»¹.

С одной стороны, это означает, что наполнять государственный бюджет следует в основном за счет относительно высоких налогов на ресурсы и на потребительские товары повышенного спроса. Чем дороже ресурсы, тем больше прилагается усилий и изобретательности для экономного и рационального их использования. Создается стимул для применения передовой техники, тогда как при дешевых ресурсах не окупаются затраты на эксплуатацию передовой техники.

С другой стороны, снижение налогов на прибыль и трудовые доходы стимулирует предпринимательскую деятельность. В условиях России, где ресурсы относительно дешевы, существуют большие возможности снизить налоги на доходы без потерь для бюджета и придать мощное ускорение экономическому росту.

В реформах такого рода не заинтересованы сырьевые монополии и подкармливаемая ими бюрократия, поскольку их доходы уменьшатся за счет изъятия природной ренты путем введения более высоких налогов на эксплуатацию недр. Корыстные интересы монополистических кругов блокируют создание привлекательных условий для развития обрабатывающей промышленности. При нынешней разнице в доходах между добывающей и обрабатываю-

¹ *The flat-tax revolution* // The Economist. 2005. April 16. P. 65.

щей промышленностью развитие большей части обрабатывающих производств невыгодно.

Между тем именно обрабатывающая промышленность служит основой модернизации всего народного хозяйства, создания передовой техники и обеспечения высокооплачиваемой работой населения всей страны, а не только в отдельных зонах. Без налоговой реформы хозяйство большей части регионов страны обречено на деградацию.

Вопреки мнению экспертов Правительство РФ в лице сначала М. Е. Фрадкова, а затем В. А. Зубкова упорно добивалось снижения налога на добавленную стоимость (НДС), т.е. налога на потребителя, который при нынешней нехватке товаров отечественного производства может стимулировать и без того быстро растущий импорт. Как показали результаты обсуждения состояния российской экономики на конференции в ГУ ВШЭ 2 апреля 2008 г., в снижении НДС заинтересованы лишь сырьевые компании. Руководитель Экономической экспертной группы (Департамент макроэкономической политики Минфина России) Е. Т. Гурвич заявил на конференции: «Сегодня нужно не снижать, а увеличивать НДС. Сокращать следует налог на прибыль предприятий, стимулируя тем самым их инвестиции». Требование властей снизить НДС Гурвич назвал примером «неверного диагноза экономических проблем»¹.

Осуществленное в 2005 г. снижение единого социального налога (ЕСН) — это еще один пример «неверного диагноза». Государство вправе получать от работодателей полновесную компенсацию своих расходов на образование, здравоохранение, пособий по безработице и трудовых пенсий. Между тем снижение ЕСН привело к дефициту в бюджете пенсионного обеспечения и ослабило стимулы к сбережению (росту производительности) труда.

Носителями прогрессивных идей выступают одиночки. Искусство политики состоит в том, чтобы услышать советы специалистов, а не следовать стереотипным представлением «агрессивно-поислушного» большинства. «Основная масса публики даже в самых образованных странах собственных убеждений не имеет. Убеждения навязываются обывателю»². Академик РАН Л. И. Абалкин говорил о навязывании убеждений посредством СМИ, особенно

¹ Новые известия. 2008. Апрель. № 3. www.ncwizv.ru.

² Абалкин Л. И. Особое мнение. Толпа убеждений не имеет // Экономические стратегии. 2007. № 8. С. 9.

4. Культура и экономическое развитие

телевидения. Совершенно очевидно, что именно представители интересов богатейших в России сырьевых монополий имеют наибольшее влияние на отечественное ТВ.

Возникает также вопрос, может ли власть услышать идеи, отличные от массовых стереотипов, если при нынешней избирательной системе доступ мелких партий, а тем более независимых кандидатов в российский парламент закрыт.

В целом монография Д. Лала достаточно убедительно демонстрирует, что России предстоит еще многому поучиться у Запада в области экономики и политики, а не пытаться до всего доходить исключительно на собственном опыте. Кто не в состоянии быстро воспринимать чужой передовой опыт, тот проигрывает в историческом соревновании.

5

Структурные кризисы и мировая экономическая конъюнктура¹

Структурные кризисы в экономике возможны в условиях ускоренного экономического роста. Они характерны для сырьевых отраслей: сельского хозяйства и добывающей промышленности. В силу низкой эластичности спроса и предложения по ценам, т.е. замедленной реакции со стороны спроса и предложения на изменение цен, цены на рынках, сырьевых и продовольственных, подвержены значительным колебаниям с отклонением цен в ту или иную сторону на длительное время.

Низкая эластичность спроса связана с тем, что продукция сельского хозяйства и добывающей промышленности принадлежит к категории товаров краткого пользования. Потребители (физические лица и предприятия), пока они живы и кредитоспособны, не могут отложить приобретение товаров первой необходимости и таким образом повлиять на ценовую политику поставщиков.

Эластичность предложения зависит от капиталоемкости производства: чем выше капиталоемкость тем, больше требуется времени для приспособления предложения к изменившемуся спросу. Современное механизированное сельское хозяйство с развитой инфраструктурой отличается высокой капиталоемкостью по сравнению со средним уровнем этого показателя обрабатывающей промышленности. Капиталоемкость добывающей промышленности в несколько раз выше, чем сельского хозяйства, и на порядок выше, чем капиталоемкость обрабатывающей промышленности².

Природный фактор оказывает мощное влияние на формирование и колебание цен на сырьевые товары. Уровень цен на сырьевые товары определяется затратами на выпуск продукции с территорий, наименее благоприятных для производства, без участия которых спрос на сырье не может быть удовлетворен при сложившейся

¹ Российский внешнеэкономический вестник. 2008. № 10. С. 3—11.

² См.: Клинов В. Г. Экономическая конъюнктура. Факторы и механизмы формирования. М.: Экономика, 2005. С. 87.

конъюнктуре. Предприятия, работающие в более благоприятных природных условиях, имеют возможность получать природную ренту, или сверхприбыль, которая обусловлена не техническими, а природными преимуществами.

Предпосылкой вызревания структурного кризиса служит длительный период относительно низких цен, стимулирующих рост потребления, но тормозящих капиталовложения в наращивание мощностей. Переход от ситуации превышения предложения над спросом до противоположной развязывает структурный кризис, который проявляется в интенсивном повышении цен. Совмещение структурного кризиса с фазой спада среднесрочного экономического цикла порождает явление, получившее название стагфляции.

Отличительная особенность экономики сельского хозяйства состоит в его зависимости от погодных условий. Редкое стечение обстоятельств, связанное с длительным преобладанием неблагоприятной погоды и относительно низкой урожайностью базовых культур в мире на протяжении двух лет подряд, может быть важным фактором отставания предложения от спроса. Улучшение погодных условий в последующие годы облегчает преодоление продовольственного кризиса. Высокие цены способствуют улучшению финансирования сельского хозяйства, что создает более прочную базу для наращивания производства.

Более высокая и возрастающая капиталоемкость добывающей промышленности обуславливает затяжной характер кризиса на рынках энергетического и промышленного сырья из-за недостатка мощностей.

Формирование, развитие и преодоление структурных кризисов связано также с динамикой доходов на душу населения. С одной стороны, для товаров, спрос на которые отличается низкой эластичностью по ценам, свойственна и низкая эластичность по доходам, т.е. спрос меняется в меньшей степени, чем доходы. С другой стороны, структура спроса существенно меняется с изменением доходов.

Устойчивый рост доходов на душу населения меняет структуру спроса на продовольственные товары. В частности, увеличение потребления мяса резко увеличивает расход зерна, поскольку на кормовые нужды требуется гораздо больше зерна, чем уменьшается потребление пищевого зерна за счет замены его мясом и другими продуктами животноводства.

Высокая эластичность спроса по доходам наблюдается по товарам длительного пользования, машинам и оборудованию разного назначения, а их эксплуатация связана с потреблением энергии.

Структурный характер носит также экологический кризис. Он проявляется в загрязнении окружающей среды в результате выработки и потребления промышленного сырья и энергии. Низкие цены на сырье и энергию вызывают их расточительное расходование и соответственно загрязнение среды. Предпосылки для вызревания и преодоления экологического кризиса те же, что и для других структурных кризисов. Повышение цен на сырье и топливо стимулирует сбережение материалов и энергии, изменение структуры материального и энергетического баланса. В частности, для уменьшения загрязнения окружающей среды важно сокращение в энергетическом балансе доли органического топлива. Это значит, что преодолению экологического кризиса способствует повышение эффективности использования энергии. Чем выше коэффициент полезного действия машин, тем меньше их эксплуатация загрязняет окружающую среду.

Перспективы решения продовольственной проблемы

Ожидаемое повышение эффективности народного хозяйства развивающихся стран и стран переходной экономики позволяет надеяться, что преодоление нищеты и голода как проблема глобального масштаба будет снята с повестки дня уже к концу первой четверти XXI в. Устранение нищеты — одна из глобальных целей, которые поставила перед собой ООН в 2000 г. В частности, предполагалось к 2015 г. сократить вдвое по сравнению с 1990 г. долю населения мира, живущего в нищете, меньше, чем на доллар в день¹.

В 1990 г. в развивающихся странах названная доля составляла 32%, но уже к 2004 г. она снизилась до 19%. Наиболее значительно этот показатель сократился в Восточной Азии — с 33 до 10%. Менее всего решение проблемы продвинулось в странах Африки, расположенных южнее Сахары, — с 47 до 41%².

Возможность решения продовольственной проблемы в мировом масштабе подтверждается ростом производства основных видов продовольствия в мире в расчете на душу населения. В 2000 г.

¹ См.: Surprise, the world is winning its fight against poverty // The Economist. 2007. July 6th.

² Ibid.

ежедневное потребление продовольствия 6 млрд человек было обеспечено по средней норме, составляющей более 2800 ккал на душу, тогда как в 1950 г. для 2,5 млрд человек соответствующая норма равнялась 2450 ккал.¹ Мировое производство мяса в расчете на душу населения составило в 2000 г. 38,5 кг. Это обеспечивает среднедушевое потребление примерно 100 г в день. По сравнению с серединой века потребление мяса в расчете на душу населения удвоилось. Тогда на одного человека приходилось 16,5 кг в год, или 50 г в день. Рост производства зерна значительно опережал увеличение численности населения². За полвека средняя урожайность зерновых культур в мире более чем удвоилась. Она поднялась с 1,1 т на га в 1950 г. до 2,7 т — в 2000 г. Однако в последующие годы рост урожайности приостановился³.

Осложняет решение проблемы то, что наиболее высокие темпы прироста численности населения наблюдаются в беднейших странах. Если население мира может увеличиться к 2050 г. на 3 млн человек, то 2 млн из них, согласно исследованию Всемирного банка «Проблемы экономического роста», придется на беднейшие страны, у которых темпы экономического развития остаются относительно низкими⁴.

Мировой продовольственный кризис, выразившийся в интенсивном повышении цен в 2007—2008 гг., чрезвычайно обострил положение слоев населения с низким уровнем дохода. Во многих развивающихся странах четверть населения тратит на продовольствие до $\frac{3}{4}$ своего семейного бюджета. Число голодающих в мире увеличилось, по данным Всемирного банка, на 100 млн человек. Потребовались экстренные меры для оказания гуманитарной помощи продовольствием населению беднейших стран. По информации ФАО, остро нуждаются в продовольственной помощи 37 стран⁵. В тоже время ряд стран ввел ограничения на экспорт продовольствия для противодействия росту внутренних цен.

¹ Источник: World Agriculture: Towards 2030/2050. Global Perspective Studies Unit. Rome. FAO, 2006. P. 8.

² См.: Международные экономические отношения / ред. Н. Н. Ливенцев. М.: Проспект, 2005. С. 81.

³ См.: Blas J. Long period of rising food prices forecast // Financial Times. 2008. Jan. 21.

⁴ См.: The Growth Report. Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development. Wash.: The World Bank, 2008. P. 19.

⁵ См.: Wolf M. Food crisis is a chance reform global agriculture // Financial Times. 2008. April 29.

Продовольственный кризис мирового масштаба — довольно редкое явление в новейшей истории человечества. Предыдущее событие, сравнимое по значению, произошло в 1972 г. Тогда из-за дефицита продовольствия, а также последовавшего энергетического кризиса цены на продовольственные товары резко повысились. Индекс цен на продовольствие, рассчитываемый ООН, увеличился за 10 лет примерно в 3 раза: с 32,3 — в 1970 г. до 100 пунктов — в 1980 г. До начала 1970-х гг. цены были достаточно стабильны. В 1948 г., например, индекс был равен 31,9 пунктов. За 22 года индекс повысился всего на 0,4 пункта, менее чем на 1,5%. После 1980 г., вместе с преодолением энергетического кризиса, цены на продовольствие стали снижаться. Величина названного индекса снизилась до 88 пунктов в 1990-м и до 69 пунктов в 2000 г.¹

Нынешнее, как и предыдущее, обострение на мировом рынке продовольственных товаров вызвано сложным комплексом факторов на стороне предложения и спроса, в том числе случайного характера. Мировые цены на продовольствие к середине 2008 г. повысились на 50% по сравнению с состоянием на май 2006 г., согласно индексу ФАО. При этом цены на зерно за этот же период увеличились, по данным Государственного департамента США, в 2—3 раза².

На стороне предложения наблюдался низкий урожай продовольственных культур в 2006 и 2007 гг. В эти годы отмечалась стагнация в производстве зерна кукурузы, риса и соевых бобов, объясняемая неблагоприятными погодными условиями. Положение в сельском хозяйстве осложнилось ростом цен на топливо и на другие ресурсы (удобрения, например), используемые в производстве. Однако, как показывает опыт 1970-х гг., энергетический кризис не является непреодолимым препятствием для наращивания сельскохозяйственного производства. Использование достижений в области биотехнологии и генной инженерии позволяет существенно повысить продуктивность растениеводства и животноводства. Значительно осложняет проблему роста производства нарастающая нехватка водных ресурсов.

Вопреки распространенным в Европе предубеждениям относительно потребления генно-модифицированных продуктов генная инженерия преобразует мировое сельское хозяйство. Генно-

¹ См.: Международные экономические отношения / ред. Н. Н. Ливенцев. С. 86.

² www.usinfo.state.gov, 2008, June 3.

модифицированные сорта культур в 2007 г. выращивались в 23 странах. В их числе крупнейшие производители продовольствия: США и Канада, Бразилия и Аргентина, Китай и Индия, Австралия и Южно-Африканский Союз, а также ряд стран континентальной Европы¹.

На стороне спроса отмечается интенсивный рост потребления продукции животноводства, особенно мяса. Это влечет за собой многократное увеличение потребления зерна для кормовых нужд и уменьшение доли возделываемых площадей для выращивания продовольственного зерна. Мировые запасы зерна уменьшились до самого низкого уровня за последнюю четверть века. Это указывает на то, что в опережающем росте потребления, а не в спекулятивных действиях торговцев заключается главная причина повышения цен².

Рост потребления продуктов животноводства в особо больших масштабах наблюдается в связи повышением душевых доходов в крупных быстро развивающихся странах. Речь идет именно о приросте спроса, поскольку по уровню среднего потребления продуктов животноводства на одного жителя Китай и Индия намного уступают наиболее развитым странам.

Рост производства биотоплива существенно обострил нехватку зерна кукурузы, рапсового масла и ряда других видов зерна и пищевых растительных масел. Хотя биотопливо составило всего 1,5% мирового предложения жидких видов топлива, на его производство ушла половина прироста урожая пищевых культур в 2006—2007 г.³

До сих пор производство биотоплива субсидировалось. Учитывая сложившуюся ситуацию на рынке продовольствия, можно ожидать, что произойдет переоценка возможностей решения энергетической проблемы за счет биотоплива. Отрицательные последствия на рынке продовольствия явно перевешивают проблематичный положительный эффект на рынке жидкого топлива. К тому же снижение выбросов двуоксида углерода требует уменьшения в энергетическом балансе органических видов топлива.

Европейская комиссия рассматривался план увеличения доли биотоплива в удовлетворении потребностей транспорта в ЕС в жид-

¹ См.: The next green revolution // The Economist. Febr. 21.

² См.: Wolf M. Op. cit.

³ Ibid.

ком топливе до 10% к 2020 г. Объединенный исследовательский центр при Европейской комиссии подготовил в связи с этим доклад, согласно которому данный план не содействует решению задачи снижения парникового эффекта. Затраты по осуществлению плана, исчисляемые десятками триллионов евро, перевешивают возможные выгоды от увеличения предложения жидкого топлива¹.

Нынешний продовольственный кризис может быть преодолен в относительно короткие сроки. Имеются в виду наращивание производства продовольствия и стабилизация цен. Снижения цен не следует ожидать в условиях энергетического кризиса. Возможность возникновения подобного продовольственного кризиса в обозримой длительной перспективе нельзя исключить до тех пор, пока не прекратится рост численности населения не только в мировом масштабе, но и в наименее развитых странах.

Перспективы решения энергетической проблемы

На восходящей волне большого цикла развития мирового хозяйства в первой четверти XXI в. следует ожидать обострения проблем обеспечения энергетическими и материальными ресурсами, защиты и оздоровления окружающей среды. Причем проблемы природных ресурсов и экологии могут привести к глобальному кризису. К такому предположению подвигает целый ряд обстоятельств.

Во-первых, наиболее высокие темпы экономического роста ожидаются в крупных по численности населения странах, переживающих этап индустриализации. Этот этап связан с большей энергоемкостью и материалоемкостью развития производства, нежели этап постиндустриальный, в который вступили развитые страны.

Во-вторых, для развивающихся стран в силу дороговизны недоступны наиболее продвинутые безотходные технологии, которые служат снижению энергоемкости и материалоемкости производства и одновременно позволяют уменьшить загрязнение окружающей среды. Основные устремления этих стран в первой четверти XXI в. связаны с повышением уровня материального благосостояния.

В-третьих, обеспечение природными ресурсами требует разведки и освоения природных месторождений на труднодоступных территориях, что приведет к удорожанию этих процессов.

¹ См.: *Bounds A.* EU scientists query bloc's biofuel strategy // *Financial Times*. 2008. Jan. 17.

В-четвертых, проблема оздоровления окружающей среды уже в наше время приобрела весьма острый характер в плотно населенных развивающихся странах, что весьма негативно отражается на здоровье населения.

Китай и другие быстро развивающиеся страны уже продемонстрировали, как рост доходов на душу населения может сказаться на изменении структуры спроса на рынке продовольствия. Между тем спрос на продовольствие обладает относительно низкой эластичностью по доходам. В семейных бюджетах доля расходов на продовольствие с ростом доходов снижается. Эту закономерность установил в XIX в. немецкий экономист Эрнст Энгель (1821—1896)¹.

Гораздо более мощного эффекта от роста доходов следует ожидать на рынке товаров длительного пользования, обладающих высокой эластичностью спроса по доходам, а вместе с тем и на рынке энергоносителей. Перспективы роста парка автомобилей и потребления жидкого топлива наглядно вырисовываются из сопоставления нынешнего парка США — 250 млн единиц и Китая — 37 млн².

Китай, согласно имеющимся оценкам, по уровню дохода на душу населения в 2025 г. достигнет $\frac{2}{3}$ от показателя Италии 2000 г. и к 2050 г. сравняется с показателем США 2000 г.³

Подсчитано, что выход развивающихся стран на нынешний средневропейский уровень потребления нефти по мере роста доходов и увеличения парка транспортных средств, потребляющих жидкое топливо, мог бы увеличить мировое потребление нефти в 2,5 раза, т.е. с 4 млрд до 10 млрд т в год⁴. Данное предположение сделано исходя из существующей энергоемкости и структуры энергетического баланса.

Будущий ежегодный прирост мирового потребления нефти может составить 1,4 млн баррелей в день, что примерно эквивалентно 75 млн т в годовом исчислении. Каждые семь лет необходим прирост мощностей по добыче нефти, равноценный нынешним возможностям по добыче этого энергоносителя в Саудовской Аравии. По оценке Международного энергетического агентства, почти $\frac{2}{3}$

¹ См.: Международные экономические отношения / ред. Н. Н. Ливенцев. С. 85.

² См.: *Wolf M.* The market sets high oil prices to tell us what to do // *Financial Times*. 2008. May 13.

³ См.: *Клинов В. Г.* Развитие экономики отдельных стран на период до 2050 года // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2008. № 1. С. 40, 44.

⁴ См.: *Wolf M.* Op. cit.

дополнительных мощностей по добыче нефти в ближайшие восемь лет пойдут на компенсацию сокращения добычи на месторождениях, прошедших пик максимальной отдачи¹.

Инвестиции национальных и международных нефтяных компаний номинально удвоились в 2006 г. по сравнению с 2000 г., достигнув 400 млрд долл., по данным Международного энергетического агентства. Однако в реальном выражении они вряд ли увеличились ввиду нехватки и удорожания бурового оборудования и услуг квалифицированной рабочей силы для ведения буровых работ. Разведка и разработка труднодоступных месторождений способствуют повышению капиталоемкости ввода мощностей по добыче нефти.

Возобновившийся в 2008 г. интенсивный рост цен на нефть в небольшой степени может быть объяснен действиями спекулянтов, которые обычно реагируют на всякое обострение международной обстановки. Фактор спекуляции не играет существенной роли, поскольку запасы нефти в хранилищах не увеличиваются, а сокращаются. Рост цен на нефть будет продолжаться, пока он не повлияет на потребление нефти, как полагает экономический обозреватель *Financial Times* Мартин Вольф².

Речь может идти о том, чтобы мировой спрос на нефть уравнялся с возможностями добычи нефти. Опыт преодоления энергетического кризиса 1970-х гг. указывает на то, что искомое равновесие может быть достигнуто не ценой замедления темпов экономического роста, но снижением энергоемкости роста мирового ВВП и уменьшением доли жидкого топлива в энергетическом балансе.

Если среднегодовая цена на нефть составит 100 долл. за баррель, то выручка от продажи нефти достигнет в 2008 г. примерно 3 трлн долл., что равно 5% мирового ВВП. Более высокая доля стоимости добычи нефти относительно мирового ВВП наблюдалась только в 1979 и 1982 гг.³ Именно последняя дата ознаменовала преодоление энергетического кризиса и начало понижения цен на нефть.

На преодоление нынешнего энергетического кризиса в среднесрочной перспективе, тем более на возвращение цен к уровню по-

¹ См.: *Wolf M. Op. cit.*

² См.: *ibid.*

³ См.: *ibid.*

следнего десятилетия XX в., рассчитывать не приходится. При предыдущем энергетическом кризисе потребовалось около 10 лет для перелома в длительной тенденции движения цен. Тогда основными потребителями нефти были развитые страны с населением 1 млрд человек. При этом начало энергетического кризиса 1970-х гг. совпало с переходом в нисходящую волну большого цикла экономической конъюнктуры второй половины XX в., со снижением примерно вдвое среднегодовых темпов прироста ВВП развитых стран и мира в целом.

Нынешний мировой энергетический кризис развивается в условиях восходящей волны большого цикла первой половины XXI в. При этом все более весомую роль в мировом экономическом росте играют развивающиеся страны. В быстро развивающихся странах рост сопряжен с большей энергоемкостью, а их население в 3 раза больше, чем в развитых регионах мира. Это свидетельствует о многократно возросшей сложности преодоления энергетического кризиса с точки зрения динамики потребления.

Проблема существенно усложнилась и в отношении возможностей добычи нефти. Получает все большее подтверждение концепция достижения пика в мировой добыче нефти и газа в обозримой перспективе, после чего поставки углеводородов будут снижаться.

В 1956 г. американский геолог Марион Хубберт в докладе «Ядерная энергия и ископаемое топливо» (*Nuclear Energy and the Fossil Fuels*) предсказал достижение пика добычи нефти и газа через 50 лет. По истечении названного срока начнется падение добычи в связи с исчерпанием мировых запасов, накопленных в земной коре за 500 млн лет.

Выводы Хубберта были основаны на тщательном изучении данных о геологических запасах, об эксплуатации нефтяных месторождений США и на математическом моделировании результатов исследований. В итоге он получил динамику мировой добычи углеводородов, описываемую кривой куполообразной формы с пиком в 2006 г. Хубберт при этом отметил, что открытие новых месторождений может сделать переход к сокращению более плавным, чем описывается нормальным распределением.

Когда в 2006 г. цена на нефть превысила 70 долл. за баррель, достигнув исторического максимума на ту дату в реальном исчислении (с учетом снижения покупательной способности доллара за

четверть столетия¹), предсказание Хубберта стало активно обсуждаться.

Отсутствие точных общепризнанных оценок геологических запасов углеводородов не позволяет с уверенностью ответить на вопрос, попал ли Хубберт «в десятку», сделав точный прогноз, или это простое совпадение. В пользу концепции Хубберта свидетельствует то, что основные месторождения нефти и газа были открыты в 1960-х гг., а также то, что за последние 20 лет геологи находили в недрах земли меньше нефти, чем нефтяники успевали выкачивать. Очевидна тенденция к сокращению доступных запасов и увеличению издержек на добычу.

Геологическая служба США в 2000 г. предполагала, что в период с 1995 по 2025 г. в мире будут открываться в среднем в год новые месторождения, содержащие 22,5 млрд баррелей нефти. Проведенная в 2005 г. проверка прогноза показала, что фактически в период с 1996 по 2003 г. ежегодно открывалось 9 млрд баррелей, т.е. на 60% меньше, чем по прогнозу 2000 г.²

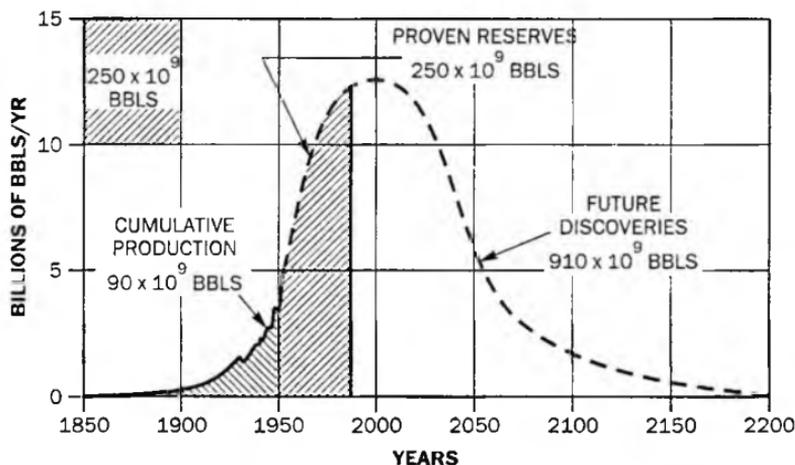
Сторонники концепции Хубберта, опираясь на новейшие данные, утверждают, что пик мировой добычи углеводородов будет достигнут на 10 лет позже, чем предсказывал Хубберт. Приближение к пику Хубберта — вызов для всего человечества, которому просто необходимо искать наиболее выгодную замену ископаемой нефти, служившей основным источником энергии для механических транспортных средств около 100 лет.

На конференции, посвященной перспективам добычи нефти, состоявшейся в феврале 2007 г. в Хьюстоне (США), представители нефтяных транснациональных компаний утверждали, что основные трудности в наращивании добычи нефти связаны с политикой правительств нефтедобывающих стран, влиянием экологов, государственных монополий, ограничивающих доступ ТНК к разработке месторождений. Они также указывали на недостаточность инвестиций в разведку и разработку месторождений, низкую эффективность управления и устарелость технологии, характеризующие национальные нефтедобывающие компании ряда стран.

¹ См.: International Financial Statistics Yearbook. Wash., 2000—2007 // Financial Times. 2008. May 13.

² См.: Mahtani D. Oil watching reworks reserves forecasts // Financial Times. 2007. Dec. 27.

5. Структурные кризисы и мировая экономическая конъюнктура

Пик Хубберта. График 20 из доклада Мариона Хубберта «Ядерная энергия и ископаемое топливо» (Nuclear Energy and the Fossil Fuels), 1956 г.

Источник: hubbertpeak.com.

Глава *Exxon Mobil* Рекс Тиллерсон заявил на Хьюстонской конференции, что в земной коре осталось еще 3 трлн баррелей (около 430 млрд т) «черного золота». Это в 3 раза превышает объем добытой к настоящему времени нефти и более чем в 2 раза — величину запасов, приводимых последователями Хубберта (доклад Хубберта был основан на оценке запасов в 1250 млрд баррелей). По оценкам *Exxon Mobil*, запасов вполне достаточно, чтобы удовлетворить спрос с учетом его прогнозируемого увеличения.

Эксперты консалтинговой фирмы *CERA* (*Cambridge Energy Research Associates*), служащей аналитическим центром для компаний топливно-энергетического комплекса, в докладе, опубликованном осенью 2006 г., прогнозирует достижение пика мировой добычи углеводородов не ранее 2030 г. За пиком последует не резкое снижение добычи, а «холмистое плато» кривой, отражающей динамику добычи.

Отсутствие адекватных оценок запасов нефти существенно снижает достоверность долгосрочных прогнозов добычи углеводородов. Например, консалтинговая фирма *HIS Energy*, принадлежащая той же материнской компании, что и *CERA*, дала оценку запасов нефти Кувейта, которая в 2 раза меньше официальной цифры.

В докладе МВФ о перспективах мировой экономики¹ утверждается, что именно применение современных технологий приближает достижение пика мировой добычи нефти и обуславливает последующее крутое сокращение.

Приняв оптимистическую оценку возможностей мировой нефтяной промышленности в отношении удовлетворения спроса на жидкое топливо в обозримой перспективе, можно ожидать, что не только в период до 2025 г., но и далее сохранятся высокие цены на нефть. Цена на нефть не может опускаться ниже расходов на ее добычу в наиболее трудных для эксплуатации месторождений, без участия которых не может быть удовлетворен мировой спрос. Высокие цены на углеводороды и обострение проблемы защиты окружающей среды будут стимулировать развитие альтернативных источников энергии и снижение доли органического топлива в энергетическом балансе.

Возможности уменьшения потребления органических видов топлива при выработке электричества наглядно показывает сравнение источников производства электроэнергии во Франции и США, а также ряда других развитых стран. Это сопоставление, согласно данным Международного энергетического агентства, показывает, что наибольшие возможности экономии органического топлива связаны с развитием атомной энергетики.

Во Франции в 2004 г. около 9% электроэнергии вырабатывалось путем сжигания угля и углеводородов, примерно 11% — гидроэлектростанциями и приблизительно 80% — атомными станциями. В США за счет потребления ископаемого топлива вырабатывалось 71% энергии (в том числе за счет углеводородов — 21%, а за счет угля — 50%); в Великобритании — 77%; в Японии — 62%; в Германии — 61%².

Эффект от замены органических видов топлива другими источниками при выработке электроэнергии может быть значительным для защиты окружающей среды. Однако это не решает проблемы экономии жидкого топлива, основная часть которого потребляется транспортными средствами. Для выработки электроэнергии в мире потребляется не более 3% жидкого топлива³.

¹ См.: World Economic Outlook. Washington. IMF. 2007. April. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2007/01

² More heat than light // The Economist. 2007. May 24.

³ International Energy Outlook 2008. Wash. EIA U.S Government. 2008. June.

5. Структурные кризисы и мировая экономическая конъюнктура

Есть основание полагать, что вторая четверть текущего столетия будет характеризоваться большим акцентом на улучшении качества жизни наряду с повышением материального благосостояния. Иначе говоря, научные исследования и стандарты в области производственной деятельности будут нацелены на снижении затрат природных ресурсов, оздоровление окружающей среды, повышение уровня и качества образования и здравоохранения.

Замедление экономического роста в мировом масштабе во второй четверти XXI в., вызванное наступлением нисходящей волны большого цикла и вздорожанием природного сырья, облегчит преодоление энергетического, сырьевого и экологического кризисов.

Представленные оценки свидетельствуют о высокой вероятности сохранения на длительную перспективу благоприятной внешне-экономической конъюнктуры для российского экспорта углеводородов. Вместе с тем капитальные затраты не только на наращивание, но и на сохранение уровня добычи углеводородов чрезвычайно высоки. С большим экономическим и тем более социальным эффектом финансовые ресурсы могут быть израсходованы на развитие обрабатывающей промышленности как основы модернизации всего народного хозяйства. Это неизбежно повысит внутренний спрос на углеводороды и потребует сокращения объема их экспорта. Таким образом, требуются разработка тщательно выверенной экономической стратегии развития России, освоение рыночных стимулирующих рычагов воздействия на субъекты хозяйственной деятельности.

II

Перспективы и стратегии экономического развития

6

Долгосрочные перспективы роста мировой экономики: обзор прогнозных оценок¹

В статье обосновываются авторские прогнозные оценки численности населения, ВВП на душу населения и общей величины ВВП по странам и мировой экономике в целом в 2025 и 2050 гг. Интерпретируются возможные экономические, социальные и политические последствия будущих изменений соотношения сил в системе мирового хозяйства.

Экономическая мощь и благосостояние стран определяются численностью населения, вовлеченностью людских и материальных ресурсов в процесс экономической деятельности и особенно уровнем и динамикой эффективности производства.

Пути и способы достижения целей социально-экономического развития (административные или рыночные) предопределяют состояние личных прав и свобод. От механизмов реализации экономической политики зависят успехи в продвижении науки и техники, использовании достижений НТП. С особенностями экономической политики связаны возможные изменения экономического и политического веса некоторых стран в мировом сообществе, характер международных отношений.

¹ Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 130—145.

Темпы и факторы роста численности населения мира

Исторически рост численности населения ускоряется с улучшением условий жизни и снижением смертности. Однако вслед за снижением смертности сокращается рождаемость. Затем ускорение роста численности населения неизбежно сменяется замедлением этого процесса, вплоть до возникновения отрицательной динамики. Интенсивность изменений динамики демографических процессов зависит от темпов сокращения смертности.

В анализе демографической картины второй половины XX в. следует выделить третью и четвертую четверти столетия. В европейских странах в третьей четверти отмечался рост рождаемости, что можно расценить как своего рода компенсацию потерь населения, произошедших в первой половине века. В частности, в 1951—1973 гг. среднегодовой темп прироста численности населения достиг в Западной Европе 0,7%, в Восточной — 1,0 и в СССР — почти 1,5%. Если же суммировать данные за первую половину XX в. и его третью четверть, то обнаруживается, что темпы роста численности населения Европы уменьшились по сравнению с 1871—1914 гг. Среднегодовой темп прироста численности населения снизился в 1915—1973 гг. как в Западной, так и в Восточной Европе до 0,55% (в СССР — до 0,8%). В четвертой четверти века тенденция к снижению данного показателя продолжилась, его значения достигли соответственно 0,3 и 0,5%¹.

Кардинальные изменения динамики демографических процессов во второй половине XX в. характерны для развивающихся стран. В них благодаря поддержке со стороны развитых стран в третьей четверти столетия произошло резкое снижение смертности от инфекционных заболеваний и голода. Соответственно ускорение роста численности населения приобрело взрывной характер.

В странах Азии (без Японии) среднегодовой темп прироста численности населения повысился до 2,2% (на 1,3 п.п.), в Африке — до 2,4 и Латинской Америке — до 2,7%. В четвертой четверти последовало сокращение рождаемости как неизбежная реакция на снижение смертности. В Азии рассматриваемый показатель снизился до 1,8% и Латинской Америке — примерно до 2,0, но в Африке увеличился до 2,7%².

¹ См.: Maddison A. The World Economy Historical Statistics. Paris: OECD, 2003. P. 256.

² См.: ibid.

Среднегодовой темп прироста численности населения всего мира в третьей четверти XX в. возрос до 1,9% (на 1 п.п. по сравнению с первой половиной столетия), а в четвертой четверти снизился до 1,6%. Численность населения мира в 2000 г. достигла 6 млрд человек, превысив показатель 1950 г. в 2,4 раза.

Для характеристики траектории замедления роста необходимо использовать более короткие чем четверть века отрезки времени. Среднегодовой темп прироста численности населения мира в 1980-е гг. составил 1,7%, в 1990-е — 1,4 и за первые пять лет XXI в. — 1,3%¹.

Возрастание роли НТП в экономическом росте, вовлечение женщин в состав экономически активного населения и рост затрат на формирование человеческого капитала, урбанизация обуславливают снижение темпов роста рождаемости и общей численности населения мира.

Коэффициент фертильности (отношение числа детей к численности женщин детородного возраста) в странах ОЭСР уменьшился с 2,7 в 1970 г. до 1,6 — в 2004 г. Во всех странах этой группы, кроме Мексики и Турции, коэффициент в 2004 г. был меньше 2,1. (Это коэффициент возмещения, при котором численность населения стабилизируется в длительной перспективе.) Во всех странах ОЭСР коэффициент фертильности снизился у молодых женщин и повысился у женщин старших возрастов².

По данным ООН, в середине первого десятилетия текущего столетия около 45% населения мира проживало в странах, где коэффициент фертильности ниже 2,1. На страны ОЭСР приходилось 18% населения мира. Низкий коэффициент фертильности отмечается в странах, где проводится политика ограничения рождаемости. Такой страной является Китай, где проживало, по официальным данным, 20% населения мира. Однако действенный контроль рождаемости в Китае осуществляется лишь в отношении городского населения.

Согласно официальным прогнозам статистических органов ООН, к 2025 г. среднемировой коэффициент фертильности окажется ниже уровня, необходимого для возмещения населения. Демографы ООН полагают, что численность населения мира достиг-

¹ См.: OECD Factbook 2007. Paris : OECD, 2007. Population Growth Rates. www.oecd.org/factbook.

² См.: OECD Factbook 2007. Paris : OECD, 2007. Evolution of the Population.

нет своего максимума к середине XXI в. и составит около 10 млрд человек¹.

Прекращение роста численности населения к середине XXI в. может обеспечить предполагаемый сценарий равномерного замедления роста населения, например уменьшение среднегодового темпа прироста на 0,25 п.п. каждое десятилетие. В этом случае максимальная численность населения мира составит в 2050 г. 8,55 млрд человек.

Вариант проекта, которого придерживаются ученые ИМЭМО РАН, основан на том, что на протяжении 20 лет сохранится среднегодовой темп прироста населения, составивший в 2001—2005 гг. 1%². Если продлить этот ряд до 2025 г., то получим оценку примерно 7,74 млрд человек. Далее, предположив среднегодовой темп прироста во второй четверти века равным 0,5%, получим оценку максимальной численности населения в 2050 г. — 8,77 млрд человек.

Критики мальтузианских концепций стремятся доказать, что, несмотря на рост нагрузки на ресурсы в связи ростом численности населения и увеличением душевого потребления, нет достаточных оснований считать неизбежной катастрофу мальтузианского толка. По данным журнала *The Economist*, человечество потребляет четверть растительной массы, создаваемой фотосинтезом. Судя по динамике цен на сырьевые товары, они стали более доступными, чем 100 лет назад. Цены на сырье даже с учетом их повышения за последние годы снизились в сравнении с доходами в несколько раз. Что касается проблемы воздействия человеческой деятельности на климат Земли, то ее решение лежит в плоскости ограничения потребления органического топлива, а не манипулирования численностью населения. Так полагают критики мальтузианских концепций. Вместе с тем ограничение роста населения весьма актуально в странах, где уже ощущается недостаток воды и в процессе индустриализации быстро растет нагрузка на природные ресурсы.

¹ См.: How to Deal with a Falling Population // *The Economist*. 2007. July 28. P. 13.

² См.: *Мировая экономика: прогноз до 2020 года* / под ред. А. А. Дынкина. М. : Магистр, 2007. С. 351.

Динамика качественных характеристик рабочей силы в странах мира

Снижение рождаемости и процессы старения населения создают определенные проблемы в структуре трудоспособного населения и сфере занятости. Они требуют своего решения с помощью социально-экономической политики. Во-первых, в численности трудовых ресурсов сокращается доля самой молодой компоненты, наиболее высокообразованной и восприимчивой к нововведениям. По оценке *The Economist*, в Японии число работающих в возрасте от 20 до 30 лет сократится на $\frac{1}{3}$ к 2025 г. Во-вторых, ухудшается соотношение численности работающих и пенсионеров. Современная пропорция 4 : 1 уменьшится в Японии и Италии до 2 : 1 к 2030 г. и до 3 : 2 — к 2050 г. С подобными проблемами сталкиваются сейчас страны Центральной и Восточной Европы — от Германии до России, а также страны Северного Средиземноморья и Восточной Азии¹.

Наиболее конструктивным подходом к проблемам, возникающим вследствие старения населения, эксперты *The Economist* считают создание условий для продления трудовой деятельности лиц старших возрастов. Изменения отраслевой структуры хозяйства и характера труда благодаря ИКТ объективно увеличивают возможности для более широкого использования труда женщин и лиц пожилого возраста. Прогресс в улучшении качества жизни и здравоохранения позволяет раздвинуть границы трудоспособного возраста.

Ответами на процесс старения могут быть:

- отмена возрастного порога обязательного прекращения трудовой карьеры;
- повышение возраста, дающего право на получение государственной пенсии;
- уравнивание в этом отношении мужчин и женщин.

В новых условиях при найме на работу и назначении ставки заработной платы основными критериями должны стать профессионализм и заинтересованность в труде, а не возраст.

Соответствующие меры, а также меры, облегчающие совмещение трудовой карьеры с воспитанием детей, и использование рабочей силы иммигрантов требуют значительных государственных и

¹ См.: How to Deal with a Falling Population. P. 13.

частных расходов на образование, здравоохранение, детские учреждения и др.

В 2003 г. расходы на образование в странах ОЭСР составили 6,3% их суммарного ВВП. Более 7% ВВП тратили США, Корея, Дания и Исландия. В то же время из 29 стран, по которым были получены данные, в семи названные расходы составляли менее 5% ВВП. В восьми странах (из 21-й) рост расходов на образование с 1995 по 2003 г. отставал от роста ВВП. Норма расходов снизилась за эти годы на 0,4 п.п. в Австрии, Канаде, Ирландии, Норвегии и Испании¹.

Уровень образования населения (старше 25 лет), исчисляемый средним количеством лет, проведенных в школе всех уровней, во второй половине XX в. неуклонно повышался во всем мире. По оценке Центра международного развития (Гарвардский университет), показатель повысился в мире примерно в 1,5 раза за 40 лет, до 6,72 лет в 2000 г. В развивающихся странах он возрос в 2,7 раза (с 1,79 до 4,89 лет); в развитых — в 1,4 раза (с 6,97 до 9,80 лет); в странах с переходной экономикой — в 1,4 раза (с 7,17 до 9,95 лет). В последнем случае показатель в 2000 г. был ниже, чем в 1990 г. — 10,02 года².

Замедление после 1970 г. темпов повышения уровня образования, оцениваемого по количеству лет, проведенных в школе, во всех группах стран рисует перспективу существенного сближения данного показателя в развитых и развивающихся странах к середине XXI в. В развитых странах он может достигнуть 11 лет к 2025 г. и 12 — к 2050 г.; в развивающихся — семь, а затем — девять лет. К первому сроку средний количественный показатель уровня образования в развивающихся странах может сравняться с показателем группы передовых стран 1960 г., а ко второму сроку превзойти средний уровень развитых стран 1980 г.

Использование ИКТ и опережающий рост расходов на просвещение относительно численности населения влияют на повышение качества учебного процесса. Этому же способствует улучшение финансирования научных исследований и разработок (НИР).

В передовых странах несколько десятилетий размер ассигнований удерживается в диапазоне 2—3% ВВП. В 2004 г. средний по

¹ См.: OECD Factbook 2007. Paris: OECD, 2007. Public and Private Education Expenditure.

² См.: Barro R. J., Lee J. W. International Data on Educational Attainment: Updates and Implications // CID Working Paper, Cambridge (Mass.). 2000. № 42.

ОЭСР показатель был равен 2,3%, в Японии, Швеции и Финляндии он превысил 3% ВВП. Особенно важен для качества высшего образования и соответственно для накопления и использования научно-технического потенциала рост ассигнований на фундаментальные исследования. В США расходы на такие исследования превысили 0,4% ВВП, приблизившись по своим масштабам к ассигнованиям на прикладные исследования. Свыше половины расходов на исследования и разработки приходится на последнюю составляющую. Начало XXI в. ознаменовалось ускоренным ростом расходов на НИР в ряде развивающихся стран. В Китае они достигли в 2005 г. 1,3% ВВП по сравнению с 0,9% в 2000 г.¹

В странах ОЭСР расходы на социальные нужды относительно ВВП увеличились с 16% в 1980 г. до 21 — в 2003 г. Они включают в себя пенсии (8% ВВП), затраты на здравоохранение (6%), социальные выплаты населению рабочих возрастов (5%). Государственные расходы на поддержку семей, имеющих детей, увеличились до 2% ВВП.

В скандинавских странах последний показатель достиг 3%. Масштабы социальной поддержки населения весьма различаются по странам ОЭСР, ее доля в ВВП колеблется в пределах от 5—6% в Мексике и Корее до 31% — в Швеции².

Участие населения старших возрастов в трудовой деятельности требует расширения доступности и повышения качества медицинских услуг. Необходим рост государственных ассигнований на здравоохранение и развитие системы медицинского страхования. Повышение качества медицинских услуг может быть достигнуто на основе использования ИКТ, особенно в части диагностики, а также биотехнологий и геномной инженерии для создания более точных и эффективных методов борьбы с недугами.

Прогноз мирового экономического развития

Прогнозирование роста ВВП на душу населения представляет собой более сложную задачу, чем оценка перспектив роста населения. Темпы роста населения в мире и в основных группах стран будут замедляться. Между тем темпы мирового экономического развития в длительной перспективе будут носить волнообразный

¹ См.: OECD Factbook 2007. Paris : OECD, 2007. Expenditure on R&D.

² См.: OECD Factbook 2007. Paris : OECD, 2007. Social expenditure.

характер. Время начала и окончания периодов улучшения и ухудшения экономической конъюнктуры не поддаются точной оценке.

Опубликован целый ряд общемировых долгосрочных прогнозов на 25—50 лет. В их числе прогнозы: *Goldman Sachs*, *Centre d'Etudes Perspectives et d'Informations Internationales (CPEII)*, *Economist Intelligence Unit (EIU)*. Методология разработки прогноза всеми названными центрами базируется на экстраполяции выявленных тенденций. Различия в оценках зависят прежде всего от периода, выбранного для выявления тенденций.

Если основываться на ретроспективной оценке среднегодовых темпов прироста мирового ВВП за последние 30 лет XX в., на протяжении большей части которых преобладала неблагоприятная конъюнктура, то получаются весьма низкие прогнозные результаты. Так, *EIU* — Центром исследований журнала *The Economist*¹ — получены указанным методом довольно низкие оценки будущего развития, особенно передовых стран. Например, среднегодовой темп прироста ВВП США за 1971—2000 гг. составил 3,2%, а в расчете на душу населения — 2,1. В период 2001—2025 гг., по оценке *EIU*, среднегодовой прирост будет равен 2,7%, что может соответствовать приросту ВВП на душу населения в среднем на 2,0% в год.

Прогноз ВВП по ЕС в составе 15 стран на первую четверть XXI в. соответствует 1,9% среднегодового прироста, что, как и в США, несколько ниже показателя прироста за названные 30 лет в расчете на душу населения, и предполагает отсутствие прироста численности населения в этой группе стран. Ожидаемый 1,0% среднегодового темпа прироста ВВП в Японии соответствует приросту ВВП на душу населения в 1991—2000 гг., т.е. в самый неблагоприятный период в экономической истории этой страны во второй половине XX в.

Метод экстраполяции сопряжен с ошибками в прогнозах ввиду волнообразного характера динамики экономического развития. В частности, в монографии «Мир на рубеже тысячелетий» (ИМЭМО РАН, 2001 г.) приведена оценка среднегодового темпа прироста ВВП США на период 2001—2015 гг., равного 2,8%. В работе, изданной этим Институтом в 2007 г., оценка выше — 3,3%.

В пользу достоверности концепции больших циклов (волн) мирового экономического развития свидетельствует то, что появле-

¹ См.: World Data. Long-term Forecasts on EIU Country Data and Market Indicators & Forecasts. www.alacra.com/cgi-bin

ние новых крупных направлений совершенствования техники придает мощный стимул экономическому развитию по S-образной траектории до возникновения нового витка НТП.

В третьей четверти XX в. ускорение экономического развития было обусловлено крупными успехами в освоении возможностей электронной техники. В их числе телевидение, устройства записи и воспроизводства звука и изображений, калькуляторы и компьютеры. В этот же период появились реактивные двигатели, атомная энергетика, высокопрочные и легкие металлы и сплавы, а также синтетические смолы и полимерные материалы, антибиотики.

Уверенность в высоких темпах экономического развития в первой четверти XXI в. базируется на мощном эффекте использования возможностей информационно-коммуникационной техники для повышения эффективности на всех этапах производственного процесса — от научных исследований и подготовки профессиональных кадров до сбыта и потребления товаров и услуг. Все шире раскрываются возможности биотехнологии и инженерной генетики для повышения эффективности сельского хозяйства, здравоохранения, обеспечения производства сырьем и энергией, защиты и оздоровления окружающей среды. Новая техника требует новых, более совершенных материалов. Можно ожидать значительного эффекта применения композиционных конструкций, создания веществ на базе нанотехнологий.

Определение сроков смены фаз большого цикла

Разработка концепции больших циклов экономической конъюнктуры (длинных волн экономического развития) тесно связана с исследованием закономерностей НТП. Прогноз больших циклов имеет три аспекта:

- определение примерных сроков смены фаз, или волн, большого цикла;
- выявление ведущих направлений НТП;
- оценку будущих темпов экономического развития мира в рамках выделенных фаз большого цикла.

В экономических исследованиях весьма плодотворно используется моделирование на основе так называемых стилизованных фактов. Речь идет об упрощении процедуры путем абстрагирования от конкретных исторических флуктуаций, вызванных возму-

шениями во внешней среде, что позволяет выделить наиболее существенное в динамике экономического развития.

К числу таких стилизованных фактов можно отнести допущение о том, что большой цикл вмещает шесть среднесрочных циклов Клемента Жюгьяра. Продолжительность промышленного цикла этого типа практически всегда (также стилизованный факт) находится в диапазоне от семи до 11 лет. Таким образом, общая продолжительность большого цикла может колебаться от 42 до 66 лет, что примерно соответствует наблюдениям за период, прошедший с начала промышленного переворота в Великобритании, а также утверждению, что в среднем длина большого цикла составляет полвека.

Цикл делится примерно на равные половины: восходящую и нисходящую волны экономической конъюнктуры. Соответственно каждая половина цикла вмещает три цикла Жюгьяра. Промышленный спадом в 1974—1975 гг. в рамках среднесрочного цикла началась полоса длительного ухудшения мировой экономической конъюнктуры, осложненная во второй половине 1970-х и начале 1980-х гг. энергетическим, сырьевым и экологическим кризисами.

Если исходить из минимального срока (21 год), можно заключить, что нисходящая волна и большой цикл могли завершиться к середине 1990-х гг., максимального (33 года) — ко второй половине первого десятилетия XXI в. Фактически начало цикла первой половины текущего столетия в США следует отнести именно к середине 1990-х гг.

Среднегодовой темп прироста производительности труда в предпринимательском секторе экономики США снизился до 1,5% за 1974—1995 гг. по сравнению с 3,1%, достигнутыми в 1960—1973 гг.

Вторая половина последнего десятилетия XX в. ознаменовалась повышением среднегодовых темпов прироста производительности в США до 2,9, а первая половина первого десятилетия XXI в. — до 3,1%¹. Долгосрочный характер импульса, который получила экономика США на новом витке научно-технического и организационного прогресса, не вызывает сомнений.

Итоги развития остальной части развитого мира за последние 15 лет, вплоть до 2005 г., соответствуют фазе депрессии большого цикла. К ним, возможно, применим максимально продолжитель-

¹ См.: Economic Report of the President. Washington: United States Government Printing Office, 2007. P. 288.

ный срок окончания цикла второй половины XX в. и начала цикла первой половины XXI в., составляющий 33 года. Смена долгосрочных тенденций динамики экономического развития ожидается во второй половине первого десятилетия наступившего века. Данное предположение может быть подкреплено рядом аргументов.

Во-первых, несмотря на снижение темпов экономического роста во второй половине 1970-х гг. практически во всех развитых странах сохранилась траектория догоняющего развития, т.е. темпы были выше, чем в США. В Японии и Италии движение по догоняющей траектории продолжалось и в 1980-х гг., и более резким было ухудшение конъюнктуры в 1990-х.

Во-вторых, модель социального рыночного хозяйства оказалась недостаточно гибкой, чтобы обеспечить сравнимую с ситуацией в США скорость перестройки народного хозяйства в соответствии с возможностями нового витка НТП. Даже США понадобилось 20 лет, чтобы результаты крупномасштабного производства и использования компьютеров отразились на темпах экономического развития.

Длительное отсутствие экономической реакции на мощное проявление НТП побудило лауреата Нобелевской премии по экономике Роберта Солоу сформулировать парадокс, названный его именем: «Компьютеры можно видеть везде, но не в динамике производительности труда»¹.

В-третьих, во второй половине первого десятилетия текущего столетия действительно появились признаки ускорения темпов экономического развития в Западной Европе и Японии. Устойчивость этой тенденции в перспективе во многом зависит от проведения реформ. Их необходимость осознана руководством этих стран, но существует мощная оппозиция преобразованиям, так как большая часть населения не желает расставаться с привилегиями системы социального рыночного хозяйства.

Описанная методика позволяет предположить сроки завершения восходящей волны цикла первой половины XXI в. Для США это период от середины второго до середины третьего десятилетия, а наиболее вероятный срок — около 2020 г. Завершение цикла первой половины и начала цикла второй половины столетия может произойти для лидера НТП в середине пятого десятилетия (около 2045 г.).

¹ The Wall Street Journal Europe. Brussels. 2003. November 7—9. P. A1.

Для развитых стран Европы, а также для Японии наиболее ранним сроком завершения восходящей волны может быть середина третьего десятилетия. Вряд ли это произойдет позднее, если учесть негативное воздействие на экономическую конъюнктуру более раннего истощения силы восходящей волны в США. Темпы экономического развития в этих странах до начала пятого десятилетия могут быть выше, чем в США. Вероятный срок наступления цикла второй половины XXI в. для Западной Европы и Японии — середина шестого десятилетия (около 2055 г.).

«Локомотивы» будущего роста

В настоящее время очевидна доминирующая роль ИКТ в новом витке НТП и ускорении темпов экономического развития. За ИКТ по значению следуют достижения в биотехнологиях, создании новых материалов, освоении альтернативных источников энергии и развитии авиакосмической техники.

В методике выявления будущих прорывов в развитии техники, способных придать мощный импульс экономическому росту в мировом масштабе, можно выделить три аспекта:

- определение направлений наиболее интенсивного развития техники;
- оценку востребованности тех или иных направлений техники для решения актуальных проблем мирового экономического развития;
- повышение нормы вложений в основной капитал по направлениям, требующим крупных капитальных затрат.

В выявлении направлений интенсивного развития техники особая роль принадлежит оценке динамики патентования по тематическим направлениям в США — стране, обладающей наиболее емким и восприимчивым для нововведений рынком. Изобретатели всего мира стремятся подать заявки на патентование перспективных технических решений не только у себя в стране, но и в США. Расчет динамики патентования в США за 1980-е гг., выполненный Центром анализа политики в области науки и техники Сассекского Университета в Великобритании (*Sussex University*), показал, что примерно 50% всех выданных патентов связано с ИКТ, 20 — с биотехнологиями, 10 — с новыми материалами и химическими технологиями. Аналогично и соотношение усилий по числу соглашений

о сотрудничестве в области исследований и разработок американских, западноевропейских и японских фирм¹.

Исследование перспектив экономического развития связано также с поисками решений актуальных социальных задач на основе ИКТ и других направлений НТП.

Для развитых стран острой проблемой является сохранение темпов экономического развития при обострении конкуренции со стороны крупных развивающихся стран, обладающих мощными ресурсами дешевой рабочей силы. С помощью информационно-коммуникационной техники обеспечивается ускорение создания новых видов товаров и услуг и освоение их производства и сбыта. Именно в сфере новых видов деятельности развитые страны предполагают найти потенциальную нишу системы международного разделения труда в условиях глобализации.

С помощью ИКТ развитые страны надеются обеспечить высокий уровень автоматизации и оптимизации производственных процессов, снизить энерго- и материалоемкость производства. Впечатляют достижения США. С 1997 по 2003 г. энергоемкость выпуска продукции в машиностроении снизились в этой стране вдвое. В обрабатывающей промышленности в целом расход энергии на единицу продукции уменьшился на $\frac{1}{3}$, в частном секторе экономики — на $\frac{1}{5}$, а в ВВП уменьшился на 15%. Уменьшилась материалоемкость: продукции машиностроения — на 25%, обрабатывающей промышленности в целом — на 20, а в ВВП — на 10%². Большая часть рабочей силы развитых стран занята в сфере услуг. В ней особенно быстро растет производительность труда в результате развития ИКТ.

В совокупности с биотехнологией ИКТ способны резко повысить эффективность здравоохранения. Для развитых стран особенно значимую проблему представляют профилактика и лечение хронических заболеваний, свойственных лицам пожилого возраста.

Развивающимся странам важно обеспечить с помощью ИКТ доступность и повышение качества образования, быстрое использование накопленных в развитых странах научно-технических и организационных достижений. Остаются весьма острыми потреб-

¹ См.: Technical Change and the World Economy. Convergence and Divergence in Technology Strategies / Ed. by Hagedoorn J. Aldershot, Edward Elgar, 1996. P. 43.

² См.: Survey of Current Business. Washington. 2005. № 9. P. 51, 57.

ности в повышении с помощью биотехнологий продуктивности сельского хозяйства, решении продовольственной проблемы, снижении смертности от инфекционных заболеваний.

К числу актуальных проблем мирового хозяйства относится быстрый рост потребности в энергоресурсах, особенно стран, вставших на путь быстрой индустриализации. Их потребности в энергии и сырье растут гораздо быстрее, чем в странах постиндустриального развития — в ближайшие десятилетия их обеспечение невозможно без крупномасштабного строительства атомных электростанций.

Исторически каждый новый виток НТП сопровождался крупными вложениями в развитие транспорта. Можно ожидать, что растущие потребности энергетики, транспорта, жилищного строительства и развития сопутствующей инфраструктуры создадут огромный спрос на вложения в основные фонды и обеспечат повышение нормы вложений в основной капитал в первой четверти XXI в.

Оценка будущих темпов экономического развития

Прогноз долгосрочных темпов мирового экономического развития, в данном случае до 2025 и 2050 гг., что примерно соответствует границам восходящей и нисходящей волн большого цикла, целесообразно разбить на несколько составляющих оценок:

- динамики ВВП на душу населения и совокупной величины ВВП США как лидера НТП;
- динамики соответствующих показателей развитых стран, помимо США;
- роста ВВП на душу населения и совокупной величины ВВП развивающихся стран;
- динамики стран с переходной экономикой;
- расчет перспектив мирового экономического роста;
- сравнения возможных итогов экономической динамики наиболее крупных стран и изменения соотношения сил в мировом хозяйстве.

США и другие развитые страны. Итоги экономического развития США в XX в. показывают, что как в первой, так и во второй половине столетия среднегодовой темп прироста производительности труда (среднее значение динамики в расчете на одного занятого и на человеко-час) составил примерно 2,0%.

II. Перспективы и стратегии экономического развития

Темп накопления и темп расходования научно-технического потенциала в стране — лидере НТП приобрели в долгосрочной перспективе весьма устойчивый характер. Это дает основание предположить, что в первой половине XXI в. динамика соответствующих показателей не претерпит существенных изменений, хотя возможны небольшие отклонения в ту или иную сторону. Показатели динамики производительности труда в США за 1996—2005 гг. подкрепляют предположение о том, что при разработке прогноза экономической динамики США на первую половину XXI в. можно основываться на показателях развития во второй половине XX в. Указанная выше величина среднегодового прироста ВВП на душу населения за полный цикл составляет из 2,4% во время восходящей волны и 1,6% — нисходящей.

Исходя из этих стилизованных фактов и ранее обоснованных границ развития большого цикла можно ожидать следующих результатов (табл. 6.1). Приведенные оценки по США близки к проектировкам, выполненным сотрудниками *Goldman Sachs* в 2003 г.¹

Таблица 6.1. Перспективы экономического роста «большой семерки» и развитых стран в целом

Показатель	Страны							
	США	Япония	Германия	Великобритания	Франция	Италия	Канада	Развитые страны
Численность населения, млн человек								
2000 г.	285	128	82,3	58,7	59,3	57,5	30,8	861
2025 г.	340	125	82,3	61,7	62,3	60,4	36,8	940
2050 г.	375	122	80,3	63,3	63,9	62,0	40,6	990
ВВП на душу населения, тыс. долл. США*								
2000 г.	35,2	25,8	25,3	25,6	26,3	25,7	27,7	28,9
2025 г.	63,0	50,4	47,9	50,4	49,1	47,3	50,4	57,8
2050 г.	97,5	73,1	71,2	76,1	72,2	68,3	73,1	87,5

¹ См.: *Wilson D., Parashothaman R. Dreaming with BRICs: The Path to 2050 // Global Economics Paper. N. Y. : Goldman Sachs. 2003. № 99. P. 19—20.*

Показатель	Страны							
	США	Япония	Германия	Великобритания	Франция	Италия	Канада	Развитые страны
ВВП, млрд долл. США*								
2000 г.	10 032	3302	2082	1503	1560	1478	853	24 868
2025 г.	21 420	6300	3942	3110	3059	2857	1854	54 332
2050 г.	36 563	8918	5717	4817	4614	4235	2968	86 631

* В ценах и по ППС 2000 г.

Результаты *Goldman Sachs* несколько ниже, что отчасти объясняется разницей в исходных показателях за 2000 г. Данные за 2000 г., использованные здесь, выше, чем те, которыми оперировали исследователи *Goldman Sachs*. Расхождения в прогнозе общей величины ВВП США существенно меньше, чем ВВП на душу населения. Это означает, что *Goldman Sachs* использовала более высокую оценку (на 0,2 п.п. за 2001—2050 гг.) среднегодовых темпов прироста численности населения. Так, рассчитанная на 2050 г. величина ВВП на душу населения в табл. 6.1 выше, чем прогнозная оценка *Goldman Sachs*, на 16%, а общей величины ВВП — на 4%.

Расхождения в оценках перспектив экономического роста США оказываются минимальными и в сопоставлении с расчетами *Centred' Etudes Perspectives et d'Informations Internationales*, чего нельзя сказать в отношении прогнозов по большинству других стран, играющих значимую роль (или на нее претендующих) в мировом хозяйстве.

Прогнозные оценки по остальным странам «большой семерки» и совокупности развитых стран могут строиться на концепции догоняющего развития по аналогии с оценками второй половиной XX в.

Отставание шести стран «большой семерки» («большой шестерки») от США после 1990 г. относительно невелико по сравнению с тем, каким оно было накануне 1950-х гг. Соответственно можно предположить, что среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения «большой шестерки» в первой четверти XXI в. бу-

дет на 0,1—0,3 п.п. выше, чем в США. Во второй четверти столетия, напротив, возможно отставание соответствующих показателей от показателей США на 0,1—0,2 п.п. в связи с более ранним переходом США к новому циклу развития второй половины XXI в.

Гипотеза опережающего по сравнению с США развития стран Западной Европы и Японии строится на предположении, согласно которому назревшие реформы в области налогообложения, трудового и социального законодательства в них будут осуществлены¹.

Благодаря реформам экономика станет более гибкой и привлекательной для капиталовложений. Ввиду более низкого темпа роста населения в Европе и Японии среднегодовой темп прироста ВВП «большой пятерки» (без Канады) будет меньше, чем ВВП США на 0,4—0,5 п.п. в первой четверти века и на 0,5—0,8 п.п. — во второй четверти.

Прогнозы ВВП на душу населения, приведенные в табл. 6.1, существенно выше, чем в расчетах фирмы *Goldman Sachs*. По странам Западной Европы по состоянию на 2050 г. оценки *Goldman Sachs* составили (от оценок в табл. 6.1): 77% — по Великобритании; 71 — по Франции; 69 — по Германии; 60% — по Италии. Отчасти это связано с расхождением исходных данных за 2000 г., когда оценки по странам в том же порядке составили (в процентах) 94, 84, 90 и 72. Такое расхождение в основном объясняется различием между оценками на базе соотношения валютных курсов (*Goldman Sachs*) и по ППС (*OECD*)². По той же причине, но с противоположным результатом исходные данные *Goldman Sachs* по Японии за 2000 г. составили 128% от расчетов OECD.

Расхождения в прогнозе связаны также с предположениями относительно среднегодовых темпов прироста в первой четверти XXI в. Оценки из табл. 1 соответствуют сценарию догоняющего развития стран Западной Европы (и Японии). Эксперты *Goldman Sachs* считают, что отставание в среднегодовых темпах в этих странах от США, обнаружившееся в последнее десятилетие XX в., сохранится и в ближайшие десятилетия. Так, на период 2001—2025 гг. среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения составит, по версии *Goldman Sachs*: в Великобритании — 1,9% (2,7% —

¹ См.: *Alesina A., Giavazzi F. The Future of Europe. Reform or Decline. Cambridge (Mass.), 2006. P. 14.*

² См.: *OECD Factbook 2007. Paris : OECD, 2007. Real GDP Growth.*

6. Долгосрочные перспективы роста мировой экономики

в табл. 6.1); во Франции — 1,8% (2,5%); в Германии — 1,4% (2,6%); в Италии — 1,7% (2,5%); в Японии — 1,4% (2,7%).

Расхождения в оценках общей величины ВВП помимо названных причин связаны с представлениями о будущей динамике численности населения, в частности, по Японии, Германии и Италии. По версии *Goldman Sachs*, численность населения Японии в 2050 г. составит 100 млн человек (на 22 млн человек меньше, чем в табл. 6.1); Германии — 73,5 млн человек (примерно на 7 млн человек меньше); Италии — 50 млн человек (на 12 млн человек меньше).

По прогнозам *Goldman Sachs*, среднегодовые темпы прироста численности населения в названных трех странах будут иметь отрицательные величины, которые составят за 50 лет, соответственно, 0,5; 0,2 и 0,3%.

Развивающиеся страны. Прогнозирование роста ВВП развивающихся стран представляет более сложную задачу, чем развитых. Это обусловлено как объективными факторами, в том числе меньшей надежностью исходных показателей, так и большей зависимостью развития от проводимой социально-экономической политики.

В развивающихся странах сложнее оценить влияние большого цикла на экономическую конъюнктуру. Восходящая волна в целом благоприятно сказывается на мировом экономическом развитии, включая все группы стран. В ряде развивающихся стран, сумевших создать выигрышные условия для иностранного капитала, возможно ускорение роста при нисходящей волне. Как следствие, в развитых странах сужаются возможности для выгодного приложения капитала и соответственно усиливается его экспорт.

В нисходящей волне особенно проявляется воздействие политического фактора на экономический рост. Это явствует из сопоставления развития крупных стран Азии и Латинской Америки за последние два десятилетия XX в. и первую половину первого десятилетия XXI в.¹ В 1981—2000 гг. среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения составил в Китае 8,6%, в Индии — 3,5%, а в Бразилии — 0,9 и Мексике — 0,3%.

В 2001—2005 гг. контраст между Азией и Латинской Америкой усилился. В Китае названный показатель увеличился до 8,9%; в Индии — до 6,4%, а в Бразилии снизился до 0,3. В Мексике численность населения росла быстрее, чем ВВП. Соответственно ВВП на душу населения снижался со средней скоростью 0,7% в год. В дан-

¹ См.: OECD Factbook 2007. Paris : OECD, 2007. Real GDP Growth.

ном примере видна обратная зависимость между величиной ВВП на душу населения и интенсивностью роста данного показателя при нисходящей волне.

На восходящей волне ситуация была прямо противоположной. В 1960-е гг., в фазе процветания большого цикла, среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения в развивающихся странах были тем выше, чем бóльшим было исходное значение среднедушевого дохода.

Самый высокий показатель (6,6%) был у новых индустриальных стран. Их ВВП на душу населения, исчисленный в ценах 2000 г. на базе соотношения курсов валют 1967 г., находился в 1967 г. пределах 3,2—4,6 тыс. долл. В группе развитых стран его величина составляла от 4,6 тыс. до 17 тыс. долл.

В следующей группе (ВВП на душу населения от 1,85 тыс. до 3,2 тыс. долл.) среднегодовой темп прироста составил 4,4%. В пределах дохода от 925 до 1850 долл. — темп прироста был ниже среднемирового (3,2%) и составлял 2,9%. Еще ниже показатель прироста (2,6%) был у группы с ВВП на душу населения от 460 до 925 долл. Самый низкий средний темп прироста (1,7%), зарегистрирован в странах с ВВП на душу населения от 230 до 460 долл.¹ Именно в данной категории находились Китай и Индия. В странах данной группы проживало около половины населения мира.

При условии пересчета ВВП по ППС величины среднедушевого дохода в развивающихся странах были бы существенно выше. Поскольку в 2000 г. средняя величина ВВП на душу населения в развивающихся странах, исчисленная в ценах и по ППС того же года, достигла 3,7 тыс. долл.², можно предположить, что в восходящей волне большого цикла, в 2001—2025 гг., среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения может составить 4,4%.

Во второй четверти столетия темпы прироста ВВП по ряду причин замедлятся. Неизбежно обострение экологического кризиса и дефицита ресурсов, вызванное ускоренной индустриализацией стран с большой численностью населения. Потребуются немалые усилия на защиту и оздоровление окружающей среды, освоение дорогих технологий для снижения материало- и энергоемкости производства.

¹ См.: *Kristensen T. Development in Rich and Poor Countries.* N. Y.: Praeger, 1974. P. 27.

² См.: *Мировая экономика: прогноз до 2020 года.* С. 399.

По показателю ВВП на душу населения развивающиеся страны к 2025 г. могут превысить «порог» в 10 тыс. долл. в ценах и по ППС 2000 г. По критериям 1960-х гг. они перейдут в разряд развитых. Динамика их экономического развития будет соответствовать логике большого цикла. Вместе с тем сохранится эффект догоняющего развития. Можно предположить, что среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения снизятся до 3,0%. В этом случае ВВП на душу населения в данной группе стран в 2050 г. превысит 22 тыс. долл. Это почти 90% среднего уровня экономического развития Западной Европы в 2000 г.

По такому сценарию совокупный ВВП развивающихся стран достигнет в 2025 г. 68,6 трлн долл., что на четверть больше показателя развитых стран. В 2050 г. ВВП развивающихся стран превысит 160 трлн долл., или на 85% превзойдет совокупный результат развитых стран.

Внимание исследовательских центров всего мира обращено на впечатляющие достижения Китая и Индии. Вторая страна быстро приближается к рекордно высоким среднегодовым темпам прироста ВВП первой.

Согласно представлениям *Goldman Sachs*, в обозримой перспективе четыре крупные по численности населения страны (Бразилия, Россия, Индия, Китай — БРИК), три из которых относятся к группе развивающихся и одна (Россия) — к странам с переходной экономикой, обладают наиболее высоким потенциалом экономического роста.

В контексте прогноза роста развивающихся стран рассмотрим перспективы экономического развития и роста Китая, Индии и Бразилии. Опираясь на опыт 1960-х гг. и уровень экономического развития, достигнутый этими странами к 2000 г., можно в первом приближении предположить, что среднегодовой темп прироста в восходящей волне, т.е. в 2001—2025 гг., составит примерно 6,5%.

Данный показатель соответствовал средней интенсивности экономического развития новоиндустриальных стран в фазе процветания большого цикла. Этот показатель на 2,3 п.п., который ниже результата, достигнутого Китаем в 2001—2005 гг., практически совпадает с показателем Индии за тот же период и на 6,2 п.п. выше соответствующего показателя Бразилии.

Среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения Китая в 2001—2025 гг. может снизиться примерно до 6,0%. Во-первых, в восходящей волне обостряется конкуренция в области привлече-

II. Перспективы и стратегии экономического развития

ния капиталовложений, а интенсивность притока иностранных капиталовложений в Китай уменьшится. Во-вторых, индустриализация Китая происходит по наиболее энерго- и материалоемкому направлению, что в условиях мирового дефицита и удорожания соответствующих ресурсов отрицательно скажется на темпах экономического роста. Кроме того, потребуются большие затраты на защиту и оздоровление окружающей среды.

Индия в большей степени, чем Китай, опирается на возможности ИКТ, и ее путь индустриализации менее ресурсоемкий. Можно предположить, что в 2001—2025 гг. ей удастся обеспечить среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения, примерно равный 6,5%.

Бразилия могла бы при соответствующей экономической политике обеспечить существенное повышение темпов экономического развития и выйти на 4%-ный среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения в 2001—2025 гг.

В 2026—2050 гг. (в нисходящей волне большого цикла и ввиду приближения уровня «большой тройки» к уровню развитых стран 1960-х гг.) среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения снизятся в Китае до 3,0%; в Индии — до 3,5; в Бразилии — до 3,0%. Результаты расчетов по странам согласно высказанным предположениям, приведены в табл. 6.2.

Таблица 6.2. Перспективы экономического роста «большой тройки» и всей совокупности развивающихся стран

Показатель	Страны			
	Китай	Индия	Бразилия	Все
Численность населения, млн человек				
2000 г.	1275	1017	172	4767
2025 г.	1450	1335	215	6390
2050 г.	1400	1550	235	7150
ВВП на душу населения, тыс. долл. США*				
2000 г.	4,0	2,5	7,7	3,7
2025 г.	17,2	10,7	20,5	10,7

Показатель	Страны			
	Китай	Индия	Бразилия	Все
2050 г.	36,0	25,4	42,9	22,4
ВВП, трлн долл. США*				
2000 г.	5,1	2,5	1,3	18
2025 г.	24,9	14,3	4,4	68
2050 г.	50,4	39,4	7,4	160

* В ценах и по ППС 2000 г.

Еще одно обстоятельство затрудняет разработку прогноза по развивающимся странам и странам с переходной экономикой. Оценки ВВП на базе курсов валют и ППС различаются в наибольшей степени в отношении развивающихся стран. Рассчитанные на базе ППС величины ВВП точнее отражают соотношение экономической мощи, а ВВП на душу населения — благосостояние стран. Они также более устойчивы, чем оценки по соотношению курсов валют, ввиду подверженности последних значительным колебаниям.

Формально ошибка измерения ВВП по соотношению курсов валют существенно меньше ошибки при расчетах на базе ППС. Возможно, поэтому «фабрики мысли» (*thinktanks*), такие как *Goldman Sachs CPEII*, *EIU*, отталкиваются от оценок по соотношению курсов валют. Они оценивают перспективы роста в неизменных ценах, а затем вносят поправки на повышение курса, которое должно происходить по мере роста ВВП на душу населения в развивающихся странах вследствие сближения в этом случае соотношения курсов валют и ППС.

Эксперт *CPEII* оценила величину ВВП Китая 2005 г. в ценах и по соотношению курсов валют того же года в размере 2,3 трлн долл. Среднегодовой темп прироста ВВП в 2006—2050 гг. мог в неизменных ценах составить 4,6%. Было выдвинуто предположение, что курс юаня по отношению к доллару США будет повышаться в среднем на 1,5% в год. Соответственно ВВП Китая в ценах 2005 г., но по предполагаемому соотношению курсов юаня и доллара в 2050 г. достигнет в 2050 г. 34 трлн долл.

Подобный расчет был проведен и в отношении Индии. В нем исходная величина ВВП была принята равной 671 млрд долл., конечная — около 7 трлн долл. Среднегодовой темп прироста в неизменных ценах в 2006—2050 гг. был принят равным 4,5%. Темп повышения курса индийской рупии по отношению к доллару мог составить в среднем 0,8% в год¹.

Goldman Sachs, используя аналогичную процедуру, оценила ВВП Китая в 2000 г. в ценах и по соотношению курсов валют 2003 г. в размере 1078 млрд долл. ВВП Китая 2050 г. в ценах 2003 г., но, по предполагаемому соотношению курсов валют 2050 г., может достичь 44,5 трлн долл.

ВВП Индии, по первоначальной оценке *Goldman Sachs*, мог проделать путь от 469 млрд до 27,8 трлн долл. В 2007 г. прогноз среднегодового темпа прироста ВВП Индии до 2020 г. был повышен с 5,7 до 8,0%². ВВП Бразилии на 2000 г. был оценен *Goldman Sachs* в 762 млрд долл., а на 2050 г. — в 6,1 трлн долл.

По расчетам *Goldman Sachs*, курсы валют выделенной четверки стран (включая Россию) будут повышаться по отношению к доллару в среднем на 2,5% в год, и за счет этого фактора будет обеспечена треть прироста ВВП этой группы стран в долларом выражении за период до 2050 г.³

Страны с переходной экономикой. Третья (и последняя рассматриваемая здесь) группа стран с переходной экономикой состоит из входивших ранее в состав СССР, а также тех, которые традиционно относятся к Восточной Европе. По численности населения эта группа сопоставима с Западной Европой. Причем на страны СНГ приходится примерно 70% населения стран с переходной экономикой, а в составе СНГ половина населения проживает в России.

Средний уровень доходов на душу населения в этих странах по ППС примерно вдвое выше показателя развивающихся стран, но в 3,5 раза ниже показателя развитых. В странах Восточной Европы средний доход в полтора раза выше, чем в СНГ, и примерно (по состоянию на 2005 г.) на 15% выше, чем в России⁴.

¹ См.: *Poncet S. The Long Term Growth Prospects of the World Economy: Horizon 2050 // Working Paper. Paris. CEPII. 2006. № 16. P. 64—65.*

² См.: *Poddar T., Yi E. India's Rising Potential // Global Economics Paper. N. Y.: Goldman Sachs. 2007. № 152.*

³ См.: *Wilson D., Parashothaman R. Op. cit. P. 5—6.*

⁴ См.: *Мировая экономика: прогноз до 2020 года. С. 403—404.*

Страны с переходной экономикой, как и развивающиеся, будут двигаться по траектории догоняющего развития. В восходящей волне большого цикла темп прироста у них может быть несколько выше, чем в среднем в развивающихся странах (примерно 5,0% в год), а в нисходящей волне — ниже, чем в развивающихся, но выше, чем в развитых странах (приблизительно 2,5% в год).

Перспективы более определены в отношении стран, уже вступивших в ЕС, а также кандидатов на вступление в ближайшее десятилетие. Успех стран СНГ, в том числе России, зависит от овладения современными стимулирующими методами воздействия на развитие экономики. Он также связан с решением социальных задач по обеспечению занятости населения. Увлечение привычными административными методами командования экономикой, уклон в сторону наращивания добычи углеводородов, а также производства вооружений могут оказаться тормозом экономического развития, действие которого чревато социальными и политическими потрясениями.

Приведенный в табл. 6.3 прогноз развития стран с переходной экономикой отражает, как для ранее рассмотренных стран, умеренно оптимистичный сценарий развития.

Таблица 6.3. Перспективы экономического роста стран с переходной экономикой

Показатели	Страны			
	Восточной Европы	СНГ	Россия	Все
Численность населения, млн человек				
2000 г.	121,1	281,5	145,6	409,9
2025 г.	120,0	282,0	140,0	410,0
2050 г.	120,0	282,0	140,0	410,0
ВВП на душу населения, тыс. долл. США*				
2000 г.	9,3	5,3	7,3	6,5
2025 г.	31,5	17,95	20,9	22,0
2050 г.	58,4	33,3	38,7	40,8
ВВП, трлн долл. США*				
2000 г.	1,1	1,5	1,1	2,7

Показатели	Страны			
	Восточной Европы	СНГ	Россия	Все
2025 г.	3,8	5,1	2,9	9,0
2050 г.	7,0	9,4	5,4	16,7

* В ценах и по ППС 2000 г.

Итоги мирового развития

Представленные сценарии развития по группам стран и некоторым крупным странам позволяют описать общие тенденции мирового развития. В табл. 4 приведены прогнозные оценки перспектив экономического развития по группам стран, а в табл. 6.5 названы страны, которые займут ведущие позиции в мире по общей величине ВВП.

Данные табл. 6.4 свидетельствуют о высоких темпах мирового экономического развития (росте ВВП на душу населения) в первой четверти XXI в. Среднегодовой темп прироста в 2001—2025 гг. составит 3,3%.

Этот показатель мирового экономического развития в фазе процветания большого цикла второй половины XX в. равнялся 3,2%. Тогда «локомотивом» были развитые страны, темп прироста у которых составлял 3,5%.

Таблица 6.4. Перспективы мирового экономического развития в разбивке по трем группам стран

Показатель	Экономики			
	Развитые	Развивающиеся	Переходные	Все
Численность населения, млн человек				
2000 г.	861,1	4767,2	409,9	6038,2
2025 г.	940,0	6390,0	410,0	7740,0
2050 г.	990,0	7150,0	410,0	8550,0
ВВП на душу населения, тыс. долл. США*				
2000 г.	28,9	3,7	6,5	7,5

Показатель	Экономики			
	Развитые	Развивающиеся	Переходные	Все
2025 г.	57,8	10,7	22,0	17,0
2050 г.	87,5	22,4	40,8	30,8
ВВП, трлн долл. США*				
2000 г.	24,9	18,0	2,7	45,6
2025 г.	54,3	68,0	9,0	131,3
2050 г.	86,6	160,0	16,7	263,3

* В ценах и по ППС 2000 г.

В настоящее время высокие темпы задаются развивающимися странами. У них названный показатель в 2001—2025 гг. ожидается, по нашим расчетам, равным 4,4%, а у развитых стран — 2,4.

Среднегодовые темпы прироста мирового ВВП достигнут 4,3%. По этому показателю разница между развивающимися и развитыми странами еще больше (соответственно 5,5 и 3,1%) вследствие более быстрого роста численности населения в развивающихся странах.

Таблица 6.5. Крупнейшие страны мира по величине ВВП

Показатель	Страны					
	США	Япония	Китай	Индия	Бразилия	Россия
Численность населения, млн человек						
2000 г.	285	128	1275	1017	172	145,6
2025 г.	340	125	1450	1335	215	140,0
2050 г.	375	122	1400	1550	235	140,0
ВВП на душу населения, тыс. долл. США*						
2000 г.	35,2	25,8	4,0	2,5	7,7	7,3
2025 г.	63,0	50,4	17,2	10,7	20,5	20,9
2050 г.	97,5	73,1	36,0	25,4	42,9	38,7

Показатель	Страны					
	США	Япония	Китай	Индия	Бразилия	Россия
ВВП, трлн долл. США*						
2000 г.	10,0	3,3	5,1	2,5	1,3	1,1
2025 г.	21,4	6,3	24,9	14,3	4,4	2,9
2050 г.	36,6	8,9	50,4	39,4	7,4	5,4

* В ценах и по ППС 2000 г.

По всем прогнозам, в рамках первой четверти XXI в. развивающиеся страны впервые превзойдут по размеру ВВП развитые страны. Мир станет многополярным. Это подтверждается и данными табл. 6.5. В 2025 г. по величине ВВП, рассчитанной по ППС, Китай превзойдет США, а Индия — Японию. Бразилия к этому же сроку опередит Германию. По размеру ВВП на душу населения развивающиеся экономики в среднем достигнут уровня благосостояния развитых стран конца 1960-х гг.

Во второй четверти XXI в. темпы мирового экономического развития замедлятся. Среднегодовой темп прироста мирового ВВП на душу населения составит 2,4%, т.е. будет ниже показателя первой четверти текущего столетия на 0,9 п.п. Более резким будет снижение прироста общей величины ВВП (до 2,8%, на 1,5 п.п.) в связи с замедлением роста численности населения.

К середине XXI в. развивающиеся страны по величине ВВП займут доминирующее положение в мировом хозяйстве. Не только Китай, но и Индия превзойдет США по этому показателю. Развитые страны сохраняют свои позиции как лидеры научно-технического и организационного прогресса. Развивающиеся страны в целом по величине ВВП на душу населения приблизятся в 2050 г. к показателю Западной Европы конца XX в. Их достижение будет ниже показателя развитых стран 2050 г. примерно в 4 раза и меньше показателя стран с переходной экономикой того же года в 2 раза. Отставание развивающихся стран от развитых по величине ВВП на душу населения за 50 лет сократится вдвое.

Прогнозирование возможных структурных кризисов

В соответствии с умеренно благополучной картиной экономического развития мира подразумевается отсутствие крупных военно-политических конфликтов, сопоставимых с мировыми войнами XX в. Ожидаемое более равномерное распределение экономической мощи способствует формированию многополярного мира, конструкции более устойчивой по сравнению с той, когда одна страна или узкая группа стран навязывает (или имеет искушение навязать) свою волю остальному миру.

Повышение уровня экономического развития в развивающихся странах позволяет надеяться, что проблема устранения нищеты и голода к концу первой четверти XXI в. в глобальном масштабе будет снята с повестки дня.

Следует ожидать обострения проблем обеспеченности природными ресурсами, защиты и оздоровления окружающей среды. Причем проблемы природных ресурсов и экологии могут принять характер глобального кризиса. К такому предположению приводит целый ряд обстоятельств.

Во-первых, наиболее высокие темпы экономического роста ожидаются в крупных по численности населения странах, переживающих этап индустриализации. Индустриализация связана с большей энерго- и материалоемкостью производства, чем постиндустриальное развитие, в период которого вступили передовые страны.

Во-вторых, для развивающихся стран недоступны, в силу дороговизны, продвинутые безотходные технологии, которые служат экономии энергии и материалов и одновременно позволяют уменьшить загрязнение окружающей среды. Основные устремления этих стран в первой четверти XXI в. связаны с повышением уровня материального благосостояния.

В-третьих, обеспечение природными ресурсами потребует разведки и освоения природных месторождений на труднодоступных территориях, что приведет к удорожанию сырья.

В-четвертых, проблема оздоровления окружающей среды уже приобрела весьма острый характер в плотно населенных развивающихся странах, что негативно отражается на здоровье населения.

Вторая четверть текущего столетия будет характеризоваться большим акцентом на улучшении качества жизни наряду с повышением материального благосостояния. Научные исследования и

II. Перспективы и стратегии экономического развития

стандарты в области производственной деятельности будут нацелены на снижение затрат природных ресурсов, оздоровление окружающей среды, повышение уровня и качества образования и здравоохранения.

Замедление экономического роста в мировом масштабе во второй четверти XXI в., вызванное наступлением нисходящей волны большого цикла и вздорожанием природного сырья, облегчит преодоление сырьевого и экологических кризисов.

* * *

Россия, возможно, достигнет к 2025 г. 80% современного уровня развития стран Западной Европы. К середине века она сможет превысить уровень экономического развития США 2000 г. По общей величине ВВП Россия в 2025 г. может сравняться с Италией, а к 2050 г. войти в первую десятку стран, вслед за Китаем, Индией, США, Японией, Бразилией и Германией.

Главная стратегическая цель России состоит в решении социальных проблем. Именно от обеспечения занятости населения в высокоэффективных отраслях гражданского производства зависит в первую очередь безопасность России.

Экономический крах и распад СССР обусловлены тем, что его существование было нацелено на устранение внешней угрозы. Страна, бывшая мировым лидером по добыче полезных ископаемых и производству многих полуфабрикатов, по размеру ВВП на душу населения находилась среди стран среднего уровня развития. Фактически в силу крайней милитаризации экономики уровень жизни был ниже, чем можно предположить по размеру ВВП на душу населения.

В 1990 г. Россия, по оценке ИМЭМО РАН, находилась по размеру ВВП на душу населения на 37-м месте в мире, а прибалтийские республики, чей уровень жизни был самым высоким в СССР, занимали более низкое положение: Литва — 39-е, Латвия — 40-е, Эстония — 46-е места¹.

Будущее России зависит от овладения современными рыночными методами стимулирования предпринимательской и трудовой деятельности, экономного и рационального использования природных ресурсов. Особое внимание должно быть обращено на то,

¹ См.: Мировая экономика: прогноз до 2020 года. С. 414.

6. Долгосрочные перспективы роста мировой экономики

чтобы рентабельность обрабатывающей промышленности была после вычета налогов выше, чем при добыче нефти и газа. Конкуренспособная продукция обрабатывающей промышленности — основа эффективности всех отраслей хозяйства. В добавленной стоимости продукции обрабатывающей промышленности преобладают трудовые доходы. Обрабатывающая промышленность может развиваться повсеместно. Все это важно для решения главных социальных задач: занятость населения высокооплачиваемым трудом, сокращение диспропорций в личных доходах и между регионами страны.

7

Проблемы регулирования экономики США в исследованиях Пола Кругмана¹

Krugman P. The Conscience of a Liberal. N. Y.; L. : W. W. Norton & Company, 2007. 296 p.; Krugman P., Obstfeld M. International Economics Theory & Policy. Boston: Pearson Education, Inc., 2006. 680 p.; Кругман П. Великая ложь. Сбиваясь с пути на рубеже нового века. М. : АСТ, 2003. 474 (6) с.

В 2007 г. в США опубликована книга «Кредо либерала» (*The Conscience of a Liberal*) о противоборстве либерального и консервативного движений в американской политике. Первое из них составляет основу Демократической, а второе — Республиканской партии США. Выход книги был приурочен к началу кампании по выборам Президента США в 2008 г.

Заслуги автора в академической сфере, связанные с разработками в области теории международных экономических отношений (МЭО) (*International Economics*), отмечены в 2008 г. Нобелевской премией. В 2006 г. в США вышло седьмое издание его учебника, посвященного вопросам теории и политики МЭО. Эту книгу Пол Кругман создавал, будучи профессором Принстонского университета, совместно с Морисом Обстфельдом — профессором Калифорнийского университета в Беркли. Наиболее значимым результатом исследования международного разделения труда стало следующее заключение П. Кругмана: ускорение экономического развития с углублением специализации сопровождается усилением неравномерности распределения доходов [2, с. 66], что обуславливает противостояние сторонников и противников глобализации.

Проблема неравномерности распределения доходов и ее решение методами налогово-бюджетной политики является центральной для Кругмана не только в части защиты концепции свободы торговли [2, с. 67], но и в связи с регулированием социально-эко-

¹ Вопросы экономики. 2009. № 8. С. 28—42.

номических процессов и критикой налоговой политики президента Джорджа Буша-младшего.

Имя Пола Кругмана стало широко известно благодаря сотрудничеству с газетой «Нью-Йорк Таймс» (*New York Times*), где с 1999 г. он выступает в качестве комментатора по актуальным экономическим вопросам. Публицистическая сторона его деятельности за период с 1997 по 2003 г. нашла отражение в сборнике статей, опубликованном в США в 2003 г. В 2004 г. сборник был издан в России. Название сборника в русском переводе — «Великая лож: сбиваясь с пути на рубеже нового века» (*The Great Unraveling: Losing Our Way in the New Century*).

Можно предположить, что именно бескомпромиссная критика политики Дж. Буша-младшего, потворствовавшей нуворишам, разоблачение финансовых пирамид [3, с. 58], «капитализма для избранных» [3, с. 137] послужили признанию заслуг Кругмана как экономиста-аналитика в раннем для получения Нобелевской премии возрасте — 55 лет.

Кругман выявил истоки неосновательного обогащения высших руководителей американских корпораций, чьи доходы в 2000 г. в 458 раз превышали доходы рядовых сотрудников, несмотря на то, что прибыли компаний не росли [3, с. 145]. В 1970 г. разница была примерно 30-кратной [1, с. 136]. Он также предположил возможность глубокого кризиса в экономике США ввиду коррупционной болезни, поразившей систему хозяйствования [3, с. 98, 120]. В начале нынешнего века над развитыми странами нависла угроза стагнации, которую пережила экономика Японии в 1990-х гг. В связи с этим Кругман, в частности, писал в 2002 г.: «Если пузырь на рынке жилья, весьма вероятный сегодня, лопнет, мы станем самым неуютным образом напоминать Японию» [3, с. 120].

Потребность дать решительный бой пагубному для США курсу президента Дж. Буша-младшего подвигла Кругмана в книге, опубликованной в 2007 г., показать методы борьбы в фоне исторического противоборства либерального и консервативного течений в американской политике.

Американский либерализм, как подчеркивает автор, в своих истоках восходит к Новому курсу Франклина Рузвельта, благодаря которому США преодолели Великую депрессию и сыграли выдающуюся роль в победе антифашистских сил во Второй мировой войне. В области экономики американские либералы выступают за усиление роли государства. Они сторонники перераспределения

доходов с помощью налогово-бюджетного механизма ради сглаживания социального неравенства и увеличения покупательной способности населения. В сферах политики и общественной жизни либералы борются за расширение гражданских свобод и прав человека.

Консервативная идеология в современном виде направлена на уменьшение вмешательства государства в социально-экономические процессы, возвращение американского капитализма на позиции, существовавшие до Нового курса Ф. Рузвельта. По мнению одного из консервативных идеологов, необходим возврат до капитализма, не затронутого антитрестовской политикой Теодора Рузвельта, занимавшего пост Президента США от Республиканской партии в 1901—1909 гг.

Тогда, по словам Гровера Норквиста, советника Президента США Джорджа Буша (2001—2009) по налоговой политике, «одержали верх социалисты» [1, с. 11]. В сфере гражданских отношений консерваторы потворствуют сохранению дискриминационных порядков. В области политики они являются сторонниками усиления президентской власти как проводника воли богатейшей верхушки американского общества.

Исторически соотношение позиций Демократической и Республиканской партий США в отношении либерализма и консерватизма было подвержено изменениям, поскольку в обеих партиях есть и либеральные, и консервативные течения. В части гражданских свобод Демократическая партия является продолжателем дела Авраама Линкольна, Президента США, выбранного от Республиканской партии, возглавившего в Гражданской войне борьбу Севера против рабовладельческого Юга (1861—1865). В современных условиях южные штаты — оплот консервативной идеологии и Республиканской партии.

Ф. Рузвельт в борьбе за принятие Закона о социальном обеспечении 1935 г. был вынужден опереться на поддержку южан, представляющих консервативное крыло Демократической партии, на «бурбонов», прозванных так за реставрацию расистских порядков в южных штатах после отмены рабства и окончания Гражданской войны в США. Демократы от южных штатов поддержали учреждение в 1935 г. в США системы социального страхования, поскольку отсталый Юг получал больше, чем вносил в систему социального обеспечения. «Бурбоны» помешали созданию полноценной систе-

мы социального здравоохранения, поскольку она нанесла бы удар по режиму сегрегации [1, с. 22, 66—68, 180].

Существовали периоды, когда позиции Республиканской и Демократической партий были весьма близки и политика США по существу оказывалась двухпартийной. Избранный в 1952 г. Президентом США от Республиканской партии Дуайт Эйзенхауэр выступил против консервативных идеологов своей партии. Консерваторы призывали ликвидировать наследие Нового курса, включая систему социального обеспечения и пособий по безработице, законы о трудовых отношениях и программы поддержки фермерства. Д. Эйзенхауэр назвал их глупцами [1, с. 59]. Республиканец Ричард Никсон, избранный президентом в 1968 г. на эмоциональной волне протеста против «либеральной вседозволенности» (*liberalpermissiveness*) [1, с. 86], в экономической политике в соответствии с кейнсианскими рецептами и в духе американского либерализма проводил курс на усиление государственного регулирования.

Резкий уклон в сторону консервативной идеологии в Республиканской партии Кругман связывал с приходом на пост президента Рональда Рейгана (1981—1989), и особенно Джорджа Буша-младшего (2001—2009). В книге дано объяснение того, каким образом партии, отстаивавшей имущие интересы небольшой, но богатейшей части общества, удавалось побеждать на выборах демократов, защищавших интересы большинства. Автор обосновывал неизбежность победы демократов в президентских выборах 2008 г. и возможность формирования в будущем двухпартийной либеральной политики. Критика автором политики президента Дж. Буша-младшего отчасти проливает свет на то, какой характер может иметь политика Барака Обамы, особенно в ее экономическом аспекте.

Центральной темой выступлений Кругмана как теоретика и публициста является анализ причин, почему, начиная с середины 1970-х, в США усилилась неравномерность первичных доходов участников производства до и после их перераспределения с помощью государства. Автор прослеживает влияние этой тенденции на политическую систему и социальную обстановку в стране. Он задается вопросом, что может сделать государство, чтобы вернуться к положению сравнительно более равномерного распределения доходов, созданного благодаря Новому курсу Ф. Рузвельта и наблюдавшегося на протяжении «более тридцати лет» [1, с. 8].

В длительной перспективе наблюдается тенденция более быстрого роста трудовых доходов по сравнению с доходами от капитала.

II. Перспективы и стратегии экономического развития

Согласно данным Бюро экономического анализа США, динамика долей (в процентах от ВВП) трудовых доходов и доходов от капитала характеризовалась следующим образом:

Доля доходов в ВВП, %	Годы											
	1929	1940	1950	1960	1970	1974	1980	1990	1995	2001	2007	2011
Труда	49,7	51,7	52,9	55,6	59,8	59,8	59,9	58,0	57,5	57,3	55,9	54,8
Капитала	34,5	38,6	39,3	35,1	31,8	31,2	32,9	34,6	35,9	35,8	37,0	38,3
Соотношение	1,14	1,34	1,35	1,58	1,88	1,86	1,82	1,68	1,59	1,60	1,51	1,43

Источник: BEA National Economic Accounts. Gross Domestic Income by Type of Income.

В большинстве случаев неравенство в распределении личных трудовых доходов существенно меньше, чем личных имущественных. Имеется в виду, что разница в заработной плате наемных рабочих и служащих, как правило, меньше разницы в доходах мелких и крупных собственников.

Аналогичная тенденция наблюдается во всех развитых странах. В 1950 г. доля трудовых доходов в совокупной величине ВВП ОЭСР составляла 48,9%; имущественных (сумма прибыли и амортизационных отчислений) — 42,4%, а в 2003 г. соответственно 53,9 и 36,5%¹. Если трудовые доходы 1950 г. были больше доходов от капитала в 1,15 раза, то в 2003 г. — уже в 1,48 раза.

Как и в США, пик в соотношении трудовых и имущественных доходов в странах ОЭСР достигнут в начале 1970-х. В США, как видно из таблицы, пиковое соотношение равнялось 1,88. Для совокупности стран ОЭСР доля трудовых доходов в ВВП в 1975 г. достигала 57,1%; доходов от капитала — 34,6%, а соотношение равнялось 1,65. Из сопоставления этих данных можно сделать вывод, что в США доходы до вычета налогов распределяются более равномерно, чем в среднем в остальных развитых странах.

Изменения в соотношении трудовых и предпринимательских доходов (от капитала) до вычета налогов можно объяснить объективными процессами, включая такие, как научно-техниче-

¹ См.: National Accounts of OECD Countries. Paris : OECD, 1970—2005.

ский прогресс, глобализация, смена стадий экономического развития¹. Кругман упоминает все эти объективные факторы. В книге, изданной в 2007 г., он дает описание механизма воздействия на соотношение трудовых и предпринимательских доходов. Действие механизма согласуется с процессом восхождения к более высоким уровням экономического развития, начиная с индустриализации, и эта траектория связывается с понятием кривой С. Кузнеца [1, с. 45].

Обычно этот процесс относится к категории «вековых», т.е. сверхдолгосрочных тенденций развития (от века к веку). Суть его состоит в том, что страны, вступившие на путь индустриализации, испытывают нехватку капитала и избыток рабочей силы. Это выражается в следующем: предпринимательские доходы в ВВП развивающихся стран доминируют, что способствует ускоренному росту капитала. Размеры производственных фондов увеличиваются быстрее, чем численность населения и рабочей силы, происходит рост вооруженности труда капиталом.

У экономически развитых стран лимитирующим фактором роста становится рабочая сила. Страны превращаются в чистых экспортеров капитала и импортеров рабочей силы. Соответственно в ВВП развитых стран преобладают трудовые доходы. США отличаются от западноевропейских стран в этом контексте тем, что они с самого начала были импортерами рабочей силы. Нехватка рабочих рук стимулировала применение машин, и США раньше других стран пришли к ситуации, когда трудовые доходы стали составлять более половины ВВП. И ныне доля трудовых доходов в ВВП США выше соответствующего среднего показателя у совокупности развитых стран.

В отраслевом разрезе ускоренный рост трудовых доходов по сравнению с ростом доходов от капитала связан с развитием обрабатывающей промышленности и модернизацией на ее основе всех отраслей хозяйства. В стоимости, добавленной обрабатывающей промышленностью США, трудовые доходы вдвое превышали доходы от капитала в 2000 г.² В добавленной стоимости добывающей промышленности США соотношение доходов было прямо проти-

¹ О роли НТП и глобализации в современной экономике, в частности, см.: Мировая экономика: прогноз до 2020 года / под ред. А. А. Дынкина.

² В добавленной стоимости продукции машиностроения трудовые доходы превышали доходы от капитала в 2,7 раза.

воположным¹. Вооруженность труда капиталом в добывающей промышленности США на порядок выше, чем в обрабатывающих отраслях, производящих товары длительного пользования². Это может отражать то обстоятельство, что необходимость вовлекать в эксплуатацию все более трудные для освоения месторождения требует для развития добывающей промышленности все большего объема капитальных вложений в инфраструктуру и дорогое оборудование.

Циклический характер развития экономики означает отклонение от вековых тенденций и в ту и в другую стороны. Из таблицы видно, что после 1974 г. наметилась тенденция снижения данного показателя.

Кругман практически игнорирует проблему цикличности и соответственно недооценивает роль объективных процессов в распределении доходов. Не приходится удивляться и тому, что, в духе основного течения экономической мысли в США, им не используется концепция больших циклов или волн Н. Д. Кондратьева. Между тем именно в рамках развития этой концепции усилиями главным образом европейских ученых получены наиболее значимые успехи в исследовании закономерностей НТП и его воздействия на социально-экономические процессы³.

Восходящая волна большого цикла наблюдалась в передовых странах в третьей четверти XX в. Происходил интенсивный рост числа новых отраслей. Потребность в рабочей силе и капитале увеличивается вместе с появлением новых производств, дополняющих существующие отрасли. Поскольку трудовые ресурсы менее мобильны по сравнению с капиталом, то спрос на рабочую силу в развитых странах удовлетворить сложнее, чем потребность в финансировании. Когда же возрастает участие трудоспособного населения в рабочей силе, а норма безработицы снижается, трудовые доходы увеличиваются быстрее доходов от капитала.

На нисходящей волне большого цикла (четвертая четверть XX в.) снизились темпы экономического развития передовых стран. Она начинается вступлением в фазу зрелости жизненного

¹ См.: Survey of Current Business. Wash. BEA. 2005. № 8. P. 143—145.

² См.: Wolf E. What's behind the rise in productivity in the US in the 1980-s and 1990-s? // Cambridge Journal of Economics. Oxford, 2003. № 4. Vol. 27. P. 493.

³ О современных разработках концепции больших циклов, в частности, см.: Научно-технический прогресс и большие циклы конъюнктуры мирового хозяйства // Проблемы прогнозирования. 2003. № 1. С. 118—135.

цикла большей части отраслей, бывших локомотивами на фазе восходящей волны. Соответственно замедлился рост доходов. Для капитала этот эффект компенсируется возможностью его экспорта в развивающиеся страны, где норма прибыли существенно выше. Для рабочей силы снижение затрат рабочего времени в расчете на единицу продукции благодаря ресурсосбережению оборачивается ростом безработицы, трудовые доходы на нисходящей волне большого цикла растут медленнее, чем доходы от капитала.

В США нисходящая волна большого цикла второй половины XX в. завершилась в середине 1990-х гг. Именно в 1995 г. долгосрочный циклический процесс снижения доли в ВВП трудовых доходов, начавшийся в 1975 г., достиг низшей отметки, а процесс повышения доли доходов от капитала — высшей.

Вековая тенденция более быстрого роста трудовых доходов не перечеркивается отступлением при нисходящей волне большого цикла. Большой цикл завершается более благоприятным для рабочей силы соотношением трудовых и имущественных доходов, чем было в начале цикла в середине XX в., тем более чем в первой половине XX в. Начало в США восходящей волны нового цикла во второй половине 1990-х гг. знаменуется возобновлением более быстрого роста трудовых доходов, что видно из сопоставления показателей 2001 и 1995 г. в таблице. Отклонение от восходящей тенденции после 2001 г. может быть связано со спадом в рамках среднесрочного цикла, но особенно с обострением конкуренции со стороны развивающихся стран, негативным для США и других развитых стран эффектом глобализации. Сыграл свою роль и преимущественно трудосберегающий характер НТП, базирующийся на информационно-коммуникационной технике.

Неравномерность в распределении личных доходов в начале XXI в. не уменьшилась, а даже несколько возросла по сравнению с 1920-ми гг. Согласно приводимым Кругманом данным, доходы 10% населения, занимающих высшую позицию в распределении доходов, составили 44,3% совокупной величины доходов в 2005 г. против 43,6% в 1920-х. Доходы еще более узкого круга сверхбогатых, всего 1% численности населения, достигли 17,4% общей величины в 2005 г. против среднего для 1920-х гг. показателя — 17,3% [1, с. 16].

Кругман считает, что неравномерность доходов усилилась из-за возрастания различий в оплате наемного труда. По его мнению, это

в большей степени связано с институциональными и политическими факторами, нежели с объективными процессами. «Начиная с 1970-х нормы и институты в США изменились таким образом, что поощряли либо разрешали резкое усиление неравенства» [1, с. 149]. Эти изменения автор объясняет усилением консервативного движения и деятельностью его участников, направленной на преодоление наследия Нового курса. «Время изменений в политике и экономике дает основание полагать, что сначала произошли изменения в политике, а затем в экономике» [1, с. 8].

По данным Кругмана, наиболее ярко тенденция усиления неравномерности доходов проявляется начиная с середины 1980-х. «Захват правыми» (*right-wingtakeover*) Республиканской партии произошел в середине 1970-х» [там же].

Благодаря прогрессивному налогообложению Новый курс подорвал могущество богатейшей верхушки и ослабил ее политическое влияние. Ставка федерального налога на прибыли корпораций была повышена с 14% в 1929 г. до более чем 45% в 1955 г. Высшая ставка налога на наследство недвижимости (*estatetax*) поднималась поэтапно в период президентства Ф. Рузвельта, с 20 до 79%. В середине 1950-х ставка достигла 91% [1, с. 47—48]. К середине 1950-х престал существовать как символ средоточия богатства и оплота Республиканской партии застроенный дворцами «Золотой Берег» Лонг-Айленда. От дворцов пришлось так или иначе избавиться, чтобы не платить налог на наследство [1, с. 40]. Число миллиардеров в США, по классификации профессора Калифорнийского университета в Беркли Брэдфорда Делонга, резко сократилось в результате Нового курса.

Именно успех Нового курса, по мнению Кругмана, дает «весомое основание полагать, что институты, нормы и политическое окружение значат для распределения доходов гораздо больше, а объективные рыночные силы — меньше, чем можно судить на основании элементарного курса экономической теории» [1, с. 8]. Курс экономической теории, на который ссылается Кругман, не дает трактовки влияния большого цикла на экономические процессы.

Б. Делонг относит к миллиардерам тех, чье имущество по стоимости превышает годовую продукцию, произведенную 20 тыс. средних американских рабочих. В середине 1990-х, когда была создана эта мера, она равнялась миллиарду долларов. В середине 2000-х она достигла двух миллиардов. В 1900 г. в США насчи-

тывалось 22 миллиардера, согласно названной классификации, в 1925 г. — 32. К 1957 г. их число сократилось до 16 и в 1968 г. — до 13. Затем тенденция изменилась, и в середине 2000-х их число приблизилось к 160 [1, с. 18]. В России число долларовых миллиардеров в 2008 г. достигло 110¹.

Вполне понятна тяга сверхбогачей к восстановлению своего экономического могущества и политического влияния, ослабленного Новым курсом. Кругман стремится показать, что успех консервативного движения в отстаивании интересов крупного капитала связан с эволюцией этого направления политической мысли. Консервативная идеология пещерного образца предопределила сокрушительное поражение кандидата в Президенты США от Республиканской партии (1964) Барри Голдуотера. Его сторонники считали образцом фашистский режим генералиссимуса Франко.

Идеологи неоконсерватизма, подпитываемые щедрыми денежными вливаниями со стороны представителей крупного капитала, выработали в 1970-х гг. гибкие формы прикрытия корыстных целей богачей. Эти идеологи превратили консерватизм из маргинального течения в силу, способную шаг за шагом добиваться поддержки большинства электората [1, с. 11] и, добившись победы на выборах, осуществлять волю крупного капитала.

В консервативном движении принимают участие не только Республиканская партия и политические деятели, избранные от Республиканской партии (так же как либеральное движение не сводится к деятельности Демократической партии, ее политических участников), но и «фабрики мысли», издательства, СМИ. В систему включены центры — разработчики политики и идеологии, которые трудятся также над совершенствованием методов формирования общественного мнения. В этой же «обойме» находятся СМИ, пропагандирующие соответствующие идеи, а также институты, готовящие кадры для работы в органах власти.

В 1970-х в США выбор интеллектуала в пользу консервативной идеологии «стал правильным шагом в направлении карьерного роста» [1, с. 117].

Теоретическую основу неоконсерватизма в области экономики, как утверждает Кругман, создала Чикагская школа. Ее возглавлял Милтон Фридман, выступивший с критикой кейнсианских ме-

¹ См.: Московская неделя. 2008. 21 нояб. С. 4. nedelia@izvestia.ru.

тодов воздействия на экономику [1, с. 115]. Он получил Нобелевскую премию по экономике в 1976 г. Именно в 1970-х гг. благодаря щедрой финансовой поддержке со стороны крупного капитала возникли такие исследовательские центры консервативной ориентации, как Херитэдж Фаундейшн (*Heritage Foundation*), Институт Катона (*Cato Institute*). Американский институт предпринимательства (*American Enterprise Institute for Public Policy Research*), созданный еще в 1943 г., резко расширил масштабы своей деятельности, начиная с 1971 г. [1, с. 119].

Направление экономической политики может и должно меняться в зависимости от изменения экономической конъюнктуры, формируемой в том числе под влиянием циклических процессов разной периодичности. В связи с этим и нахождение экономистов той или иной школы в либеральном или консервативном лагере не обязательно связано с их идеологическими убеждениями, а может объясняться исключительно деловым походом к разрешению кризисных ситуаций в экономике, равно как и возможностью получить финансовую поддержку для разработки и применения своих идей. Например, Лоренс Саммерс был членом Совета экономических консультантов в 1982—1983 гг. при президенте Р. Рейгане. В 1999—2001 гг. работал министром финансов при президенте Б. Клинтоне. В 2009 г. он занял пост директора Национального экономического совета, координирующего экономическую политику, при президенте Бараке Обаме. Молва приписывает Генри Киссинджеру следующие слова: «Каждый президент должен предоставлять Лоренсу Саммерсу пост в Белом Доме»¹.

Хотя чаще всего Президент США опирается на представителей школы экономики, которая ближе его идеологии, но это может быть показателем односторонности в решении сложных вопросов экономической политики. Принимая политические решения, предпочтительнее учитывать аргументацию разных школ. Профессионалы могут иметь неодинаковые представления о будущем и о последствиях тех или иных решений. Специалистам хорошо известно, что наиболее реалистичной оказывается траектория, полученная благодаря систематизации возможно большего числа отличающихся одна от другой прогнозных оценок.

¹ Barack Obama's economic team. Off to work they go // *The Economist*. 2008, Nov. 27. http://www.economist.com/world/unitedstates/displayStory.cfm?story_id=12685546.

Что касается М. Фридмана, то его идеология как сторонника минимизации роли государства в экономике соответствовала идеалам американских консерваторов, а его критика кейнсианства пришла ко двору в специфических условиях, возникших в середине 1970-х гг.

Дело в том, что кейнсианские рецепты регулирования промышленного цикла эффективны, когда проблемы борьбы со спадом и инфляцией разведены во времени. Так в большинстве случаев и бывает: в фазе среднесрочного спада и усиления безработицы, подготавливаемой отставанием увеличения емкости рынка от роста производства, замедляется темп инфляции, и она даже может смениться дефляцией. В начале фазы циклического подъема емкость рынка растет быстрее производства и усиливается инфляция. В период спада следует средствами бюджетной и денежно-кредитной политики способствовать увеличению емкости рынка для обеспечения занятости трудоспособного населения. При подъеме требуется сдерживать рост емкости рынка для подавления инфляции.

Спад, вызываемый энергетическим кризисом, порождает явление, получившее название стагфляции. Это означает совмещение инфляции и спада. Стагфляция наблюдалась в середине и конце 1970-х. Тогда кейнсианские рецепты оказались неуместными. Во-первых, потому, что применение в одно и то же время мер по расширению совокупного спроса для борьбы со спадом и мер по сдерживанию его роста для противодействия инфляции противоречит здравому смыслу. Во-вторых, стагфляция была связана с инфляцией особого рода: не инфляцией из-за избыточного спроса на готовую продукцию, а инфляцией, вызванной вздорожанием топлива и сырья. Борьба с инфляцией такого рода требует не мер по ограничению роста емкости рынка, а удешевления кредита и принятия налоговых мер по стимулированию капиталовложений для внедрения энерго- и материалосберегающих технологий и развития альтернативных источников энергии и сырья.

Налоговой политике Кругман уделяет особое внимание, поскольку она имеет непосредственное отношение к проблеме доходов и служит наиболее действенной мерой влияния на рыночные процессы. По этим причинам она представляет собой объект особенно острой борьбы между либералами и консерваторами. О налоговой политике президента Дж. Буша (2001—2009) и возможности ее изменения при президенте Б. Обаме уместно сказать в

заключительной части обзора. Рассмотрим другие области противостояния консерваторов и либералов, где наступление капитала могло привести к усилению неравномерности распределения доходов в США.

В 1970-х предприниматели развязали настоящую войну против профсоюзов, пользовавшихся поддержкой и ставших «одной из опор» либерального движения во времена Нового курса. Согласно приводимым в книге оценкам, в конце 1970-х и начале 1980-х в США прокатилась волна незаконных увольнений сторонников профсоюзов. Жертвами таких увольнений стали каждый 20-й, по другим данным, — каждый восьмой рабочий [1, с. 150]. Еще в 1973 г. 39% рабочих обрабатывающей промышленности были членами профсоюзов. К 2005 г. доля рабочих, охваченных профсоюзами, снизилась до 13% [там же].

Рост профсоюзов поощрялся в рамках Нового курса, доля охваченных профсоюзами несельскохозяйственных рабочих повысилась с 10% в 1930 г. до 35% в 1945-м [1, с. 49, 69]. В соответствии с Национальным законом о трудовых отношениях (Закон Вагнера) 1935 г. профсоюзы стали одной из сторон заключения коллективных договоров, в соответствии с которыми они добивались повышения реальной заработной платы пропорционально росту производительности труда. Более того, в 1950-х и 1960-х гг. соглашения об условиях оплаты труда и росте заработной платы между крупнейшими профсоюзами и корпорациями «создавали нормы для экономики в целом» [1, с. 138].

С ослаблением профсоюзов связь между ростом производительности и ростом заработной платы перестала существовать. За период с 1973 по 2006 г. реальная стоимость продукции в расчете на человеко-час, исчисленная с помощью индекса цен на потребительские товары, приросла на 47,9%.

Указанный рост производительности давал возможность повысить реальную заработную плату рабочих примерно на 36%. Такова оценка главы Центра исследования экономической политики Дина Бейкера с учетом возросшего размера взносов работодателей в фонды социального, медицинского и других видов страхования [1, с. 278—279].

На самом деле реальный доход американских домохозяйств, занимающих срединное положение в этом отношении, повысился примерно на 16% [1, с. 126]. Согласно данным обследования, проведенного Научно-исследовательским центром Пью (*Pew Research*

Center) в 2006 г., большинство американцев полагает, что среднему рабочему «приходится больше трудиться, чтобы обеспечить достойный уровень жизни» по сравнению с ситуацией 20- или 30-летней давности [1, с. 128].

Изменение профессиональной структуры занятости под влиянием НТП привело к большей зависимости оплаты труда от уровня образования. Однако даже средняя заработная плата занятого по найму с образованием выше среднего увеличилась после 1973 г. всего на 17%, отстав от роста производительности труда [1, с. 136]. Заработная плата низкооплачиваемых рабочих пострадала вследствие конкуренции со стороны иммигрантов. Ныне около 15% рабочей силы США составляют иммигранты, тогда как в 1970 г. на иммигрантов приходилось 5% взрослого населения страны [1, с. 133—134].

Бизнес заинтересован в обильном предложении дешевой рабочей силы за счет иммиграции. Республиканская партия защищает доходы предпринимателей даже тогда, когда это противоречит интересам большинства населения. Она сумела, однако, заручиться на выборах 1970-х и 1980-х гг. поддержкой белых рабочих южных и также других штатов, где особенно ощущается наплыв иммигрантов. Консерваторы сыграли на расистских и ксенофобских настроениях, агитируя белых рабочих не голосовать за кандидатов, выступающих против режима сегрегации и дискриминации [1, с. 208].

Ослабление профсоюзного контроля доходов дало возможность руководящему слою корпораций присвоить основную часть прироста ВВП, обеспеченную повышением производительности труда. Доход представителей высшего руководства американских корпораций зависит от курса акций, а спрос на акции — от информации о прибылях. Кругман пишет о том, что «компании стали невероятно часто и настойчиво использовать бухгалтерские уловки, чтобы создать иллюзию роста прибыли» [3, с. 144]. Например, по статистике правительства США, чистая прибыль американских корпораций в III квартале 2000 г. была лишь незначительно выше показателей 1997 г. Прибыли, о которых компании заявляют инвесторам, согласно индексу *S&P 500* приросли за эти три года на 46% (там же).

Проблема, по мнению Кругмана, состоит в том, что руководителям «выплачивают большие премии, чтобы создать иллюзию

успеха¹, не имеющего с действительностью ничего общего» [3, с. 145]. Сложная система бухгалтерского учета «позволяет главам корпораций скрыть свою наготу», а ведущие аудиторские фирмы «позволяли себя обманывать, пока получали выгодные контракты на оказание услуг» [там же].

«Собственность больше не является главным источником элитного статуса» [1, с. 130], — отмечает Кругман, сравнивая сегодняшний день США с временами столетней давности. «Ныне даже мультимиллионеры большую часть своих доходов получают в форме компенсации за свой труд» [там же]. Что касается платы за труд, то, как показывает опыт, ставки вознаграждения управленцев, занимающих высшие посты в крупнейших корпорациях, мало зависят от результатов деятельности руководимых ими компаний. Как и в шоу-бизнесе, многое зависит от «раскрученности» персонажа средствами массовой информации. При этом не важно, является управленец либералом или консерватором. Например, Роберт Рубин, занявший пост координатора экономической политики в 1993—1995 гг. в качестве директора Национального экономического совета, созданного Президентом США Б. Клинтон (1993—2001), был затем назначен министром финансов (1995—1999), оказавшимся 70-м по счету и, по словам Б. Клинтона, «величайшим» министром этого ведомства в истории США².

После ухода из администрации Б. Клинтона Р. Рубин стал одним из руководителей созданного при его поддержке в бытность министром мощного финансового конгломерата «Ситигруп» (*Citigroup*) — основного игрока на рынке ценных бумаг казначейства США. Благодаря рискованной стратегии, разработанной Рубиным, *Citigroup* стал к 2008 г. крупнейшим в мире банком по размерам доходов³. За время работы в *Citigroup* Рубин заработал 115 млн долл., а также получил выходное пособие в виде 17 млн долл. наличными и права на приобретение акций компании в размере 33 млн долл.⁴

¹ Когда заработная плата выплачивается не денежными средствами, которые учитываются как затраты, а путем предоставления фондовых опционов, т.е. права на приобретение акций на определенных условиях, отчетность по таким бонусам позволяет увеличивать бухгалтерскую прибыль компании [3, с. 141].

² http://en.wikipedia.org/wiki/Robert_Rubin.

³ <http://en.wikipedia.org/wiki/Citigroup>.

⁴ http://en.wikipedia.org/wiki/Robert_Rubin.

С разворачиванием мирового финансового кризиса осенью 2008 г. *Citigroup* понес убытки в сотни миллиардов долларов и был спасен от банкротства финансовой гарантией в 300 млрд долл. со стороны правительства США в ноябре того же года. Тогда вспомнили, что Рубин в бытность министром финансов заблокировал предложение о регулировании эмиссии ценных бумаг коммерческими банками. Именно чрезмерный выпуск облигаций на рынке ипотечного кредитования привел к банкротству крупнейших финансовых институтов: *Bear Stearns*, *Lehman Brothers*, *Merrill Lynch*, *American International Group*, и *Washington Mutual*, что послужило прологом мирового финансового кризиса¹.

Решающую роль в принятии решения о государственной поддержке *Citigroup* сыграли три человека, чья профессиональная карьера была тесно переплетена на государственной службе и в бизнесе: газета «Вашингтон Пост» назвала Роберта Рубина, Генри Полсона (в то время министра финансов в администрации Дж. Буша) и Тимоти Гайтнера (в качестве президента Федерального резервного банка Нью-Йорка, назначенного министром финансов Б. Обамой)². К этому списку можно добавить Л. Саммерса, чья карьера тесно связана с деятельностью указанных лиц. В 1999 г., будучи министром финансов, он принял судьбоносное решение, которое позволило коммерческим и инвестиционным банкам выполнять все функции, ранее разделенные между ними, положив конец их специализации. Это решение Л. Саммерс до сих пор защищает, хотя критики видят в нем одну из предпосылок финансового кризиса 2008 г.³

Консерваторы, оправдывая рост неравномерности доходов, утверждают, что она не означает существенных различий в социальных условиях и образе жизни. Считающийся основателем американского неоконсерватизма в области социологии, бывший член троцкистского IV Интернационала Ирвинг Кристол опубликовал в 1997 г. в газете *Wall Street Journal* статью «Неравенство в доходах без классового конфликта». В ней он писал, что «неравенство доходов имеет тенденцию оборачиваться еще большим социальным равенством» [1, с. 245]. В идеале чем выше доходы, тем большая их часть

¹ http://en.wikipedia.org/wiki/Robert_Rubin.

² См.: Familiar Trio at Heart of Citi Bailout. Rubin, Paulson, Geithner's Shared History Paved Way for \$300 Billion Federal Guarantee // *Washington Post*. 2008. Nov. 25. A1.

³ См.: Barack Obama's economic team. Off to work they go.

сберегается и инвестируется в развитие производства и создание рабочих мест.

Позиция консерваторов выглядит экономически убедительной в том отношении, что снижение ставки налогов на доходы физических лиц и прибыль корпораций усилило стимулы трудовой и предпринимательской активности и сделало американский капитализм более динамичным и конкурентоспособным, чем западноевропейский. Высшая ставка налога на доходы физических лиц снизилась до 35% в 2006 г. против 70% в 1970 г. На прибыли корпораций за то же время она уменьшилась до 35% против прежней ставки в 48% [1, с. 257]. Однако нравы богатых существенно изменились по сравнению с 1970-ми гг. Все более значительную часть своих доходов они обращают на личное потребление, чему способствует ряд изменений в налоговом законодательстве. В частности, высшая ставка налога на доход от продажи имущества (ценных бумаг, драгоценных металлов, недвижимости), срок владения которым превышает один год, была снижена почти вдвое, до 15% в 2006 г. против 28% в 1970 г. [там же]. Для руководителей корпораций, получающих часть вознаграждения в ценных бумагах и владеющих исключительной (внутренней) информацией, игра на фондовой бирже оказывается беспроигрышной и весьма доходной.

В 2001 г. по инициативе президента Дж. Буша был принят закон, предусматривающий снижение налоговых ставок на наследство недвижимости (*estatetax*) вплоть до его полной отмены в 2010 г. В конце 1990-х лишь 2% наследников входили в наследство достаточно большое, чтобы платить соответствующий налог. Один процент населения с самыми высокими доходами выплатил $\frac{2}{3}$ суммы налога на наследство, высшая по доходам 10%-я группа обеспечила 96% поступлений по этому виду налогов [1, с. 162].

Снижение ставок налогов, которое оказывало сдерживающее влияние на личное потребление, привело к тому, что все более значительная часть доходов не возвращалась в народное хозяйство в форме инвестиций. Роберт Фрэнк в своей книге *Richistan* («Страна богатых») живописует реальную жизнь толстосумов, принципиально отличающуюся от идеала И. Кристола. Это особая страна со своей системой здравоохранения (врачи, обслуживающие узкий круг высокопоставленных клиентов), путешествий и отдыха (частные и корпоративные самолеты, роскошные дома для отдыха с обслуживанием для членов клуба, расположенные в лучших курортах мира), это особое общество и особая экономика [1, с. 246].

Наибольшую озабоченность вызывают у Кругмана политические последствия концентрации экономического могущества. Мощное влияние больших денег на формирование органов власти, напор нуворишей в отстаивании узкоклассовых интересов, приобретающий скандальный характер, — вот в чем видит главную угрозу демократическим устоям американского общества либерал Кругман. Кампания за отмену налога на наследство, «профинансированный дюжиной семей для защиты своих громадных поместий» [1, с. 6], — это один из весьма симптоматичных примеров усилий по возвращению американского капитализм в эпоху его безраздельного господства. Речь идет о «Золоченом Веке» (*Gilded Age*), конец которого наступил 100 лет назад и который сменила «Прогрессивная эра» [1, с. 17], когда вслед за антитрестовским законодательством в 1916 г. был принят налог на наследование крупной недвижимости в его современном виде [1, с. 152].

Историки дадут название нынешнему этапу развития капитализма в России с учетом влияния больших денег на экономическую политику. Характерно, например, что 31 мая 2008 г., когда цены на нефть достигали исторического максимума, Президиум Правительства РФ принял решение о снижении ставки налога на добычу полезных ископаемых начиная с 2009 г.¹ Пока цены на нефть повышались, размеры экспортной цены на нефть пересматривались каждые три месяца. Когда цены стали снижаться, пошли навстречу пожеланиям бизнеса. Государственная Дума приняла 21 ноября 2008 г. Закон о сокращении срока изменения ставок экспортных пошлин до месяца².

Только когда глобальный кризис начал оказывать все большее влияние на российскую экономику, встал вопрос о снижении ставки налогов на прибыль с 24 до 20% и повышении нормы амортизационных отчислений для целей налогообложения с 10 до 30%. Совет Федерации утвердил 26 ноября 2008 г. соответствующие изменения в налоговом законодательстве³. Однако меры, касающиеся всей экономики, недостаточны, чтобы создать более благоприятные условия для обрабатывающей промышленности и покончить с примитивизацией отраслевой структуры народного хозяйства России.

¹ www.rian.ru/economy/20080531/108958729.html—52к.

² www.novoteka.ru/sevent/4875963—38к.

³ www.novoteka.ru/sevent/4876737—44к.

Когда Президент РФ требует, чтобы вслед за падением мировых цен на нефть были снижены внутренние цены на бензин, то ощущается влияние на политику владельцев личных автомобилей, не самой бедной прослойки российского общества¹. Между тем спрос на бензин в России растет быстрее, чем производство. Нефтяным компаниям не выгодно вкладывать средства в нефтепереработку. Износ основных фондов в отрасли, производящей нефтепродукты, достиг 80%². Повышение цен на бензин могло бы стимулировать увеличение вложений в модернизацию нефтепереработки, а автолюбителей — отказаться от покупки машин, потребляющих слишком много топлива.

Как либерал Кругман выступает в пользу повышения в США ставки налога на прибыли корпораций, и это соответствует предвыборным обещаниям Б. Обамы. Тем не менее как экономист Кругман не может не упомянуть об опасениях, что такой курс чреват «евросклерозом» [1, с. 54], т.е. потерей конкурентоспособности, поворотом в сторону протекционизма, к чему в своей предвыборной кампании 2008 г. склонялись либералы.

Л. Саммерс признал, что США и другие развитые страны не выдерживают конкуренции со стороны Китая и Индии за рабочие места. Понимая, что банальный протекционизм, связанный с ограничением импорта, является обоюдоострым оружием, Саммерс выступил с критикой стран, снижающих ставки налогов на прибыли для привлечения инвестиций и «компрометирующих возможность прогрессивного налогообложения». Саммерс выступил с идеей международного соглашения о сотрудничестве в области налогообложения³.

Вероятность принятия такого предложения весьма сомнительна. Даже в рамках ЕС не проходят предложения о гармонизации налоговой политики. Барак Обама склонен отложить исполнение обещанной программы повышения ставок налогов на высокие доходы и прибыли корпораций⁴. Б. Обама назначил на пост председателя Совета экономических консультантов профессора Калифор-

¹ См.: www.carclub.ru/new_17_10_2008_Medvedev_potreboval_snizheniya_tsen_na_benzin.html—42к.

² См.: Громов А. Кризис не отменяет крупные инвестиционные проекты в российском ТЭКе // *Известия*. 2008. 22 дек. С. 9.

³ См.: *Summers L.A strategy to promote healthy globalization* // *Financial Times*. 2008. May 5. <http://www.ft.com/cms/s/0/999160c6-1a03-11dd-ba02-0000779fd2ac.html>.

⁴ См.: www.reuters.com/article/vcCandidateFeed2/idUSTRE4B206W20081203—62к.

нийского университета в Беркли Крестину Роуер — сторонницу снижения ставок налогов на доходы. В этом отношении позиция встречает поддержку в консервативных кругах. Выбор К. Роуер, как и других выдающихся экономистов-профессионалов на ключевые посты в команде Президента США, свидетельствует о том, что «администрация Обамы предпочитает заполучить лучшие умы в данной области (экономики. — *Рец.*), чем тех, кто более соответствует партийным установкам»¹.

Экономическая, в частности налоговая, политика будет существенно отличаться от предвыборных обещаний Б. Обамы. Собранию «блестящих умов», взгляды которых существенно различаются, еще предстоит выработать единую политику, которая позволит США противостоять конкуренции со стороны Китая и Индии. Возможно, вопрос будет заключаться не в том, повышать или понижать ставки налогов, а в том, ставки каких налогов уменьшать ради стимулирования экономики, а каких увеличивать, чтобы ограничивать избыточное потребление. Например, главный комментатор *Financial Times* по экономическим вопросам Мартин Вольф считает, что США следует повысить ставки налогов на жидкое топливо, чтобы стимулировать его экономию и уменьшить зависимость США от импорта нефти. Кроме того, М. Вольф полагает, что США следует учредить налог на добавленную стоимость, который является налогом на потребление, с тем чтобы ослабить налоговую нагрузку на доходы.

Но нет пророка в своем отечестве, ибо Великобритания отреагировала на рецессию понижением ставки налога на добавленную стоимость на 2,5 п.п. до 17,5%². Это было сделано ради стимулирования потребительского спроса, но этот удар по ценам бьет мимо цели. В условиях спада сокращается спрос на товары длительного пользования, в частности на автомобили. Спрос на дорогие товары длительного пользования начнет восстанавливаться не раньше, чем после понижения уровня безработицы, когда у населения появится уверенность в росте доходов.

Для создания рабочих мест нужно стимулировать бизнес путем снижения ставок налогов на прибыль. Что касается товаров повсе-

¹ Who Is Christina Romer? // Wall Street Journal. 2008. Nov. 24. <http://blogs.wsj.com/economics/2008/11/24/who-is-christina-romer>.

² См.: Watt N. Germany mocks Brown's VAT cut as recipe for generation of debt // Guardian. 2008. Dec. 10. <http://www.guardian.co.uk/business/2008/dec/10/germany-brown-stimulus>.

II. Перспективы и стратегии экономического развития

дневного спроса, то в развитых странах благодаря пособиям по безработице он остается практически таким же при спаде, каким был во время подъема. Кроме того, для товаров, спрос на которые может быть стимулирован снижением цен, сами поставщики в условиях обострения конкуренции делают это в больших масштабах, чем относительно скромное уменьшение ставки налога на добавленную стоимость.

Принципиально важно различать налоги на доходы и налоги на расходы. Идеальный вариант, когда различаются доходы, но нет существенных различий в образе жизни, вряд ли достижим, но может быть приближен при минимальном ущербе для роста экономики. Для этого основную часть бремени наполнения государственного бюджета за счет налогов следует переложить с доходов на расходы и недвижимое имущество.

Реальная политика будет отличаться от леволиберальных установок, которые составляли часть предвыборной платформы Б. Обамы, и от леволиберальных концепций П. Кругмана, поскольку жесткие условия конкуренции со стороны крупных развивающихся стран не допускают ослабления стимулов для трудовой и предпринимательской деятельности в форме прогрессивного налогообложения доходов. Выравнивание социальных условий жизни и решение актуальных проблем охраны здоровья и окружающей среды возможно на базе накопления и использования научно-технического потенциала. Этому может способствовать система прогрессивного налогообложения расходов.

8

Какой должна быть экономическая политика¹

О книге Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. М. : Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2011. 384 с.

Автор монографии Эрик Стеенфельд Райнерт (1949) — экономист, родился в Осло, получил высшее образование в Швейцарии (Университет Санкт-Галлена) и США (Гарвардская школа бизнеса и Корнельский университет). В 1980 г. ему было отказано в защите докторской диссертации в Корнельском университете. В чисто американской манере Э. Райнерту поведали две новости: хорошую и плохую. Первая: что он внес важный и оригинальный вклад в экономическую науку. Вторая: ему не получить место преподавателя экономики в университете, ибо его идеи несовместимы с принятыми в академических кругах. Было высказано также мнение, что степень магистра делового администрирования, полученная в Гарварде, позволит ему хорошо зарабатывать.

В течение следующих 11 лет Райнерт занимался бизнесом, прежде чем вернуться к академической карьере. В качестве ученого и специалиста в области экономической политики он работал консультантом ООН, а также правительств многих стран, основал международный фонд «Другой канон». Другой канон обозначил альтернативное направление современной экономической мысли, что было темой лекции Райнерта в Общественной палате РФ в январе 2010 г. Райнерт — старший научный сотрудник Норвежского института стратегических исследований и профессор Таллиннского технического университета.

Классической экономической теории Райнерт противопоставляет уроки истории экономической политики и экономики. Также опирается он на взгляды экономистов времен Возрождения и Просвещения, немецкой исторической школы и современных иссле-

¹ Вопросы экономики. 2012. № 1. С. 142—150.

дователей закономерностей НТП. Классическому канону противопоставлен другой канон.

Суть этих уроков состоит в том, что экономическая политика, отвечающая интересам развития нации, — это политика создания благоприятных условий для развития обрабатывающей промышленности во всем ее многообразии. Именно с нуждами развития обрабатывающей промышленности связаны в основном достижения НТП, и сама обрабатывающая промышленность служит основой модернизации всей экономики и повышения благосостояния и интеллектуального развития наций. «Только обрабатывающая промышленность, — пишет Райнерт, — позволяет стране модернизировать свое сельское хозяйство» (с. 98). Дэвид Юм (1711—1776) писал об окружном пути, через развитие обрабатывающей промышленности как лучшем способе повысить эффективность сельского хозяйства (с. 27). То же можно сказать и о добыче полезных ископаемых.

Критика Райнертом классической политэкономии и современного свода правил в области экономической теории и политики, воплощенного в Вашингтонском консенсусе¹, состоит в том, что начиная с А. Смита экономическая теория сосредоточилась на закономерностях обмена, оставив в стороне проблемы производства. Классический канон трактует «капитализм как систему торговли, а не как систему производства, и концентрируется на том, как рынок координирует уже произведенные продукты, на обмене, а не на производстве» (с. 155).

Эпиграфом к монографии Райнерта могут служить его собственные слова: «Эта книга о капитализме как о системе производства и о правильной и неправильной экономической политике» (с. 44). К этому можно добавить оценку монографии, данную К. С. Джомо, помощником Генерального секретаря ООН по вопросам экономического развития: «Э. Райнерт расширяет наше понимание неравномерного развития, делаясь глубокими знаниями в области истории экономической политики» (с. 12).

Особой критике в монографии подверглась теория сравнительных преимуществ в международной торговле Д. Рикардо. В соответствии с этой теорией все виды экономической деятельности

¹ Вашингтонский консенсус как свод правил экономической политики сформулирован английским экономистом Джоном Уильямсоном в 1989 г. Прослужил основой для рекомендаций клиентам Всемирного банка и МВФ.

равнозначны, и каждая страна должна специализироваться на том виде деятельности, в котором она наиболее эффективна. Таким образом, страна может специализироваться на тупиковых с точки зрения технического прогресса сырьевых отраслях, эффективность которых базируется на дешевизне рабочей силы. В таком случае нация обречена на нищенское существование.

Успехи в повышении эффективности производства сырья при отсутствии собственной обрабатывающей промышленности, по мнению Райнерта, скорее могут снизить экспортные цены, чем повысить доходы производителей. Эта идея принадлежит ученику Йозефа Шумпетера (1883—1950) Хансу Зингеру (1910—2006), одному из авторов гипотезы Зингера — Пребиша (с. 291). Согласно названной гипотезе в международной торговле доминирует тенденция изменения соотношения цен на продукцию сырьевых отраслей и обрабатывающей промышленности в пользу готовой продукции. После 1969 г. Х. Зингер работал в Университете Сассекса, где в то же время вел научную и преподавательскую деятельность исследователь закономерностей и политики в области НТП Кристофер Фримэн (1921—2010).

Концепция Д. Рикардо может быть использована в качестве основы экономической политики в отношении стран, примерно равных по уровню развития обрабатывающей промышленности. По определению ЮНКТАД симметричная торговля выгодна обеим сторонам, а несимметричная невыгодна бедным странам (с. 119). Согласно трактовке ОЭСР цель экономической политики развитых стран заключается в том, чтобы поднимать уровень реальной заработной платы, оставаясь в то же время конкурентоспособными на мировых рынках.

В большинстве стран третьего мира, как отмечал Райнерт, наоборот: для того чтобы оставаться конкурентоспособными на международном рынке поставщики сырья вынуждены снижать уровень заработных плат (с. 145). Можно добавить, что для повышения конкурентоспособности своей экономики неблагоприятные страны прибегают к девальвации своей валюты, а это приводит к снижению доходов населения в реальном исчислении.

По теории другого канона свободная торговля выгодна обеим сторонам только в случае, если они находятся на одной стадии развития (с. 97). При нынешней системе мирового хозяйства «капитализм позволяет странам специализироваться на бедности и богатстве» (с. 151).

Главный аргумент, который использует Райнерт в обосновании другого канона и критике классической политэкономии, — это исторический опыт. Теория, построенная на абстрактных математических моделях, не может служить основанием для формирования успешной политики. По его мнению, «экономика не только не является точной наукой, но и никогда не сможет ею стать» (с. 26). Возможности математического моделирования в экономике весьма ограничены, поскольку приходится иметь дело с развивающейся системой, пропорции в которой меняются с разной скоростью и в меняющихся направлениях под влиянием НТП.

Виднейший представитель рыночного фундаментализма, лауреат Нобелевской премии по экономике Милтон Фридман (1912—2006), как утверждается в монографии, «страдал от отсутствия сомнений; для Фридмана рынок был ответом почти на все вопросы» (с. 305). «Веру в рынок, — указывает Райнерт, — зачастую трудно отличить от веры в провидение или в доброту божественной силы» (с. 22).

М. Фридман «установил негативные отношения между наукой и реальностью, создав профессию, в которой нереалистичные предпосылки (модели) только добавляли их автору научного престижа» (там же). Фридман написал в 1953 г. : «Чем важнее теория, тем менее реалистичны ее предпосылки» (там же). Безупречность математической архитектуры модели — вот, что является критерием научного достижения среди экономистов основного течения современной экономической мысли (с. 245). По выражению норвежского экономиста Виктора Нормана (1946) экономисты названного направления гордятся теориями, «не потревоженными фактами реальной жизни» (с. 317).

Как частные граждане экономисты понимают, что выбор вида деятельности во многом определит жизнь их детей, считает Райнерт. На международном уровне, однако, эти же экономисты придерживаются иного мнения. Их инструментарий достиг такой степени абстрактности, что в нем не фиксируются качественные различия между видами экономической деятельности. Экономисты дают советы подрастающему поколению в Африке исходя из иных соображений, чем когда они наставляют собственных чад.

По этому поводу американский экономист и социолог Торстейн Веблен (1857—1929) говорил, что инстинкты экономистов отравлены полученным образованием (с. 56). Т. Веблен имел в виду образование, не применимое в реальной жизни (с. 153). В 1991 г.

комиссия Американской экономической ассоциации в докладе о состоянии экономического образования в университетах США отмечала, что «учебные программы по экономической науке воспитывают поколение ученых идиотов (*idiotssavants*), подкованных в методологическом плане, но не искушенных в отношении реальных экономических проблем» (там же). «Стандартная экономическая наука доказывает, что воображаемая нация чистильщиков обуви и посудомоек может сравняться по благосостоянию с нацией, состоящей из юристов и биржевых брокеров» (с. 55).

Иначе построена подготовка в деловых школах, где применяется метод ситуационного исследования, разработанный немецкой исторической школой. Эдвин Гей (1867—1946), основатель Гарвардской школы бизнеса, 12 лет проучился в немецкоязычных университетах и был последователем Густава Шмоллера (1838—1917) и его исторического подхода (с. 35). Методологию Гарвардской школы бизнеса Райнерт включает в понятие другого канона (с. 60).

Э. Райнерт выступает сторонником экономических обобщений, которые вытекают не из абстрактных моделей равновесия и совершенной конкуренции, а из исторического опыта. «Стандартная экономическая наука зачастую приучает людей смотреть на мир сквозь призму методологических и математических линз, при этом упуская факторы реальной жизни. Исторический же подход, напротив, собирает любые фактические доказательства, если они имеют отношение к делу» (с. 35).

Господствующее течение современной экономической мысли привело к сознательному сокрытию того, что «богатые страны разбогатели благодаря тому, что десятилетиями, а иногда и веками их правительства и правящая элита основывали, субсидировали и защищали динамичные отрасли промышленности и услуг... где был сконцентрирован НТП. Таким образом они создавали (технологическую) ренту (сверхприбыль), которая распространялась на капиталистов в форме более высоких прибылей, на рабочих — в виде высоких зарплат и на правительство — в больших налоговых поступлениях» (с. 30).

«Богатые страны разбогатели при помощи методов, которые сегодня практически полностью запрещены условиями Вашингтонского консенсуса» (с. 43). Как в былые времена от колоний, так и ныне от наименее развитых стран богатые страны требуют проведения политики свободной торговли, что обрекает периферию ми-

рового хозяйства на специализацию в соответствии со своим сравнительным преимуществом на бедности (с. 30).

О том, насколько трудно выработать единую политику, поскольку она по-разному влияет на отдельные отрасли экономики, писал в 1613 г. итальянский меркантилист Антонио Серра, современник и соотечественник философа-утописта Томмазо Кампанеллы (1568—1639), с которым они в одно время находились в неаполитанской тюрьме. А. Серра сравнивал воздействие политики с солнцем, которое закаляет глину и растопляет воск (с. 315). Не случайно поэтому были выработаны правила подавления политического влияния групп, заинтересованных в производстве сырьевых товаров.

Во Флоренции крупные землевладельцы веками не допускались к политической власти (с. 107). Это правило применялось разными странами — от Англии в 1480-х гг. и до Кореи в 1960-х (с. 113).

В современной России было бы полезно для экономики и политики ограничить влияние, которым ныне пользуются «силовики, сырьевики и остальные земляки». Как отмечается в монографии, чем больше в стране природного богатства (например, нефти), тем больше достается тому, кто контролирует столицу (с. 321). И далее автор говорит об африканских странах: «Производство, специализирующееся на сырьевых товарах, способствует созданию феодального политического строя... государство продолжает изымать экономический излишек, как это делалось при колониализме, и почти ничего не давать взамен» (с. 322).

По оценке американских исследователей, доходы от роста цен на нефть в 1970-х гг. странами Персидского залива не были использованы для развития обрабатывающей промышленности. Они были потрачены на импорт готовой продукции, инвестиции за границей и вооружение. В период с 2002 по 2010 г. доходы от экспорта нефти в размере 650 млрд долл. были освоены странами региона, но в основном вложены в строительство недвижимости. Ни нефть, ни недвижимость не построили предпринимательской и инновационной быстро развивающейся экономики¹.

Английский экономист, автор монографии по теории экономической политики Лайонел Роббинс (1898—1984) фактически утверждал в 1952 г., что политики, приемлемой для всех, не бывает: «Мы неправы, если полагаем, что классические английские эконо-

¹ См.: Сенор Д., Сингер С. *Нация умных людей*. М.: Карьера Пресс, 2011. С. 252—253.

мисты стали бы рекомендовать какую-то политическую меру, выгодную для мира в целом, если бы считали, что эта мера может оказаться вредной для их собственной страны» (с. 317).

Европейцы рано поняли, что города богаче деревень благодаря концентрации в них людей, представляющих разные ремесла и профессии, и что прогресс цивилизации связан с увеличением числа профессий. Серра утверждал, что чем больше в городе разных профессий, тем этот город богаче (с. 315). Эффект взаимодействия разных ремесел и профессий флорентийский ученый и государственный деятель Брунетто Латини (ок. 1220—1294) назвал общим благом (с. 103). В современной лексике географическая концентрация взаимосвязанных структур: деловых предприятий, университетов и правительственных учреждений, — получила наименование экономических кластеров. Автором этого термина считается профессор Гарвардской школы бизнеса Майкл Портер (1947)¹.

Осознание значения обрабатывающей промышленности послужило основой мудрой экономической политики. В качестве одного из ранних примеров такой политики автор называет правление Эдуарда III (1312—1377) в Англии, где налоги на экспорт сырья и на импорт готовой продукции способствовали увеличению производственных мощностей в стране (с. 49).

Еще более усовершенствованный инструментарий политики, направленной на развитие обрабатывающей промышленности, применил король Англии Генрих VII, взошедший на трон в 1485 г. Король вырос в Бургундии, которая процветала благодаря производству шерстяных тканей. В Бургундии хорошо жили не только производители тканей, но и пекари, и прочие ремесленники. Король решил превратить Англию из экспортера шерсти в производителя тканей. Налоги на экспорт шерсти были дополнены освобождением от налогов начинающих производителей тканей и монопольным правом на торговлю тканями на определенных территориях (с. 109—110). Освобождение от налогов целевых видов деятельности включено в свод правил современной экономической политики, сформулированных Райнертом (с. 113).

Для Германии поворот в сторону развития обрабатывающей промышленности, аналогичный английскому 1485 г., наступил, по мнению Райнерта, в середине XVI в., после окончания Тридцатилетней войны и заключения Вестфальского мира. Это время начала

¹ См.: Сенор Д., Сингер С. Указ. соч. С. 239.

развития немецкой экономической мысли, у истоков которой стоял Фейт Людвиг фон Зекендорф (1626—1692). Он выдвинул тезис о необходимости интеллектуального развития нации. Европейские правители, по его мнению, унаследовали не только право властвовать над людьми, но и обязанность их развивать (с. 127).

В США политика содействия развитию обрабатывающей промышленности проводится, по оценке Райнерта, начиная с 1820 г. (с. 247, 283), хотя разработка промышленной политики была осуществлена гораздо раньше. Первый министр финансов США Александр Гамильтон (1755—1804) в 1791 г. подал правительству Отчет об обрабатывающей промышленности Соединенных Штатов. В нем он предложил инструментарий экономической политики, подобный тому, что использовал Генрих VII (с. 112). А. Гамильтон прочел «Богатство народов» — книгу, которая вышла в год провозглашения независимости американских Штатов. В ней А. Смит утверждал, что Штаты сделают большую ошибку, если попытаются защитить свою обрабатывающую промышленность. Но не тезис о свободе торговли повлиял на политический выбор американского министра, а проверенное практикой утверждение, содержащееся в той же книге: только страна с собственной обрабатывающей промышленностью может выиграть войну (с. 55).

Не только средневековая, но и современная практика подтверждает, что в стране, процветающей благодаря развитию обрабатывающей промышленности, выигрывают все. В развитых странах парикмахер или водитель автобуса, выполняющий такую же работу, что и люди аналогичных профессий в развивающихся странах, получают в несколько раз более высокую заработную плату. По подсчетам Всемирного банка, водитель автобуса во Франкфурте получает заработную плату, в реальном исчислении в 16 раз большую, чем не менее профессиональный водитель в Нигерии (с. 33).

Практика не только опережала теорию, но и не была последовательна, пока практические меры не были канонизированы теоретиками. Об этом свидетельствует критика английской политики XVI в. со стороны экономиста Джона Хейлса в 1581 г.: «Какой же недалекий нужно иметь ум... чтобы позволять нашему собственному сырью быть отправленным на обработку чужакам, а потом выкупать получившееся назад у этих чужаков» (с. 104). В следующем веке экономист Джон Кэри (1649—1720) предлагал ввести смертную казнь за экспорт из Англии сырьевых товаров (с. 130).

Европейские философы и экономисты XVIII в., предшественники Адама Смита, были убеждены, что экономическая политика должна обеспечить развитие обрабатывающей промышленности. В частности, немецкие ученые Кристиан Вольф (1679—1754) и Иоганн Хайнрих Готлоб (1717—1771) полагали, что расцвет обрабатывающей промышленности решает все основные экономические проблемы: создает необходимые рабочие места, прибыль, большие заработные платы, базу для налогообложения и лучшее денежное обращение (с. 49).

Итальянский экономист Фердинанд Галиани (1728—1787), которого Фридрих Ницше (1844—1900) называл самым умным человеком XVIII в., утверждал, что «от обрабатывающей промышленности можно ждать исцеления двух главных болезней человечества: суеверности и рабства» (там же). Иначе говоря, процесс цивилизации базируется на развитии обрабатывающей промышленности и демократии. Французский историк Алексис де Токвиль (1805—1859) выразил этот постулат следующими словами: «Я не знаю, можно ли назвать народ, от тирийцев до флорентийцев и англичан, который занимался бы обрабатывающей промышленностью и торговлей и не был бы свободен. Значит, существует близкая связь и необходимая зависимость между двумя этими явлениями — свободой и обрабатывающей промышленностью» (с. 117).

В трудах немецкого экономиста XIX в. Фридриха Листа (1789—1846) можно найти обоснование того, что «культурное и экономическое развитие представляют собой процессы, обуславливающие и усиливающие друг друга»¹, и что в развитии науки, образования и обрабатывающей промышленности должна состоять цель экономической политики.

Рецепт «правильной глобализации» по Листу состоял в том, что свободная торговля станет выгодна всем без исключения, когда все страны мира будут индустриализированы (с. 120). Весьма любопытное свидетельство того, что взгляды Листа никак не соответствовали классическому канону экономической науки и его имя было предано забвению представителями классического направления современной экономической мысли, приводит в своей монографии Райнерт. Библиотека Гарвардского университета решила в 1984 г. избавиться от книг, которые за 50 лет никто не спрашивал.

¹ Цит. по: Цвайнерт Й. История экономической мысли в России, 1805—1905. М.: Изд. дом ГУ—ВШЭ, 2007. С. 77.

Среди списанных книг оказалась почти вся коллекция трудов Листа (с. 42).

Американский афоризм 1820-х гг. : «Следуй не совету англичан, но их примеру», — сегодня переадресован: «Следуй не совету американцев, но их примеру» (с. 53). Руководствуясь примером, а не советами англичан, США защищали свою обрабатывающую промышленность 150 лет (с. 55). Генриха VII и А. Смита разделяли 300 лет интенсивной тарифной защиты английской мастерской (с. 163). Все страны, которые сегодня богаты, обязательно проходили через период защиты национальной обрабатывающей промышленности. Функция этого периода обозначена немецким термином «воспитательные тарифы» (*Erziehungszoll, Oppfostringstoll*), а в английском языке это называлось «защитой младенческих отраслей» — *infantindustryprotection* (с. 54). Такая политика коренным образом отличается от того, что Всемирный банк и МВФ советуют развивающимся странам под наименованием «свобода торговли», опираясь на постулаты классического направления современной экономической науки.

Развитие обрабатывающей промышленности немислимо без постоянного научного поиска и внедрения достижений НТП. Благодаря этому общее процветание обрабатывающей промышленности и связанных с ней отраслей сферы услуг поддерживается появлением новых быстро растущих видов производственной деятельности. И ныне развитые страны следуют своему опыту, накопленному за несколько столетий, для поддержки новых отраслей обрабатывающей промышленности.

В США в период с 1980 по 2005 г. большая часть прироста в занятости населения происходила за счет компаний, которым было не более пяти лет. Без начинающих компаний прирост занятости был бы отрицательным¹.

Весьма поучителен приводимый в книге пример плохой политики Испании в XVI в., приведшей к деиндустриализации и деградации экономики страны. Райнерт делает акцент на том, что в то время Испания защищала от зарубежной конкуренции не обрабатывающую промышленность, а сельскохозяйственное производство — производство масла и вина. Представляется, однако, что деиндустриализация экономики Испании была связана прежде всего

¹ См.: Сенор Д., Сингер С. Указ. соч. С. 33.

с притоком в страну дешевого золота и серебра из испанских колоний в Новом Свете.

«Огромное богатство, которое текло в Испанию, в ней не задерживалось, а вытекало дальше и оседало в двух местах — в Венеции и Голландии» (с. 116). Приток дешевого золота и серебра сделал более выгодным покупку готовых продуктов в центрах обрабатывающей промышленности того времени, чем развитие собственного производства. Процесс деиндустриализации происходил в точном соответствии с концепцией Д. Рикардо о сравнительных преимуществах в международной торговле.

Идея, согласно которой именно обрабатывающая промышленность, а не рудники по добыче золота и серебра представляет собой подлинное богатство, была впервые высказана итальянским мыслителем Джованни Ботеро (1544—1617), сравнивавшим богатство Испании и Италии. Такой же точки зрения придерживался и Т. Кампанелла (с. 116).

В 1558 г. министр финансов Испании Луис Ортис в меморандуме королю Филиппу II писал: «Из сырьевых материалов Испании и Вест-Индии, покупаемых всего за один флорин, иностранцы производят готовые товары, которые они потом продают в Испанию по цене от десяти до ста флоринов. Таким образом, Испания подвергается со стороны остальной Европы еще большим унижениям, чем те унижения, которым мы сами подвергаем индейцев. В обмен на золото и серебро испанцы предлагают безделушки большей или меньшей ценности, но, выкупая свои собственные сырьевые товары (в обработанном виде) у иностранцев по заоблачной цене, испанцы становятся посмешищем всей Европы» (с. 119).

Сознательная попытка проведения политики деиндустриализации была предпринята в отношении поверженной Германии в 1945—1947 гг. в соответствии с Планом Morgентау (с. 311). План министра финансов США Генри Morgентау (1891—1967) был нацелен на предотвращение развязывания Третьей мировой войны со стороны Германии и ее превращение в сельскую страну. Реализация плана сопровождалась ростом безработицы и обнищанием, и США пришлось отказаться от него.

Государственный секретарь США Джордж Маршалл (1880—1959) в своей речи в Гарварде 5 июня 1947 г. объявил о противоположном Плану Morgентау курсе на реиндустриализацию Германии в рамках программы восстановления Европы (*European Recovery Program*). Именно план Маршалла положил основу успешного экономиче-

ского возрождения Германии, названного немецким чудом. «Судя по количеству стран, которым удалось выбраться из бедности, следуя плану Маршалла, этот план реиндустриализации — самый успешный проект в истории человечества», — считает Райнерт (с. 273).

Если в XVI в. передовыми индустриальными странами были Италия и Голландия, то современные стихийные процессы деиндустриализации связывают с так называемой голландской болезнью. Речь идет о том, что в условиях повышения мировых цен на углеводороды странам, их экспортирующим, не выгодно развивать какие бы то ни было отрасли, не связанные с добычей и экспортом нефти и природного газа.

В России эта болезнь приобрела особо тяжелую форму из-за государственного ограничения роста внутренних цен на нефтепродукты и газ. Если страны Ближнего Востока наряду с добычей нефти развивают производство нефтепродуктов, то в России процесс деградации обрабатывающей промышленности распространился и на нефтепереработку. Действует то же правило, что и в Испании XVI в.: дешевле оплачивать импорт готовых товаров, чем налаживать собственное производство продукции, отвечающей современным требованиям.

Поддержка развития обрабатывающей промышленности внутри страны должна осуществляться не за счет мер, направленных на удешевление ресурсов, ибо как природные, так и трудовые ресурсы будут в долгосрочной перспективе только дорожать. Дешевые ресурсы тормозят внедрение технологических процессов, сберегающих материалы, энергию и труд. В этом контексте нельзя признать шагом в правильном направлении требование снизить в России ставки страховых отчислений в связи с использованием рабочей силы.

Еще в большей степени расхолаживают предпринимателей прямые субсидии, поскольку они, по существу, являются премией за плохую работу. Чем хуже соотношение отпускной цены и затрат на единицу продукции и чем больше масштаб производства, тем выше запросы на получение субсидий. В России даже акроним НИОКР относится к созданию новых видов изделий (чаще всего военного назначения), конструкторским разработкам, но не к повышению эффективности производства и не разработкам технологического характера.

Частный предприниматель нацелен на получение прибыли, и самым действенным поощрением его деятельности со стороны государства может быть снижение ставки налога на прибыль. Ссылка на то, что в России ставка налога на прибыль не выше, чем в крупных развитых и развивающихся странах, не работает. Другие составляющие предпринимательского и инвестиционного климата в России гораздо хуже, и чтобы компенсировать недостатки, требуются низкие ставки налога на прибыль в обрабатывающей промышленности или даже полное освобождение от налога прибыли в отраслях этого комплекса.

К числу негативных для предпринимательства факторов в России следует отнести:

- отсталую инфраструктуру;
- рост валютного курса рубля при повышении мировых цен на нефть;
- высокую интенсивность инфляционного процесса;
- отсутствие долгосрочных кредитов на приемлемых условиях.

Низкая норма прибыли в обрабатывающей промышленности по сравнению с отраслями по добыче нефти и природного газа не стимулирует приток капитала в обрабатывающие отрасли.

Эти и ряд других факторов обуславливают отток капитала из России и низкую норму вложений в основной капитал. Приток в страну капитала в гораздо меньших масштабах связан преимущественно с возможностью поучаствовать в добыче нефти и природного газа и присвоить часть природной ренты или с помощью создания предприятий по сборке из импортных комплектующих деталей обойти таможенные барьеры на импорт готовой продукции в Россию.

Россия заинтересована в прямых иностранных инвестициях не из-за недостатка капитала. Расчеты показывают, что в 2000—2009 гг. валовые сбережения составили в России 31,8% ВВП, превысив 10,1% ВВП вложения в основной и оборотный капитал¹. Это дает представление о масштабах чистого оттока капитала из России. Факт траты государственных средств на покупку ценных бумаг иностранных государств говорит о том, что капитал не находит выгодного применения. И К. Маркс, и Й. Шумпетер указывали на то, что капитал бесплоден без инвестиционных возможностей (с. 98, 177), которые открываются благодаря НТП. Эффект НТП усиливается снижением налога на прибыль и принятием других мер, обра-

¹ Рассчитано по: International Financial Statistics Yearbook. 2010. Wash. IMF.

зующих систему стимулов, благодаря которой, как считал Вернер Зомбарт (1863—1941), интерес предпринимателя совпадает с интересами всего общества (с. 151).

Представители неошумпетерианского направления в экономической науке статистически и эконометрически доказали, что затраты труда и капитала неизменного качества в развитых странах обеспечивают меньшую часть экономического роста. Основная часть приходится на совокупную факторную производительность. Мозес Абрамовиц (1912—2000) и Роберт Солоу (г.р. 1924) в 1956 г. получили весьма близкие результаты, опираясь на анализ экономического роста США.

Согласно М. Абрамовицу труд и капитал в период с 1870 по 1950 г. обеспечили лишь 15% прироста ВВП США. Примерно такой же результат получил Р. Солоу, опираясь на данные за первую половину XX в. (с. 307). Остальную часть прироста Абрамовиц назвал «мерой незнания». Ему в отличие от его друга Фридмана было в высшей степени свойственно сомневаться в истинности своих гипотез.

Р. Солоу имел веские основания объяснить остаток в 82,5%, вычисленный с помощью динамизированной им производственной функции Кобба—Дугласа, в основном вкладом НТП в экономический рост. За этот результат Солоу был удостоен Нобелевской премии в области экономики. В исследование закономерностей НТП внесли выдающийся вклад авторы современной концепции больших циклов экономической конъюнктуры, в числе которых Райнерт называет Кристофера Фримэна, Карлоту Перес¹, а также Ричарда Нельсона (1930), исследовавшего взаимодействие факторов эволюции экономики (с. 15, 308).

Низкий уровень бытовой, технологической и организационной культуры не позволяют российскому капиталу даже в сотрудничестве с иностранным капиталом модернизировать производство. Неудача модернизации автомобильного завода ОАО «Москвич» в кооперации с французской фирмой *Renault* — наглядное подтверждение того, что только полный перенос на российскую почву передовой культуры производства дает гарантию создания конкурентоспособного и эффективного производства.

¹ В России в переводе на русский язык в 2011 г. опубликована монография: *Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания.*

8. Какой должна быть экономическая политика

Опасение должен вызывать не тот факт, что на территории России будут плодиться предприятия, принадлежащие иностранному капиталу. Привлечение иностранцев в целевые виды деятельности, использование передового опыта входит в свод правил успешной экономической политики другого канона (с. 113). Важно сформировать выгодные условия для создания комплексов, обеспечивающих производства полного цикла. Гораздо более уязвимая ситуация складывается тогда, когда предприятия с отечественным капиталом не могут производить современную продукцию, не импортируя критически важные комплектующие детали и узлы.

9

Долгосрочное прогнозирование и стратегия развития¹

О монографии ИМЭМО РАН «Стратегический глобальный прогноз 2030» / под редакцией академика А. А. Дынкина²

В новой монографии ИМЭМО РАН, как отмечается в предисловии (с. 15), рассматриваются вопросы долгосрочного прогнозирования глобальной социально-экономической динамики. На самом деле содержание книги шире: в ней представлены анализ и прогноз не только социально-экономических, но и политических и культурных трансформаций, происходящих в мире в наши дни (с. 179). Это уже третья за последнее десятилетие публикация Института, посвященная оценке длительных перспектив мирового развития. В 2001 г. был издан труд «Мир на рубеже тысячелетий», где оценивалась ситуация на 15-летнюю перспективу. В 2007 г. вышла книга «Мировая экономика: прогноз до 2020 года». В новом издании дан прогноз до 2030 г. Оценки, содержащиеся в работе, в основном реалистичны и представляют значительный практический (для разработки стратегии развития страны) интерес.

Центральное место в монографии занимают вопросы экономической динамики. Они освещены в разд. II и V, а также в Статистическом приложении. Вместе с тем значительное внимание уделено условиям, в которых происходит разработка стратегий развития. Эта проблематика рассматривается в разд. I, III и IV. Целью долгосрочного прогнозирования выступает информационное и аналитическое обеспечение принятия стратегических управленческих решений. В Заключении сформулированы выводы для России.

В разработке прогноза приняли участие около 100 человек. Кроме того, были использованы материалы еще 16 исследователей.

¹ Вопросы экономики. 2012. № 5.

² Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М. : Магистр, 2011. 480 с.

Кооперация большого числа экспертов в области различных общественных наук призвана обеспечить профессиональный, многосторонний и комплексный подход к анализу и оценке перспектив мировой динамики и выявить наиболее острые проблемы, актуальные для разработки стратегии развития России.

Экономические прогнозы в монографии построены на экстраполяции выявленных тенденций развития. В этом плане примечательно содержащееся в предисловии положение: «Научно-экспертное сообщество по большей части пришло к выводам о неэффективности применения математических методов моделирования... при прогнозировании социально-экономических и политических процессов» (с. 17—18). Дело в том, что математическое моделирование макроэкономических процессов строится на оценке параметров, показывающих эластичность зависимости прогнозируемой переменной от независимых переменных. Оценка проводится в рамках используемого массива статистической информации. Параметры отражают макроэкономические пропорции, характерные для избранного базового периода. Поскольку экономическая система развивается и пропорции меняются, особенно интенсивно под влиянием НТП (причем с разной скоростью и в различных направлениях), по мере удаления от базового периода (вперед или назад) зависимая переменная модели все больше отклоняется от объективно наблюдаемой динамики прогнозируемого показателя.

Метод экстраполяции лежит в основе большей части социально-экономических долгосрочных прогнозов, разрабатываемых в мире. При этом, учитывая циклическую, волновую природу научно-технического и организационного прогресса и соответствующий характер долгосрочной динамики экономического развития, можно заключить, что надежность представлений о ее характере зависит от выбора периода для выявления присущих этой динамике тенденций. Необходимо принимать во внимание то, что экстраполяция строится на проецировании в будущее тенденций динамики отдельно взятых переменных. При этом игнорируются причинно-следственные связи между прогнозируемыми переменными.

Авторы монографии выявляют тенденции развития на основе данных за последнее десятилетие XX в. и первое — XXI в. Такой выбор базового периода позволяет с помощью экстраполяции получить оценки интенсивности роста на восходящей волне большого цикла экономической конъюнктуры. Именно в середине 1990-х гг. в США — лидере НТП — началась восходящая волна нового боль-

шого цикла. Среднегодовой темп прироста производительности труда в предпринимательском секторе экономики в расчете на человеко-час рабочего времени (в процентах) вырос в 1996—2009 гг. до 2,7. В 1974—1995 гг. (нисходящая волна цикла второй половины XX в.) этот показатель составил 1,5. Еще ранее, в 1961—1973 гг. (фаза процветания большого цикла второй половины XX в.), среднегодовой темп прироста достиг 3,2¹. В табл. 9.1 представлены оценки роста производительности (с. 113).

Таблица 9.1. Среднегодовые темпы прироста производительности труда в мире в расчете на одного занятого

Показатель, %	Годы			
	1991—2000	2001—2010	2011—2020	2021—2030
Мир в целом	1,3	1,5	2,7	3,0
Развитые страны	1,9	1,1	2,3	2,3
Остальные страны	1,4	4,4	4,5	4,6

К сожалению, в этой главе не упоминается о концепции больших циклов экономической конъюнктуры, или длинных волн экономического развития². Содержащиеся в главе оценки динамики производительности труда в целом соответствуют представлению о восходящей волне экономического развития в первой четверти XXI в. Восходящая волна включает фазу оживления с наиболее интенсивным ускорением роста и фазу процветания с наивысшими среднегодовыми темпами прироста.

Согласно результатам исследования мировой динамики ВВП на душу населения, предпринятого *Citigroup* и опубликованного в феврале 2011 г., восходящая волна, начавшаяся в 1990-е гг., завершится в третьем десятилетии XXI в. Далее последует нисходящая волна, т.е. тенденция к повышению темпов прироста сменится тенденцией к их снижению. Продолжительность длинных волн подвержена значительным колебаниям. Не исключено, что восходящая волна может завершиться еще в первой четверти нынешнего века³.

¹ Рассчитано по: Economic Report of the President. Wash. : G. P.O., 2011. P. 248.

² Лишь в гл. 13, посвященной США, говорится о длинных волнах развития экономики страны (с. 287, 294).

³ См.: Клинов В. Г. Прогнозирование долгосрочных тенденций в развитии мирового хозяйства. М. : Магистр, 2010. С. 81—82.

Среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения в мире в первые три десятилетия XXI в. экономисты *Citigroup* оценили соответственно в 2,3; 3,5 и 3,8%¹, что практически не отличается от соответствующих показателей в монографии ИМЭМО (с. 464). Их превышение над темпами прироста производительности труда свидетельствует об ожидаемом повышении занятости населения.

Численность экономически активного населения в мире может увеличиться с нынешних 3 млрд до 4 млрд человек в 2030 г. (с. 207). Население мира возрастет с 6,8 млрд человек в 2010 г. до 7,8 млрд человек в 2030 г. (с. 458). Таким образом, степень участия населения в рабочей силе повысится примерно с 44 до 51%.

На этом фоне анализ в гл. 8 народно-хозяйственных последствий старения населения представляется излишне прямолинейным, поскольку он осуществлен без учета ожидаемых изменений в социально-экономической политике, в частности связанных с повышением пенсионного возраста (с. 206). В развитых странах средняя продолжительность жизни может увеличиться примерно на три года — с 77,1 года в 2010 г. до 80,4 года в 2030 г. (с. 203).

Повышение пенсионного возраста на три года представляет собой трудную, но решаемую политическую проблему, особенно если растянуть процесс на 20 лет. Но дело не столько в последствиях возможного увеличения доли неработающих членов общества, оценка которой представлена без учета возможного повышения пенсионного возраста (с. 204), сколько в усилиях, необходимых для обеспечения занятости лиц старших возрастных групп. Этой проблеме уделено значительное внимание в гл. 9, посвященной вопросам образования и здравоохранения. Однако дело не ограничивается перестройкой систем образования и здравоохранения в связи с потребностями лиц старших возрастов. Нужно стимулировать участие пенсионеров в рабочей силе, не пытаясь экономить на социальной поддержке работающих пенсионеров.

Для анализа и прогноза экономического роста и обеспечения занятости важна оценка эффективности и масштаба вложений в основной капитал. В капитале материализуются достижения научно-технического и организационного прогресса. Модернизация производства находит выражение в отдаче на инвестиции в основной капитал. Рост отдачи (производительности) положительно

¹ См.: *Buiter W. H., Rahbari E. Global Economics View*. N. Y.: Citigroup Global Markets, 2011, Feb. 21. P. 11–12. www.nber.org/~wbuiter/3G.pdf.

влияет на норму вложений, т.е. на долю ВВП, используемую для увеличения основного капитала.

Поскольку вложения в капитал означают его валовой прирост, отдачу (производительность) следует оценивать путем деления прироста ВВП (а не его общей величины) на объем вложений в основной капитал в предшествовавший период. При этом произведение отдачи капитала на норму вложений в него дает темп прироста ВВП¹.

К сожалению, представленный в табл. 3.1 (с. 107) монографии расчет динамики капиталотдачи по миру в целом и в разбивке на развитые и остальные страны в период с 1990 по 2030 г. методически не обоснован. В монографии (не только в гл. 3) вместо термина «норма вложений в основной капитал» используется термин «норма накопления». Это архаичное название процесса формирования основного и оборотного капитала (в форме товарно-материальных запасов)².

В § 3.4 коэффициент капиталотдачи рассчитан путем деления величины ВВП на норму накопления. Полученный показатель назван в примечании к табл. 3.1 величиной ВВП на единицу инвестиций. На самом деле это величина, обратная норме вложений в капитал. Произведение «нормы накопления» на «капиталотдачу» (так отдача рассчитана в названной таблице) во всех случаях равно единице. Это должно (вопреки логике) означать, что темп прироста ВВП не зависит ни от эффективности капиталовложений, ни от того, какая часть ВВП расходуется на формирование капитала.

В гл. 4 утверждается, что «глобализация определит темпы экономического роста, инновации — его качественные характеристики» (с. 115). Получается, что темпы экономического роста зависят только от глобализации.

НТП не сводится к созданию новых или усовершенствованию старых видов продукции или, как утверждается в монографии, к «качественным характеристикам» экономического роста. Этим занимаются конструкторы. Эффективность производства повышается, экономический рост ускоряется благодаря использованию разработок технологов. В СССР недооценивался их труд, что нашло выражение в акрониме НИОКР.

¹ См.: Клинов В. Особенности современной динамики мирового хозяйства // Вопросы экономики. 2010. № 9. С. 79.

² См.: Булатов А. Национальная экономика : учеб. пособие // Вопросы экономики. 2011. № 8. С. 146.

9. Долгосрочное прогнозирование и стратегия развития

Рис. Индексы мировых экспортных цен (1990 г. = 100)

Рассчитано по: Monthly Bulletin of Statistics. NY. 2011.

В гл. 4 утверждается, что цены мировой торговли сырьевыми товарами относительно цен готовых изделий будут снижаться (с. 116, 118). В прошлом действительно преобладала тенденция к изменению условий торговли в пользу поставщиков продукции обрабатывающей промышленности. Исключение составляли периоды энергетических кризисов (см. график).

Динамика цен на сырье в отличие от цен на продукцию обрабатывающей промышленности зависит не от изменения средних затрат на единицу продукции. Она определяется издержками производства поставщика, находящегося в наихудших природных условиях, если без его участия спрос на сырье не может быть удовлетворен. Поставщики, находящиеся в лучших природных условиях, получают сверхприбыль благодаря образованию дифференциальной (природной) ренты.

Условия торговли становятся благоприятными для поставщиков продукции обрабатывающей промышленности, когда в мире осваивают богатые, удобные для эксплуатации месторождения в объемах, достаточных для удовлетворения мирового импорта сырья. Обратная тенденция наблюдается, когда для обеспечения спроса на сырье возникает потребность в эксплуатации менее продуктивных (относительно затрат) месторождений.

В рассматриваемой долгосрочной перспективе прирост добычи углеводородов можно обеспечить за счет освоения месторождений, эксплуатация которых потребует больших затрат на единицу продукции, следовательно, и цены будут расти. В гл. 5 дана иная трактовка ожидаемой динамики цен на сырье, чем в гл. 4. Авторы исходят из возможности поступательного роста цен на нефть и углеводороды в целом в прогнозный период (с. 157). Цены на углеводороды не только наиболее сильно воздействуют на общий показатель динамики цен на сырье, но и лучше всего отражают общие закономерности изменения цен на сырьевые товары.

Динамика цен на продукцию обрабатывающей промышленности в основном определяется соотношением динамики стоимости рабочей силы и производительности труда. Цены на продукцию обрабатывающей промышленности будут расти медленнее, чем на сырье, поскольку можно ожидать, что темп роста производительности труда в первой будет выше, чем в сырьевых отраслях. Цены на продукцию отраслей, где производительность труда растет быстрее, будут относительно снижаться¹.

Угроза благополучию России заключается не в снижении цен на нефть (хотя в кратко- и среднесрочном плане это возможно), а в том, что добычей сырья занято всего примерно 1% рабочей силы. Хищническая эксплуатация природных ресурсов и высокие экспортные цены на сырье делают более выгодным импорт продукции обрабатывающей промышленности по сравнению с ее производством внутри страны. Обрабатывающие отрасли деградируют, а вместе с ними и нация, лишенная мест приложения квалифицированного труда.

Истоки «голландской болезни», когда становится невыгодным вкладывать средства в развитие обрабатывающей промышленности, кроются не в высоких ценах на нефть, а в характере использования доходов от экспорта углеводородов. В итоге успешность регулирования рыночной экономики зависит от бюджетно-налоговой политики — мощного средства стимулирования развития в нужном для общества направлении. Прибыль от добычи сырья за счет дифференциальной природной ренты может быть выше, чем в обрабатывающей промышленности до вычета налогов. С учетом различий в налогообложении отраслей, как в США, предпринима-

¹ См.: Клинов В. Г. Экономическая конъюнктура. Факторы и механизмы формирования. М.: Экономика, 2005. С. 73—74.

телям становится выгоднее инвестировать в обрабатывающую промышленность¹. Обратный эффект возникает, когда налоговая система выстраивается в соответствии с эгоистическими интересами монополистических кругов.

В гл. 7 отмечается разочарование «большой части населения в практике и результатах преобразований, осуществляемых в течение последних десятилетий под лозунгом демократизации и рыночных реформ» (с. 178). Одна из важных причин этого кроется в неэффективности административных рычагов управления рыночной экономикой. Этим объясняются ностальгия по централизованному планированию, популярность идей введения мобилизационного режима для модернизации экономики, национализации крупных предприятий. В связи с этим «могут усилиться авторитарные тенденции» (с. 179).

Другая причина того, что итоги постсоциалистического развития не отвечают интересам развития страны, усматривается в эгоистичном поведении «банковско-предпринимательской элиты» (с. 179). Точнее это сформулировано в Кратком варианте рассматриваемого исследования, где отмечается «эгоистичное поведение влиятельных национальных и транснациональных групп интересов, прежде всего в сфере финансов, энергетическом и военно-промышленном секторах»². На самом деле эгоистичное поведение — норма для рыночной экономики. Речь может идти о том, что эгоистичный крупный капитал оказывает слишком сильное влияние на разработку экономической политики, поэтому необходимо ограничить возможности лоббирования интересов монополистических кругов.

Эта проблема стара как мир. Можно вспомнить реформы Солона в Древней Греции, ограничившего власть эвпатридов в интересах гражданского общества. В средневековой Флоренции, по данным Э. Райнерта, крупных землевладельцев веками не допускали к политической власти³. Это правило применялось в разных странах — от Англии в 1480-е гг. до Ю. Кореи в — 1960-е⁴. Можно

¹ См.: Клинов В. Г. Как лечить большую экономику. «Голландская болезнь» и энергетическая политика России // Россия и современный мир. 2007. № 4. С. 8.

² Стратегический глобальный прогноз 2030. Краткий вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2011. С. 18.

³ См.: Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2011. С. 107.

⁴ См.: там же. С. 113.

вспомнить и предупреждение Д. Эйзенхауэра, заявившего в своей прощальной речи на посту Президента США: «Мы должны остерегаться неоправданного влияния военно-промышленного комплекса на власть и не должны допустить, чтобы это влияние превратилось в угрозу нашим свободам и демократическому процессу»¹. Названная проблема актуальна и для современной России, страдающей от эгоистичного влияния группировок, так называемых силовиков и сырьевиков.

Обострение конкуренции со стороны крупных развивающихся стран, активно включившихся в процесс глобализации, потребовал и от развитых стран мучительной переоценки средств воздействия на экономические процессы. В гл. 7 высказана озабоченность тем, что «глубокие социально-экономические, политические, культурные трансформации, переживаемые миром в наши дни, подвергают адаптационный ресурс демократии особенно трудному испытанию» (с. 179).

В предисловии к монографии заявлено, что необходимо разработать концепцию нового хозяйственного порядка (с. 16). Можно интерпретировать этот императив как требование найти средства решения наиболее острых проблем современности. Однако там же утверждается, что новый порядок подразумевает высокую безработицу как нормальное состояние экономики.

Высокая норма безработицы — огромная социальная проблема, вызывающая массовые протесты в США и странах ЕС. Она будет только обостряться, если не найти средств ее решения. Развитые страны прилагают огромные усилия для ускорения технологического прогресса, повышения производительности труда и конкурентоспособности из-за усиления конкуренции со стороны крупных развивающихся стран. Отражением этих усилий служат фактические и прогнозные оценки норм расходов на исследования и разработки, приведенные в гл. 4 (с. 128), а здесь — в табл. 9.2. Если рост производительности в развитых странах не будет сопровождаться соответствующим ростом ВВП на душу населения из-за конкуренции со стороны крупных развивающихся стран, то норма безработицы будет повышаться.

¹ Григорьев А. Военно-промышленный комплекс и пророчество Эйзенхауэра. 14 янв. 2011. www.voanews.com/russian/news/america/profency-speech-2011-01-14-113634874.html.

Таблица 9.2. Доли расходов на исследования и разработки в ВВП, %

Год	Страны						
	США	Япония	ЕС	Россия	Индия	Китай	Весь мир
2000	2,72	2,90	1,89	1,05	0,95	1,01	2,00
2010	2,85	3,41	1,69	1,07	1,00	1,50	1,95
2020	3,00	3,50	2,00	1,50	1,50	2,00	2,17
2030	3,10	3,50	2,10	1,90	2,00	2,30	2,32

Для создания достаточного количества новых рабочих мест необходимо увеличивать норму вложений в основной капитал. Нужно повысить норму сбережений и создать привлекательные условия для превращения сбережений в инвестиции внутри страны. Именно в этом может состоять задача построения нового хозяйственного порядка, и пример должны показать США, где нормы сбережений и вложений в основной капитал наиболее низкие среди норм, действующих в крупных странах (табл. 9.3).

Чтобы повысить норму вложений в основной капитал для создания новых рабочих мест, США должны снижать ставки налога на прибыль. Иначе ТНК будут создавать рабочие места преимущественно в крупных развивающихся странах, где выше отдача на вложенный капитал и емкий внутренний рынок. Не только «необходимость роста эффективности производства, — как отмечается в гл. 7, — но и острота проблемы обеспечения занятости населения будет заставлять правительства искать пути повышения инвестиционной привлекательности своих экономик» (с. 198).

Проблема России не в высокой норме сбережений, хотя этот показатель один из самых высоких в мире среди крупных стран. Сбережения можно уменьшать, введя прогрессивную шкалу на доходы по рецепту Полиграфа Полиграфовича Шарикова из «Собачьего сердца» М. А. Булгакова: «Взять все, да и поделить...»¹. Необходимо, чтобы экономика России не теряла жизненные силы из-за утечки сбережений. Капитал должен оставаться в России, превращаться из денежной формы в материальные фонды, создавать рабочие места для квалифицированной рабочей силы. В этих целях нужно сформировать благоприятные условия (создать материаль-

¹ Булгаков М. А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. С. 183.

II. Перспективы и стратегии экономического развития

ные стимулы) для развития отечественной обрабатывающей промышленности, освободив ее предприятия от налогов на прибыль.

Таблица 9.3. **Норма валовых вложений в капитал и норма валовых сбережений, разность между сбережениями и вложениями крупнейших экономик мира и России в 2000—2009 гг. (% от ВВП)**

Страна	Норма			
	валовых вложений в основной капитал	валовых вложений в оборотный капитал	валовых сбережений	разность между сбережениями и вложениями в капитал
Китай	40,4	1,9	46,8	4,5
Индия	29,8	1,9	29,5	-2,2
Япония	23,2	0,2	24,6	1,2
США	18,8	...	13,1	-5,7
Россия	20,0	1,7	31,8	10,1

Рассчитано по данным: International Financial Statistics Yearbook 2010. IMF, Wash. 2010.

Прогрессивными должны быть налоги не на доходы, а на ресурсы и потребительские расходы. Они необходимы не только для наполнения государственного бюджета, но и для стимулирования рационального использования ресурсов, защиты окружающей среды, ограничения потребительских расходов на предметы роскоши. Особое внимание следует уделять развитию обрабатывающей промышленности, в том числе потому, что она составляет основу модернизации всей экономики и накопления человеческого капитала.

Региональные аспекты мировой динамики рассматриваются в монографии начиная с гл. 13¹. Авторы предсказывают дальнейшую «эрозию американского лидерства в его традиционном объемно-статистическом понимании» и, напротив, усиление роли США как лидера качественных социально-экономических преобразований «за счет инновационных процессов в рамках человекоцентричной и природосберегающей ориентации» (с. 285).

¹ К сожалению, в монографии не уделено внимание Канаде, экономически тесно связанной с США.

Особого внимания заслуживает тезис о человекоцентричной ориентации, поскольку он подразумевает усиление экономической роли государства и некоммерческих (в том числе трансграничных) организаций, выход за рамки узко понимаемых интересов частного предпринимательства. Речь идет о возможном увеличении доли расходов на исследования и разработки до 3% ВВП, на образование — до 8—10% и здравоохранение — до 20% (с. 293—294) и соответственно об удовлетворении потребностей нации в творческом характере производственной деятельности (с. 295).

В гл. 14 утверждается, что «именно в ЕС будут даны адекватные ответы на многие вызовы развития человечества в XXI в. — проблемы экологии, старения населения, обеспечения равных стартовых условий для всех членов общества, укрепления международной безопасности и др.» (с. 323). С этим можно согласиться: решение многих проблем невозможно без международной кооперации усилий, а ЕС представляет сегодня, несмотря на переживаемые трудности, пример наиболее успешного продвижения по пути экономической и политической интеграции.

Однако выдвинутый тезис не вполне согласуется с прогнозом, согласно которому ВВП ЕС будет расти медленнее, чем ВВП США (с. 323), хотя в этом оценки авторов монографии совпадают с прогнозами многих исследовательских центров. Он может оправдаться, если не возрастет инвестиционная привлекательность стран ЕС, придерживающихся рамок социального рыночного хозяйства. А это потребует изменений не только в области налогообложения, но и в части трудового и социального законодательства. Проблема заключается, как отмечается в гл. 7, в «противодействии со стороны профсоюзов», необходимости усилить «гибкость системы трудовых отношений», а также «поступить социальными стабилизаторами ради повышения темпов экономического роста» (с. 195).

Если норма вложений в основной капитал останется в ЕС на уровне 20% (с. 327), то только за счет улучшения системы образования не удастся уменьшить структурную безработицу (с. 326). Тезис о неизменности этой нормы не согласуется и с утверждением, что «для снижения ресурсной и энергоемкости экономики ЕС в 2010—2020-е годы будут осуществлены значительные инвестиции» (с. 326).

Можно предположить, что норма вложений в основной капитал в третьем десятилетии будет ниже, чем во втором. Например, для Франции прогнозируются норма порядка 21% до 2020 г. и ее

снижение до 18% к 2030 г. (с. 347). Однако не объясняется, как прогноз снижения нормы вложений в основной капитал сочетается с прогнозом снижения нормы безработицы до 6—7% к 2020 г. и 4—5% к 2030 г. (с. 348).

Авторы гл. 14 не выработали согласованную оценку перспектив реформирования бюджетно-налоговой системы. Нельзя, в частности, согласиться с предположением, что «кардинальная реформа» Общего бюджета ЕС возможна лишь к концу 2020-х гг. (с. 331). С учетом кризиса у Евросоюза просто нет альтернативы скорейшему повышению роли Общего бюджета.

В книге не уточнено, за счет каких источников доходов будет пополняться Общий бюджет, если долю НДС, взимаемого на национальном уровне, будут уменьшать. К числу возможных вариантов Европейская комиссия относит доходы от торговли квотами на выброс парниковых газов, европейский энергетический налог и европейский (наднациональный) НДС¹.

В гл. 15 речь идет о дальневосточных экономически мощных соседях России: Китае, Японии, Южной Корее. Поскольку монография нацелена на разработку стратегии развития России, то следовало бы, изменив название главы, включить сюда и Монголию.

Привлекает внимание тезис о превращении Китая «в главную инвестиционную и потребительскую силу региона» (с. 367). В Кратком варианте исследования утверждается, что к 2030 г. «Китай из недавней “мировой фабрики” потребительских товаров превратится в наиболее емкий внутренний рынок»². В первом случае говорится о его значении в региональном измерении, во втором подразумевается мировой масштаб. В Кратком варианте поясняется, что «главным фактором, поддерживающим общемировой внутренний спрос, станет Китай. По объемам потребления автомобилей, информационно-коммуникационных технологий, туристических услуг Китай превзойдет США и ЕС»³.

Транснациональные корпорации стремятся закрепиться в Китае, создавая там дочерние предприятия. Сформулированный в монографии постулат настораживает отсутствием оценки страны как

¹ См.: Communication from the commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee, the Committee of the regions and the national parliaments // The EU Budget Review. 2010. P. 27.

² Стратегический глобальный прогноз 2030. Краткий вариант. С. 48.

³ Там же. С. 49.

потенциального производителя продукции обрабатывающей промышленности мирового масштаба. Сейчас в обрабатывающих отраслях Китая занято работников на порядок больше, чем в США. С этим (а также с ростом экономики Индии и других крупных развивающихся стран) и связано обострение проблемы занятости в развитых странах и странах с переходной экономикой.

Заключение монографии («Выводы для России») начинается с предупреждения о том, что стратегию России необходимо адаптировать «к основным тенденциям глобального развития... чтобы не оказаться в маргинальном положении» (с. 443). Выделено 26 рисков. «Рискам» противопоставляются «Возможности», что подразумевает формулировки проблем и рецептов их решения. Кроме того, названо восемь главных вызовов и одна ключевая задача, которые подводят итоги исследования по основным разделам монографии. Ограничимся оценкой наиболее важных положений.

В разделе «Экономика» главным вызовом авторы считают «объективное сопротивление консервативной части элиты страны перераспределению доходов энергетических и сырьевых отраслей в пользу “экономики знаний”» (с. 444). С этим можно согласиться с оговоркой: нужно не только развивать новейшие отрасли производства, но и модернизировать всю обрабатывающую промышленность как основу обновления экономики и развития нации. Следует иметь в виду и то, что силовики постараются интерпретировать задачу развивать «экономiku знаний» как необходимость перераспределять ресурсы в пользу оборонно-промышленного комплекса.

В разделе «Идеология» содержится перечень соответствующих рисков, включающий в себя распространение националистических и ренессанс леворадикальных идей, а также клерикализацию общественного сознания (с. 443). К сожалению, рецепты решения возникающих проблем не всегда представляются достаточно убедительными. Например, для противодействия клерикализации рекомендуется взаимодействовать с США, ЕС, Китаем и Индией в борьбе с агрессивным исламизмом. Между тем угроза межконфессиональных столкновений в России нарастает также из-за усиления влияния Русской православной церкви в общественной и политической жизни страны. Она пользуется привилегиями, предоставляемыми государством, которое по конституции является светским. Следовало бы обратить внимание на опыт ЕС в отстаивании светских основ современного общества и государства.

Для борьбы с распространением националистических идеологий уместно обратиться к опыту США в решении проблем, связанных с наплывом иммигрантов. Имеется в виду комплекс мер «по развитию человеческого потенциала» (с. 292). Ренессансу леворадикальных идей могут противостоять лишь успехи в управлении экономикой в интересах всего общества.

Раздел «Внешняя политика» содержит перечень причин возможного обострения политических отношений с наиболее крупными игроками на международной арене, включая США, ЕС, Китай и Японию. Акцент здесь сделан на совершенствовании диалога с важнейшими партнерами. Но в основном тексте, в гл. 10, справедливо отмечается, что восприятие России в мире во многом зависит от ее внутренней политики.

К России можно отнести следующее предупреждение: принятие решений в области вооружений «на основе сугубо национальных императивов и без учета озабоченности других стран — «плохой» сигнал, свидетельствующий о неготовности ориентироваться на глобальные интересы» (с. 248). В гл. 10 отмечается негативное воздействие на международные отношения претензий Москвы на «ближнее зарубежье» как зону преимущественно российского влияния или на статус «энергетической сверхдержавы», хотя это далеко не всегда соответствует реальным возможностям и, можно добавить, интересам российской экономики (с. 243).

От привлекательности России как политического образования, способности модернизировать и развивать собственную экономику зависит успешность ее превращения в центр притяжения интеграционных процессов Евроазиатского (или Евро-тихоокеанского) масштаба. Если не сосредоточить усилия на собственной модернизации и решении острейших внутренних социальных проблем, то нельзя исключить угрозу дальнейшего распада страны.

В последнем разделе, посвященном взаимодействию с основными странами и регионами, говорится о необходимости осуществить «выход экономического сотрудничества за пределы энергетической сферы» (с. 448). Необходимо учитывать, что наиболее мощных игроков на мировом рынке, особенно Китай, вполне устраивает перспектива превращения экономики России в сырьевой придаток. В связи с этим выстраивание современной стратегии развития, нацеленной на формирование и накопление челове-

9. Долгосрочное прогнозирование и стратегия развития

ского капитала, отстаивание национальных интересов, становится особенно актуальной задачей.

В целом ИМЭМО РАН подготовил работу, в которой подняты и решены многие вопросы, имеющие первостепенное значение для разработки стратегии социально-экономического развития страны. Отмеченные недостатки, неизбежные при сведении результатов исследований столь большого авторского коллектива, имеют частный характер. Остается пожелать, чтобы основные выводы, сформулированные в монографии, нашли отражение в новой стратегии экономического развития, при реализации которой Россия сумеет занять достойное место в мире.

III

Проблемы экономики России

10

Цели и механизмы экономического развития¹

Благосостояние и жизнеспособность нации во многом предопределяются стратегическим выбором целей экономического развития и механизмов их достижения. Не следует ставить знак равенства между целями нации и целями хозяйствующих субъектов. Для нации создание благоприятной среды хозяйственной деятельности представляет собой лишь средство достижения социальных целей развития.

Цели, обеспечивающие жизнеспособность хозяйствующих субъектов, — это:

- *конкурентоспособность*, т.е. соответствие меняющимся требованиям рынка в отношении качества, цены, условий платежа и поставки продукции, а также технического обслуживания потребителей;
- *эффективность*, или норма прибыли, обеспечивающая такую окупаемость затрат, которая делает предприятие привлекательным для вложений капитала.

Цели экономического развития страны должны быть:

- *социально значимыми*, т.е. отвечать интересам всего общества, а не только предпринимателей, — обеспечить в стране комфортные, по мировым меркам, условия жизни в соответствии с возможностями, которые открываются благодаря научно-техническому и организационному прогрессу;

¹ Российская экономика: пути повышения конкурентоспособности / ред. проф. А. В. Холопов. М. : МГИМО (У) МИД России, 2009. С. 17—21.

• *выражены в конкретной форме*, позволяющей отслеживать их исполнение и не служить прикрытием иных целей. Последнему требованию не отвечали декларируемые цели советской России.

Цели СССР сталинского периода: провозглашаемые — максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества («основной экономической закон социализма»); *реальные* — задачи, формулируемые в контрольных цифрах выпуска чугуна и стали, добычи угля и нефти; *доминирующие* — развитие военно-промышленного комплекса.

Цели СССР брежневского периода: провозглашаемые — все для человека, все для блага человека; *доминирующие* — достижение паритета с США в области стратегических наступательных и иных вооружений.

История Советского Союза свидетельствует о том, что защита от внешней угрозы была доминантой экономического развития страны. В отличие от пропагандистской риторики: «Все для блага человека», реальная стратегия развития была подчинена наращиванию военно-промышленного комплекса, все другие потребности удовлетворялись по остаточному принципу. Основная причина краха СССР — не недостаток военной мощи, а поражение в соревновании с капиталистическими странами в обеспечении уровня и качества жизни.

Цели современной России: удвоение ВВП за 10 лет, превращение страны в энергетическую державу, создание инновационной экономики.

В этих целях и фактически достигнутых результатах не просматривается социальная ориентация экономического развития. Нынешнее состояние российской экономики отличают:

- крайние диспропорции в распределении доходов между слоями населения;
- деградация хозяйства большинства регионов;
- отсталость и высокая степень износа материально-технической базы;
- низкая производительность труда.

Благополучие немногих регионов покоится на экспорте природных ресурсов, в чем занято всего 1,5% рабочей силы. Большая часть регионов обречена на дотационное нищенское существование.

В названном перечне последовательно выдвигавшихся целей просматривается отход от конкретики. «Создание инновационной экономики» звучит достаточно абстрактно. На практике выресо-

вывается связь с задачей модернизации военно-промышленного комплекса. Между тем ахиллесовой пятой экономики СССР и нынешней России остается гражданская составляющая обрабатывающей промышленности.

Первая социально ориентированная стратегия экономического развития была выработана и осуществлена страной — цитаделью капитализма. К этой стратегии пришли в результате мучительных поисков путей преодоления Великой депрессии 1930-х гг., а также опыта мобилизации ресурсов для победы во Второй мировой войне. Основы стратегии экономического развития были сформулированы Конгрессом США в Законе о занятости 1946 г. Тогда Конгресс США обязал федеральное правительство использовать все имеющиеся у него ресурсы для *максимизации трех переменных: занятости, производства, покупательной способности.*

Таким образом, США, а затем и другие развитые капиталистические страны, отдав в экономической стратегии приоритет социально значимой цели — максимальной занятости трудоспособного населения, совместили ее с задачей обеспечения роста производства и реальных доходов. С высокой занятостью и вооруженностью рабочей силы капиталом связаны преобладание трудовых доходов в стоимостной структуре ВВП и большая равномерность распределения доходов, чем в странах, где в ВВП доминируют имущественные (предпринимательские) доходы. Рост производительности при сохранении устойчивости денежно-кредитной системы обеспечивает систематическое повышение жизненного уровня.

Механизмы или способы (инструменты) достижения целей экономического развития могут быть основаны на принуждении или материальном стимулировании. Для иерархических структур характерна административно-командная система управления хозяйством, вертикаль власти, принудительный труд. Рыночная система, в которой преобладают горизонтальные связи, строится на материальных стимулах.

В России все еще сильны советские традиции налаживать управление народным хозяйством административными методами, что находит отражение в создании крупных государственных корпораций, формировании национальных программ.

Преимущества материального стимулирования стали очевидными в странах европейской культуры уже в середине XIX в. В Коммунистическом манифесте К. Маркса и Ф. Энгельса утверждалось

(и это соответствует современным статистическим оценкам), что буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства обеспечила большее развитие производительных сил, нежели все предшествовавшие поколения, вместе взятые.

Россия убедилась в необходимости отмены крепостного права, потерпев поражение в Крымской войне. XX век наглядно показал преимущества цивилизованной рыночной системы по сравнению с централизованным планированием, в частности на примере разделенных стран: Западной и Восточной Германии, Южной и Северной Кореи.

Проблема экономики современной России состоит в том, что выгодно развивать производства, получающие сверхприбыли на основе природной ренты, а обеспечить технологическую ренту в обрабатывающей промышленности проблематично. При относительно дешевых ресурсах, особенно рабочей силы, не выгодно применять передовую технику. Смена поколений техники позволяет снижать расход ресурсов на единицу продукции, но затраты на эксплуатацию новейшей техники не окупаются ввиду низких цен на потребляемые ресурсы.

Российские нефтяные компании готовы заниматься добычей сырой нефти в самых неблагоприятных странах, но не считают для себя выгодным развивать в своей стране нефтеперерабатывающие предприятия. Производственные фонды в России, в том числе в добыче нефти и газа, эксплуатируются до полного износа, а выбывающие фонды замещаются не передовой, а более дешевой морально устаревшей по меркам передовых стран техникой. Ставка на дешевые ресурсы обрекает экономику страны на отставание.

Самым мощным фактором стимулирования трудовой и предпринимательской деятельности со стороны государства, как показывает мировой опыт, является установление предельно низкой плоской шкалы налога на доходы, особенно на доход от капитала как более мобильного по сравнению с рабочей силой ресурса. Нужно стимулировать не только отрасли, создающие передовую технику, но и отрасли, ее применяющие. Прогрессивные нововведения тогда дают макроэкономический эффект, когда они находят самое широкое применение, а не во время их реализации венчурными предприятиями.

Для наполнения государственного бюджета необходимо перенести центр тяжести налоговой нагрузки с доходов на расходы.

Чем ниже налоги на доходы, тем интенсивнее экономическая деятельность, чем выше налоги на ресурсы, тем сильнее стимулы для применения достижений научно-технического и организационного прогресса для экономного и рационального использования труда, капитала, природных богатств, следовательно, и для защиты окружающей среды. Повышение ставок налогов на ресурсы служит и антимонопольной мерой, препятствуя спекулятивной скупке предприятий и земли.

Ошибкой было снижение в России ставки единого социального налога. Предприниматели должны в полной мере возмещать государственные расходы на образование, здравоохранение, пособия по безработице и пенсионное обеспечение. Чем выше цена найма рабочей силы, тем острее стимул снизить трудоемкость производства за счет передовой техники и совершенствования организации производства.

Ошибкой может стать снижение ставки налога на добавленную стоимость. Этот вид налога ложится не на предпринимателя, а на потребителя, который должен рационализировать свои расходы. Снижение налога на потребление в условиях отсталости отечественной обрабатывающей промышленности еще больше увеличит импорт.

Подводя итог, следует сказать, что совершенствование налоговой системы служит наиболее действенным инструментом стимулирования экономической деятельности и повышения эффективности. Необходимо добиваться того, чтобы прибыль после вычета налогов была в обрабатывающей промышленности выше, чем от добычи сырой нефти и природного газа. Примером в этом отношении могут служить США. Здесь в добавленной стоимости добывающей промышленности предпринимательские доходы вдвое превышают трудовые, тогда как в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности соотношение прямо противоположное. После вычета налогов норма прибыли в обрабатывающей промышленности превышает соответствующий показатель совокупности добывающих предприятий.

Обрабатывающая промышленность может развиваться повсеместно, создавая рабочие места для квалифицированного труда. Она служит основой модернизации и повышения эффективности всех остальных отраслей народного хозяйства, в том числе сельского производства путем формирования аграрно-промышленных комплексов. Развитие обрабатывающей промышленности способ-

ствует более равномерному распределению доходов между слоями населения и регионами.

Налоговая система должна быть простой. Ставке налога на прибыль следует быть низкой по мировым меркам и единой для всех отраслей, в развитии которых заинтересовано общество. Чем больше специальных налоговых льгот (например, для малого бизнеса, избранных зон), тем активнее благодаря крючкотворству используются возможности для снижения налогового бремени теми, на кого эти льготы не рассчитаны. Перераспределению инвестиционных ресурсов в пользу обрабатывающей промышленности может способствовать более полное изъятие природной ренты с помощью налогов на эксплуатацию недр.

Используя опыт государственного регулирования экономики в развитых странах, необходимо различать англосаксонскую (АС) и западноевропейскую континентальную модели рыночного хозяйства.

Континентальная модель социального рыночного хозяйства (СРХ) в условиях обострившейся конкуренции за рынки сбыта и источники сырья, особенно со стороны крупных быстро развивающихся стран, проигрывает в приспособлении к более жестким требованиям глобальной экономики. Преимущества АС-модели по сравнению с СРХ можно свести к трем пунктам:

- привлекательность для бизнеса низкой плоской ставки на прибыль по сравнению с системой прогрессивного налогообложения. Последняя система представляется ее сторонникам как более справедливая в социальном отношении. Между тем благоприятная для бизнеса среда является необходимым условием социального прогресса. В Ирландии, например, ставка налога на прибыль была снижена с 40% в 1993 г. до 12,5% в 2003 г. Норма безработицы уменьшилась за этот период на 7,3 п.п. — до 4,4%. Среднегодовой темп прироста ВВП повысился до 7,5% в 1994—2005 гг. по сравнению с 3,4% в 1982—1993 гг.¹;

- гибкое трудовое законодательство англосаксонских стран, облегчающее решение вопросов найма и увольнения рабочей силы и способствующее большей географической, отраслевой и профессиональной мобильности. Иначе говоря, АС-модель облегчает перелив рабочей силы в новые быстро развивающиеся отрасли, тогда как система СРХ затрудняет этот процесс. Оплата рабочей силы в

¹ См.: OECD Factbook. P. : OECD, 2007.

III. Проблемы экономики России

рамках АС-модели зависит от фактических достижений в труде, тогда как в странах СРХ в большей степени полагаются на формальные статусные характеристики, например стаж работы;

- социальное законодательство в англосаксонских странах предусматривает ограниченную социальную поддержку безработным, а в западноевропейских странах пособие по безработице настолько велико по размеру и продолжительности, что поощряют иждивенческие настроения.

11

Как лечить больную экономику. «Голландская болезнь» и энергетическая политика России¹

В 1991 г. рухнул политический режим, установленный в России в октябре (ноябре) 1917 г., а вместе с ним и советская империя.

Неконкурентоспособность отечественной экономики и удушающий характер политической системы, существовавшей в СССР, ответственной за гибель десятков миллионов соотечественников, подорвали жизненные силы нации. По выражению Н. П. Шмелёва, «XX век сломал России хребет»². Тяжесть и неудачи реформ 1990-х гг. обусловлены глубиной кризиса и состоянием агонии, в котором находилась страна в последние годы существования СССР.

Насильственный характер режима в СССР соответствовал природе экономической системы хозяйства, которую он выстроил. Диктатура была нужна для ликвидации частной собственности³, в которой коммунисты видели основу капиталистической эксплуатации наемного труда. Устранение частной собственности лишило экономику внутренних стимулов развития, дисциплины рыночных отношений.

Рыночная конкуренция побуждает независимые хозяйствующие субъекты накапливать научно-технический потенциал и использовать достижения НТП для повышения эффективности производства. По мере повышения эффективности производства и роста доходов населения развивается спрос на новые виды товаров и услуг. Конкуренция побуждает предпринимателей к созданию и налаживанию выпуска товаров, отвечающих возросшим требованиям. Требование уничтожения частной собственности в Коммунистическом манифесте 1848 г. соседствует с признанием того, что капиталистическая система (буржуазия) «менее чем за сто лет» сде-

¹ Россия и современный мир. 2007. № 4. С. 5—12.

² Шмелев Н. П. В поисках здравого смысла: двадцать лет российских экономических реформ. М.: Весь мир, 2006. С. 482.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч. М., 1955. Т. 4. С. 438.

лала больше для развития производительных сил, «чем все предшествующие поколения, вместе взятые»¹.

Экономика СССР, на языке ООН получившая наименование системы централизованного планирования, по своей сущности была административно-командной. В ней значительную роль играло принуждение. «Фундаментальная черта социалистической экономики, — отмечал Е. Т. Гайдар, — она может работать лишь при сохранении жесткого политического режима, без него разваливается»².

Можно добавить, что такая система смогла существовать на протяжении большей части динамичного XX в. благодаря капиталистическому окружению. С одной стороны, установление деловых отношений с капиталистическими странами позволило закупать передовую технику и перенимать опыт организации современных производств, хотя при этом производительность труда оставалась ниже, чем в передовых экономиках. В 1931—1932 гг., в частности, закупки машин и оборудования Советским Союзом составляли от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ мирового импорта техники³. С другой стороны, существование идеологически враждебного окружения оправдывало милитаризацию экономики. «Состояние постоянной готовности к войне приводит к необходимости организовать общество на армейский манер»⁴.

Для подавляющего большинства населения страны, чей уклад жизни сформировался в обстановке сельской общины, крепостной зависимости и самодержавной власти, личные права и свободы занимали и до сих пор занимают весьма низкое положение в системе ценностей по сравнению с материальным благополучием.

На фоне достигнутого относительного достатка в СССР конца 1930-х гг. сформировалась опора авторитарного строя — «тираническое общественное мнение»⁵, горячо поддержавшее расправу над «врагами народа». В стране, информационно отгороженной от остального мира, прошедшей через тяжкие испытания и вновь добившейся с помощью капиталистической техники относительного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 429.

² Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 308.

³ См.: Smith A. Russia and the World Economy: Problems of Integration. L.; N. Y., 1993. P. 28.

⁴ Мизес Л. фон. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. М.: ЮНИТИ, 2001. С. 39.

⁵ Там же. С. 56.

благополучия к середине второй половины XX в., власть сумела сотворить миф о преимуществах строя, пришедшего на смену «загнивающего» капитализма. В этих условиях доминировало, по выражению Ю. Н. Афанасьева, «агрессивно-послушное большинство»¹, препятствующее социально-экономическим и политическим преобразованиям.

Роковая роль в судьбе СССР «голландской болезни»

Развитие «голландской болезни» в условиях централизованной экономики и ее последствия тщательно отслежены и основательно документированы Е. Т. Гайдаром в его книге «Гибель империи». Для понимания механизма развития этой болезни, что весьма актуально для нынешней российской экономики, важно дать адекватное определение этого феномена.

Суть «голландской болезни» по Е. Т. Гайдару в том, что «рентные доходы сырьевых отраслей стимулируют рост зарплаты и издержек в прочих отраслях, продукция и услуги которых становятся неконкурентоспособными как на внутреннем, так и на внешнем рынке»².

Причина неконкурентоспособности «прочих отраслей» не в том, в чем их видит Е. Т. Гайдар, не в росте заработной платы за пределами сырьевых отраслей. Рентные доходы позволяют повышать заработную плату именно там, где ее получают, хотя основную часть добавленной стоимости добывающей промышленности составляют имущественные, а не трудовые доходы. В США, например, в 2001 г. годовая заработная плата в добывающей промышленности составляла в среднем 60,9 тыс. долл., а в обрабатывающей — 45,6 тыс. долл.³ В добывающей отрасли на долю трудовых доходов приходилось в 2000 г. около 30%; на операционную прибыль — около 60%; на налоги — около 11%. В обрабатывающей эти доли соответственно были равны 64; 33 и 3%⁴.

В СССР и России начисленная месячная заработная плата в нефтедобывающей и газовой промышленности была и остается

¹ Афанасьев Ю. Н. Выступление 27 мая 1989 года. Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. М., 1989. Т. 1. С. 224.

² Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 94—95.

³ Survey of Current Business. Wash. 2003. № 7. P. D36.

⁴ Survey of Current Business. Wash. 2004. № 11. P. 45.

существенно выше среднего по промышленности показателя. В 1980 г. в СССР заработная плата в рублях составляла в нефтедобывающей промышленности 250, в газовой — 268; во всей промышленности (включая добывающую и обрабатывающую) — 191. В 2004 г. в России соответствующие показатели в тысячах рублей были равны 24,1; 33,4 и 7,9¹.

Невысокие внутренние цены на сырье и топливо и невысокая заработная плата лишали конкурентоспособности обрабатывающую промышленность. В СССР в период мирового энергетического кризиса середины 1970-х гг. бензин стоил дешевле газированной воды. В России, как и в других экспортирующих углеводороды странах, внутренние цены на нефть и на газ ниже экспортных.

Сущность названной «болезни» в том, что норма прибыли в отраслях, получающих природную ренту, настолько выше, чем там, где этой дифференциальной ренты нет, что развитие «прочих отраслей» становится невыгодным. Дешевле импортировать продукцию обрабатывающей промышленности за счет выручки от экспорта сырья. Именно в этом состоит эффект деиндустриализации там, где «болезнь» не лечится.

В США она лечится с помощью налоговой системы. В этой стране норма прибыли в добывающей отрасли до вычета налогов выше, чем в обрабатывающей промышленности, о чем косвенно свидетельствует различие структур добавленной стоимости по видам доходов. После вычета налогов норма прибыли выше в обрабатывающих производствах. В 2003 г. она составляла в процентах: 12,5 против 10,7 — в добывающей промышленности и 8,9 — в торговле².

В России, как и в СССР, «болезнь» не лечится. В 2004 г. норма прибыли после вычета налогов составляла в процентах, по данным ТПП РФ, в обрабатывающей промышленности — 14, в нефтедобывающей 27³. В 2005 г, по данным Министерства финансов РФ, рентабельность в обрабатывающей промышленности снизилась до 8,5, а в нефтедобывающей — повысилась до 35,0%⁴.

¹ См.: Российский статистический ежегодник 2005. М.: Росстат, 2006. С. 191.

² См.: Statistical Abstract of the United States. Wash. 2004—2005. P. 507.

³ См.: Аргументы и факты. 2004. № 43. С. 32.

⁴ См.: Миронов С. М. Нужна системная программа развития экономики России // Деловая слава России. М., 2006, Специальный выпуск. С. 6.

В СССР начало разработки богатейших месторождений углеводородов в Западной Сибири и выход СССР на первое место в мире по добыче нефти совпали с весьма благоприятной конъюнктурой на рынке нефти. Добыча нефти в стране увеличилась с 350 млн т в 1970 г. до 600 млн т — в 1980 г.¹ Происходившее в 1970-х гг., сначала постепенное, а затем в два тура, резкое повышение цен на нефть в 1973—1974 и 1979—1980 гг. привело к тому, что к 1981 г. цены превысили отметку конца 1960-х в номинальном выражении практически в 20 раз. Индекс мировых цен на сырую нефть (1980 г. = 100) равнялся 5,1 п. в 1970 г.²

Сложилась обстановка эйфории от притока нефтедолларов. Глава государства Л. И. Брежнев заявил на XXVI съезде КПСС в феврале 1981 г., что СССР «по силам решение самых больших и сложных задач»³.

На самом деле силы были направлены на обеспечение паритета в области стратегических вооружений с США, обычных вооружений — со всем блоком НАТО, а также на субсидирование союзников. «Бремя тотального соревнования с самой мощной в технологическом и военном отношении страной (США) в конечном счете лишало командную экономику (СССР) возможности решать какие-либо задачи, кроме военных»⁴.

Резко возросший в 1970-х гг. импорт оборудования шел в основном для оснащения оборонной промышленности. Отрицательное сальдо внешней торговли машинами и оборудованием, составлявшее в 1970 г. 3,7 млрд долл. в ценах 2000 г., увеличилось в тех же единицах измерения до 12,3 в 1975 г. и до 12,4 — в 1980-м⁵.

Увеличилась финансовая поддержка компартий в капиталистических странах. Гораздо более масштабными были субсидии странам Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Туда экспортировалось в 2—3 раза больше нефти, чем в развитые капиталистические страны. В частности, в 1980 г. экспорт в социалистические страны составил 84,8 млн т, а в развитые капиталистические — 30,7 млн т⁶.

¹ См.: *Гайдар Е. Т.* Указ. соч. С. 180.

² См.: *Международные экономические отношения / под ред. Н. Н. Ливенцева.* М.: Проспект, 2005. С. 96.

³ *Брежнев Л. И.* Доклад XXVI съезду КПСС. М.: Политиздат, 1981. С. 56.

⁴ См.: *Yergin D., Gustafson T.* Russia 2010 and What It Means for the World. N. Y., 1993. P. 68.

⁵ См.: *Гайдар Е. Т.* Указ. соч. С. 177.

⁶ См.: там же. С. 193.

Отгрузки в страны СЭВ осуществлялись не по действующим мировым ценам, а по ценам, средним за предшествовавшие пять лет, т.е. в несколько раз более низким. Оплата проводилась не в конвертируемой валюте, а встречными поставками товаров по клиринговым соглашениям. В СССР социалистические страны продавали товары, которые не пользовались спросом на капиталистических рынках.

Наибольший ущерб народному хозяйству «голландская болезнь» наносит в период благоприятной конъюнктуры для сырья, когда разрыв в прибыльности между добывающей промышленностью и остальными отраслями оказывается особенно большим и недостатки развития прочих отраслей компенсируются импортом товаров, закупленных на выручку от продажи сырья.

Золотая жила нещадно и недальновидно эксплуатировалась в 1970-х гг. Председатель Совета Министров СССР А. Косыгин в те годы неоднократно обращался к начальнику Главтюменьнефтегаза В. Муравленко с просьбой примерно такого содержания: «С хлебушком плохо — дай 3 млн т (нефти) сверх плана»¹.

По свидетельству члена Политбюро ЦК КПСС В. А. Медведева, восьмая пятилетка (1966—1970) была, пожалуй, последним успешным периодом. В дальнейшем экономическое развитие стало быстро и неуклонно ухудшаться. Лишь один сектор экономики пребывал в цветущем состоянии — это военно-промышленный комплекс. Страна изнывала под непосильным бременем военных расходов². Темпы развития экономики упали во второй половине 1970-х³. Тогда по темпам экономического роста СССР уступил США⁴.

Расходы на импорт приобрели иной масштаб в период повышения цен на нефть. Отрицательное сальдо внешней торговли СССР по продовольствию составило за 10 лет, 1972—1981 гг. (в долларах 2000 г.) 174,3 млрд; за предшествовавшие 11 лет, 1961—1971 гг. — 23,1 млрд⁵. Среднегодовые показатели увеличились более чем в 7 раз до 17,4 млрд против 2,1 млрд долл.

¹ Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 181.

² См.: там же. С. 145.

³ См.: там же. С. 259.

⁴ См.: *Thurrow L. Head to Head. The Coming Economic Battle among Japan, Europe and America.* N. Y., 1992. P. 11, 13.

⁵ См.: Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 181.

Следующий этап развития «голландской болезни», поразившей экономику СССР, начался со снижением мировых цен на нефть после 1981 г. и охватил большую часть 1980-х гг. Тогда «видимость полного порядка», т.е. удовлетворение внутреннего спроса путем сохранения импорта в объемах, сопоставимых с объемами периода роста цен на нефть, удавалось обеспечивать за счет расходования золотовалютных резервов и иностранных займов. При этом Советский Союз продолжал нести бремя в качестве империи, поддерживавшей на плаву экономику социалистических стран. Экспорт нефти в развитые капиталистические страны после пика, достигнутого в 1983 г. — 44,8 млн т, стал сокращаться и в 1986 г. составил 37,6 млн т. Поставки нефти в социалистические страны, напротив, выросли с 80 млн т в 1983 г. до 85,3 млн — в 1986-м¹.

Внешняя задолженность СССР развитым капиталистическим странам в номинальном выражении увеличилась с 26,5 млрд долл. в 1981 г. до 41,5 млрд долл. в 1988 г. Внешний долг социалистических стран в отношении развитых капиталистических в целом за тот же период возрос со 127,8 млрд до 205,7 млрд долл.² Министр финансов СССР В. Павлов в докладе о госбюджете страны на 1990 г. заявил, что на оплату долгов и процентов придется израсходовать почти всю выручку от экспорта продукции топливно-энергетического комплекса³.

В 1989 г. Госбанк СССР информировал советское Правительство, что, по мнению экспертов ОЭСР, в 1985 и 1986 гг. произошло резкое ухудшение платежного баланса социалистических стран Европы и в структуре их внешнего долга значительная часть приходится на краткосрочную задолженность со сроком погашения до одного года⁴.

Доступ СССР на международные рынки кредитных ресурсов в 1985—1988 гг. облегчался завышенной оценкой западными экспертами советского золотого запаса. Они считали, что запас составляет в долларовом эквиваленте 36 млрд, тогда как в действительности к началу 1989 г. он уменьшился до 7,6 млрд⁵.

¹ См.: *Гайдар Е. Т.* Указ. соч. С. 193.

² См.: там же. С. 224.

³ См.: там же. С. 226.

⁴ См.: там же. С. 227.

⁵ См.: там же. С. 227.

Добиться устойчивого сокращения импортных закупок продовольствия ввиду пачавшегося снижения цен на нефть не удалось. За девять лет, с 1982 по 1990 г., отрицательное сальдо составило 216,9 млрд, или в среднем 24,1 млрд в год¹.

Руководство Советского Союза проводило в этих условиях политику наращивания капиталовложений и ускорения экономического роста. На XXVII съезде КПСС в 1986 г. была поставлена задача удвоения экономического потенциала страны к 2000 г.² Это привело к росту дефицита государственного бюджета с 18 млрд руб. в 1985 г. до 90,1 млрд руб. в 1988 г.³ Для покрытия дефицита эмиссия денег осуществлялась в возрастающих масштабах⁴. Излишек наличных денег в обороте к началу 1990 г. оценивался Госбанком СССР в 47 млрд руб., а общая сумма неудовлетворенного спроса населения на товары и услуги — в 105 млрд руб.⁵

Характеризуя стиль управления народным хозяйством в то время, Е. Т. Гайдар писал, что вопросы развития животноводства обсуждались на высшем уровне гораздо чаще, чем бюджет страны. «Информация о реальном состоянии бюджета, валютных резервов, внешнем долге, платежном балансе была доступна крайне узкому кругу лиц, многие из которых к тому же в ней ничего не понимали»⁶.

Второй этап развития «болезни» продолжался до момента, когда советские государственные организации в сфере внешнеэкономических связей утратили доверие со стороны частных работодателей и возникла необходимость в получении политических кредитов под определенную либерализацию внутренней и внешней политики. «В 1988 г. у западных банков начинает возникать сомнение в том, насколько устойчиво финансовое положение СССР. Возможности привлекать кредитные ресурсы на коммерческой основе становятся все более ограниченными, условия предоставления кредитов — жесткими. Это относится и к процентной ставке, и к срокам погашения»⁷.

¹ См.: Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 172—173.

² См.: там же. С. 237.

³ См.: там же. С. 241.

⁴ В 1986 г. она составляла (млрд руб.) 3,9; 1987-м — 5,9; 1988-м — 11,8 и в 1989 г. — 18,3 [4, с. 243].

⁵ См.: Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 243.

⁶ Там же. С. 231.

⁷ Там же. С. 288.

Третий, заключительный, этап, завершившийся крахом, начинается с острейшего валютного кризиса, разразившегося в 1990 г. В апреле 1990 г. министр внешнеэкономических связей обращается в правительство с просьбой решить вопрос об оплате импортных поставок в связи с тем, что ведущие торговцы прекратили отгрузки товара в СССР¹.

Внешэкономбанк не открывает аккредитивов, поскольку его гарантийные обязательства вышли за допустимые пределы. На 1 октября 1990 г. обязательства банка превысили 5 млрд инвалютных рублей². В 1990—1991 гг. советское руководство изъяло без согласия клиентов 6 млрд долл., хранившихся во Внешэкономбанке³. А 4 ноября 1991 г. Внешэкономбанк объявил себя банкротом⁴.

В 1991 г. Внешэкономбанк срывает сроки платежей за поставленные товары, советские суда арестовывают в иностранных портах за неоплату товаров и портовых услуг. Нет денег ни на заработную плату советским специалистам, работающим за рубежом, ни на то, чтобы вывезти их на родину⁵.

Из государственного резерва были выделены золото и алмазы для продажи за свободно конвертируемую валюту. Государственный запас золота к концу 1991 г. сократился до 290,0 т против 719,5 т в 1985 г.⁶

Председатель Госбанка СССР В. Геращенко в записке Президенту СССР М. Горбачеву докладывает об официальных золотых резервах страны, составивших в октябре 1991 г. 240 т⁷.

В записке Министерства экономики в адрес Кабинета министров СССР в июне 1991 г. сообщается, что из-за непоставки импортного сырья выпуск изделий легкой промышленности сократился по сравнению с предыдущим годом на 12%, выработка мяса и мясосюпродуктов — на 13%. Во внутренней торговле обострился дефицит изделий повседневного спроса⁸.

¹ См.: *Гайдар Е. Т.* Указ. соч. С. 310.

² См.: там же. С. 312.

³ См.: там же. С. 368.

⁴ См.: там же. С. 410.

⁵ См.: там же. С. 369.

⁶ См.: там же. С. 369.

⁷ См.: там же. С. 408.

⁸ См.: там же. С. 368.

С особой остротой неблагополучие ощущалось за пределами столичных городов. В газете «Московские новости» 7 апреля 1991 г. о ситуации со снабжением населения в Ярославле сообщалось: «Люди в Ярославле рады очередям: стоя в хвосте, можно надеяться на покупку. Но очередей все меньше. Они давно исчезли в промтоварных магазинах, универсамах. Недели две назад выстроилась новая — за хлебом. Теперь это самая длинная, самая злая и самая отчаянная очередь»¹.

Соответственно масштабам эмиссии денег увеличивается прирост денежных средств на руках у населения². Обеспеченность денежных средств населения товарными запасами, измеряемая соответствующим коэффициентом, равнялась: 0,62 — в 1970 г.; 0,30 — в 1985-м и 0,13 — в 1990-м³.

В марте 1991 г. последнее советское правительство решается на масштабное повышение розничных цен и тарифов. В апреле 1991 г. цены возрастают: на мясо и птицу в среднем в 2,6 раза; на колбасные изделия — в 3,1 раза; на хлебобулочные изделия — в 3 раза⁴. Повышение цен, однако, не привело к видимому улучшению на потребительском рынке⁵.

Тяжелые для страны времена оказываются золотыми для «гениев финансовых проделок», для «большого хапка». В мае 1988 г. был принят Закон «О кооперации в СССР», открывший дорогу для роста частной торговли. Большая часть кооперативов создавалась при государственных предприятиях. Они покупали товары по фиксированным ценам, а продавали по коммерческим расценкам. В условиях дефицита и финансовой несбалансированности это позволяло руководству предприятий и кооперативов получать немалые доходы⁶. А 23 ноября 1989 г. был принят Закон «Об аренде». Он разрешил выкуп арендуемого имущества и открыл шлязы для формирования частной собственности⁷.

¹ Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 341.

² В 1985 г. прирост (в млрд руб.) составил 14,0; 1986-м — 15,1; 1987-м — 17,3; 1988-м — 41,5; 1989-м — 64,5; 1990-м — 94,0 и 1991-м — примерно 570—590 [4, с. 397].

³ Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 396.

⁴ См.: там же. С. 362.

⁵ См.: там же. С. 364.

⁶ См.: там же. С. 276.

⁷ См.: там же. С. 277.

В этом же ряду стоят постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 июля 1988 г. «О расширении внешнеэкономической деятельности ВЛКСМ» и постановление Совета Министров СССР от 4 августа 1988 г. «О содействии хозяйственной деятельности ВЛКСМ». Руководящие деятели ВЛКСМ получили возможность создать за два года свыше тысячи коммерческих банков. На 1 января 1989 г. в СССР было всего 43 банка, а на 1 января 1991 г. — уже 1357¹. Новые банки превратились в инструменты обналичивания денег, т.е. в средство первоначального накопления частного капитала за счет депозитов государственных предприятий. «Состояние многих россиян, присутствующих в списке долларовых миллиардеров, — из этого периода», заключал Е. Т. Гайдар².

В первом полугодии 1991 г., как полагал Е. Т. Гайдар, начался процесс экономической дезинтеграции Советского Союза. Все республики, кроме России, ввели таможи на своих границах. Таможи работали в одну сторону, запрета на вывоз товаров, но не на ввоз. Вывозить товары в Россию было нельзя, а ввозить из России можно. Фактически процесс дезинтеграции начался в конце 1989 г., когда был принят Закон об экономической самостоятельности прибалтийских республик. В начале 1991 г. Украина и Эстония разместили за рубежом заказы на печатание собственных денег³.

Президент СССР М. Горбачев 30 июля 1991 г. пошел на ключевую уступку лидерам республик, согласившись принять идею об одноканальной системе налогообложения, при которой союзные власти оказываются полностью зависимыми от властей республик в вопросе формирования союзного бюджета⁴. С начала осени 1991 г. возможности союзных органов власти контролировать налоговые поступления сводятся к нулю. Финансирование государственных расходов почти полностью обеспечивается за счет кредитов Госбанка⁵.

Советский долг в конвертируемой валюте по состоянию на 1 января 1992 г. составил 83,4 млрд долл. Кроме того, сальдо задол-

¹ См.: Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 238.

² Там же. С. 276—277.

³ См.: там же. С. 391.

⁴ См.: там же. С. 376.

⁵ См.: там же. С. 392.

женности бывшим союзникам и задолженность по клиринговым бартерным расчетам составили 40,4 млрд долл.¹

Такова в общих чертах экономическая подоплека гибели советской империи. «Экономика Советского Союза распалась раньше, чем сама коммунистическая система»². Политическая канва событий, достаточно подробно отраженная в «Гибели империи», более известна. Можно согласиться с общим выводом автора, что развал экономики и зависимость от финансовой помощи со стороны Запада объясняют «неожиданные и резкие политические повороты советского руководства»³.

Факты, изложенные в книге, призваны дать ответ на критику реформ, начатых в 1992 г. Оппоненты Е. Т. Гайдара считали, что нельзя было отпускать цены до проведения приватизации. Однако изложенные в книге обстоятельства говорят о том, что отпуск цен был неотложной мерой при тотальной нехватке продовольствия и других благ первой необходимости. Более того, опыт деятельности кооперативов при государственных предприятиях и «комсомольских» банков наглядно показал, что происходит, когда приватизация осуществляется до отпуска цен, т.е. в условиях сосуществования фиксированных цен — для особ приближенных (номенклатура ЦК КПСС) и коммерческих — для всех остальных.

Отпуск цен обесценил вклады населения в Сбербанке. Вклады не были обеспечены товарами, но они могли быть учтены при приватизации государственного имущества. Формально это может быть справедливым упреком в адрес правительства Е. Т. Гайдара. При учете денежных средств населения на банковских депозитах приватизация имела бы более широкую базу для создания среднего класса. Однако на самом деле приватизационные чеки большинства населения превратились в пустые бумажки, по которым паевые фонды прекратили выплату мизерных дивидендов на второй-третий год своего существования.

Иначе не могло быть, поскольку уже в 1988 г. были заложены основы того, чтобы лакомые куски государственного имущества, приносящие природную ренту, достались меньшинству. Приватизационные чеки большинства «обеспечивались» имуществом не-

¹ См.: Гайдар Е. Т. С. 416—417.

² Sakwa R. Russian Politics and Society. N. Y., 1993. P. 248.

³ Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 370.

конкурентоспособных предприятий, которое было распродано по бросовым ценам.

Коварство «голландской болезни» по Гайдару состоит и в том, что невозможно прогнозировать цены на нефть. Он ссылается на следующие слова лауреата Нобелевской премии по экономике П. Самуэльсона, относящиеся к 1974 г.: «Экономист не может предвидеть будущее с точностью... но если даже почти может предсказывать, то все что угодно, только не цены»¹.

Действительно, если сравнивать прогнозы хорошо изученных физических явлений, например солнечных затмений, и прогнозы развития человеческого общества, то первые имеют поразительную точность, а вторые в лучшем случае — вероятностный характер. Человеческое общество — это развивающаяся, а не стационарная система. Люди в состоянии принимать осознанные решения, в том числе менять стратегию и тактику своих действий в случае неблагоприятного прогноза, и таким образом предотвращать наступление или ограничивать масштабы и смягчать последствия прогнозируемого события.

Трудно, однако, представить себе более уничтожающую характеристику направления экономической мысли в англосаксонском мире, чем та, что дал П. Самуэльсон, когда заявил о полной неспособности науки прогнозировать цены, притом, что система цен служит основой регулирования рыночного хозяйства.

По мнению Е. Т. Гайдара, опыт XX века показал, что «выбор стратегии развития на десятилетия вперед зависит от факторов, которые невозможно прогнозировать»². Это утверждение можно воспринимать как отказ от выработки стратегии развития и как совет по возможности увеличивать страховой фонд на всякий случай.

Действительно, в краткосрочном плане, а иногда и в среднесрочном многое в экономической конъюнктуре зависит от случайных событий, которые, по определению, человечество не научилось прогнозировать. Однако современная экономическая наука «доработалась» до того, чтобы выявить решающую роль науки и техники в формировании долгосрочных тенденций экономического развития в капиталистических странах и во многом продвинулась для понимания закономерностей формирования и использования научно-технического потенциала.

¹ Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 97.

² Там же. С. 204.

Особенно плодотворными были усилия в рамках разработки концепции больших циклов конъюнктуры мирового хозяйства, начало чему в нашей стране положил Н. Д. Кондратьев, основатель в Москве в 1920 г. первого в Европе Института исследования общехозяйственных конъюнктур. Знание механизма формирования и развития больших циклов экономической конъюнктуры дает основание прогнозировать высокие темпы мирового экономического развития в первой четверти XXI в., сопоставимые со среднегодовыми темпами третьей четверти XX в.¹ В США центры исследования тенденций развития мирового хозяйства и международных экономических отношений заглядывают во вторую половину XXI в., чтобы оценить возможности пока еще неразработанных направлений техники, таких как нанотехнология и телепортация. Американские компании надеются оседлать их раньше других для обеспечения своей конкурентоспособности на мировых рынках.

Важный вклад в анализ закономерностей движения цен в длительной перспективе представляет собой работа Джона Кендрика, опубликованная в 1980 г., в которой он исследовал тенденции роста цен в предпринимательском секторе экономики США и крупных отраслях производства за период 1948—1976 гг.²

Работа позволяет сделать вывод о том, что (в странах, где в ВВП преобладает вознаграждение за труд) динамика цен в основном определяется разницей в среднегодовых темпах прироста платы за труд и соответствующего показателя прироста производительности труда. Быстрее всего в условиях инфляции растут цены на продукцию отраслей, где медленнее увеличивается (или даже уменьшается) производительность труда, а в отраслях, где производительность труда повышается быстро, цены растут медленнее или даже снижаются. Это подтверждается оценками инфляции по семерке ведущих стран за период 1970—2000 гг., а также динамики цен мирового экспорта по товарным группам³.

Для сырьевых товаров в силу низкой эластичности спроса и предложения по ценам и доходам характерны большие амплитуды цен, причем отклонение цен от средней траектории в ту или иную

¹ См.: *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // Избранные труды. М.: Экономика, 2002. С. 118—135.

² См.: *Kendrick J. W.* Productivity in the U. S. Trends and Cycles. Baltimore, 1980. P. 54.

³ См.: *Международные экономические отношения.* С. 110—114.

сторону может продолжаться не одно десятилетие. Это показало исследование динамики индексов цен, когда доминировали сырьевые товары, с конца XVIII и до начала XX в., выполненное Н. Д. Кондратьевым¹.

Цены на нефть могут быть подвержены резким краткосрочным колебаниям (длина волны не превышает одного года), которые действительно невозможно прогнозировать, если их причиной являются случайные события. С точки зрения экономической стратегии гораздо важнее оценить доминирующее направление движения цен в длительной перспективе, а также возможные колебания среднесрочного характера.

Опыт показывает, что для служб, специально занимающихся отслеживанием общехозяйственной, отраслевой и товарной конъюнктуры, это вполне посильная задача, правда, сведениями о своих результатах, а тем более о методиках такого рода исследований они не имеют обыкновения делиться с третьими лицами, не принадлежащими к числу их заказчиков.

Неизбежность энергетического кризиса стала очевидной для американских исследователей мирового нефтяного рынка в Чейз Манхеттен Банке за много лет до того, как кризис разразился в конце 1973 г. Осенью 1969 г. в Комитете ОЭСР по нефти американская делегация заявила о неизбежности в ближайшие годы увеличения в несколько раз мировых цен на нефть².

Зарождение энергетического кризиса можно было наблюдать в течение 10—15 лет с конца 1950-х гг. В тот период доминировали исторически едва ли не самые низкие цены на нефть. Справочные цены на легкую аравийскую нефть снизились с 2,08 долл. за баррель в 1958 г. до 1,80 — в 1961, т.е. до 13,31 за тонну. Они оставались на этой отметке по 1970 г.³

Это укрепило позиции жидкого углеводорода на первом месте в энергобалансе капиталистических стран. В конце 1950-х доля нефти среди энергоносителей достигла 42%, а угля сократилась до 36%⁴. С 1957 по 1970 г. потребление нефти в капиталистическом мире увеличилось в 2,5 раза.

¹ См.: Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 350—351.

² См.: *Akins J. E. The Oil Crisis // Foreign Affairs. 1973. № 3. P. 486.*

³ См.: Капиталистический рынок промышленного сырья и топлива // БИКИ. 1980. Приложение 10. С. 22.

⁴ См.: Мировая экономика и международные отношения. 1984. № 2. С. 90.

В то же время низкие цены не способствовали вложениям в разведку и освоение новых месторождений. Победа в 1957 г. революции в Ираке ознаменовалась национализацией нефтяной промышленности страны. До этого вся нефть Ближнего Востока добывалась семью ТНК — членами нефтяного картеля. Над всеми ними нависла угроза национализации. Она тем более усилилась после основания в 1960 г. Организации стран экспортеров нефти (ОПЕК).

Резко ухудшился инвестиционный климат в нефтедобывающей промышленности, особенно на Ближнем Востоке. Капиталовложения в разведку месторождений и наращивание мощностей в капиталистическом мире были заморожены на существенно более низком уровне, чем в 1957 г. В номинальном выражении вложения оставались в замороженном состоянии вплоть до 1967 г. В сопоставимых ценах они удерживались ниже отметки 1957 г. до начала 1970-х¹. При этом эксплуатация ранее освоенных месторождений велась транснациональными корпорациями в форсированном режиме.

Американский исследователь Джеймс Эйкинз писал в начале 1970-х: «Компании имеют мало стимулов для ведения разведки на Ближнем Востоке, поскольку они уже располагают резервами, которыми они могут пользоваться до истечения сроков эксплуатации своих концессий»².

Это предопределило ожидаемый американскими наблюдателями резкий переход от ситуации преобладания предложения над спросом на мировом рынке нефти в 1960-х гг. к превышению спроса над предложением в 1970-х.

Сравнительно быстрому преодолению энергетического кризиса, выразившемуся в том, что цены на нефть стали снижаться после 1981 г. вопреки попыткам ОПЕК удержать их на высшей отметке, способствовал ряд факторов. Во-первых, высокие цены стимулировали применение энергосберегающих технологий и освоение новых месторождений нефти, равно как и альтернативных источников энергии. Во-вторых, вторая волна повышения цен 1979—1980 гг., обязанная сокращению поставок из Ирана и Ирака, имела сравнительно кратковременный эффект по сравнению с первой, 1973—1974 гг., вызванной многолетним отставанием

¹ См.: Capital Investments of World Petroleum Industry. N. Y. : Chase Manhattan Bank, 1967. P. 24—31; 1971. P. 24—31.

² Akins J. E. Op. cit. P. 465

в развитии нефтедобывающей промышленности. В-третьих, энергетический кризис был сравнительно быстро преодолен, поскольку пришелся на нисходящую волну большого цикла развития мирового хозяйства. Тогда резко снизились темпы экономического роста в развитых странах, бывших основными импортерами нефти.

Члены ОПЕК к середине 1980-х убедились, что их попытки не допустить снижения цен привели лишь к сокращению их доли в мировом экспорте нефти, и предприняли активные меры для восстановления своих позиций. Это послужило обвалу цен.

То, что советские исследователи не предвидели скачка цен на нефть в 1970-х и, что особенно прискорбно, их снижения в 1980-х, объясняется причинами фундаментального характера. Сталинский режим разгромил российскую экономическую школу в 1929 г. Был закрыт Конъюнктурный институт и ликвидирована Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Были физически уничтожены лучшие представители российской школы, творцы нэпа, в их числе Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский, В. Г. Громан. Многие сотрудники Конъюнктурного института и других экономических учреждений были репрессированы. Имя Н. Д. Кондратьева оставалось под запретом до 1987 г., когда последовала его реабилитация.

После первого обострения энергетического кризиса 1973—1974 гг. в СССР получили распространение примитивные взгляды, в соответствии с которыми мировые запасы нефти должны были быть израсходованы к концу XX в., ибо объем разведанных запасов лишь в 30 раз превышал размер годовой добычи нефти. Из этой посылки делался вывод, что впредь нефть может только дорожать.

Запомнилась хлесткая фраза: «Эра дешевой нефти навсегда ушла в прошлое»¹. При том уровне экономических знаний, которым владело высшее руководство страны, легче всего воспринимались именно идеи, выраженные в простой запоминающейся форме.

Е. Т. Гайдар, размышляя о причинах наращивания в 1970-х гг. внешнего долга СССР, т.е. в период беспрецедентного роста нефтяных доходов, пришел к весьма симптоматичному выводу: «Единственное рациональное объяснение этой политики — убежденность в том, что вышедшие в конце 1970-х годов на аномально высокий по историческим меркам уровень цены в дальнейшем на нем

¹ Еришов Ю. А. Сырье, топливо и политика. М.: Международные отношения, 1975. С. 135.

удержатся. О том, что делать, если они упадут, советское руководство явно не задумывается»¹.

Можно добавить, что советское руководство, по-видимому, не задумывалось и о возможности снижения объемов добычи нефти в СССР. Между тем Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США, сознавая ключевое значение нефтяной промышленности для СССР, тщательно отслеживало ситуацию. В ЦРУ считали, что в 1970-х гг. «русские пренебрегали разведкой (новых месторождений), делая упор на форсированной эксплуатации освоенных нефтяных полей»². Там же отмечалось отставание СССР на много лет в области технологии добычи нефти более глубоких и более трудных для эксплуатации месторождений. Среднегодовые темпы прироста добычи нефти в СССР, по данным ЦРУ, составлявшие 8% в начале 1970-х, к концу десятилетия снизились до 4%.

Впервые предположение о том, что СССР может в обозримой перспективе столкнуться с дефицитом нефти, ЦРУ высказало в 1977 г.³ В 1979 г. оно укрепилось в своем предположении, поскольку стало известно о намерении СССР не увеличивать поставки нефти странам СЭВ в 1981—1985 гг. По оценке ЦРУ, добыча нефти в СССР могла сократиться до 475 млн т. в 1985 г.⁴

Советское руководство именно в 1985 г. обратило внимание на опасную тенденцию падения объемов добычи нефти в СССР. После поездки и М. Горбачева в Тюмень в сентябре 1985 г., смены ряда руководителей, выделения дополнительных ресурсов снижение уровня добычи нефти в регионе было приостановлено. Однако фундаментальные проблемы, связанные с форсированной эксплуатацией крупнейших месторождений, решены не были⁵.

В конце 1979 г. советское руководство ввело «ограниченный контингент» войск в Афганистан. Еще через два года выявилась устойчивая тенденция понижения мировых цен на нефть. Возраст и здоровье большинства членов Политбюро ЦК КПСС достигли критического уровня, когда вырисовывалась перспектива их физического конца. Падение темпов экономического роста свидетель-

¹ Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 185.

² The Decline of U. S. Power. Boston: Houghton Mifflin Company, 1980. P. 81.

³ См.: *ibid.* P. 79.

⁴ См.: *ibid.* P. 81.

⁵ См.: Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 234.

ствовало, что СССР терпит поражение в холодной войне¹. Все эти факты позволили сделать проницательным советологам вывод о взрывоопасной ситуации, складывающейся в СССР уже в первой половине 1980-х гг.

О том, что на самом деле произошло со страной и империей в 1980-х и 1990-х гг. теперь известно. Вопрос стоит об уроках на будущее.

Е. Т. Гайдар ссылаясь на негативный опыт использования благоприятной нефтяной конъюнктуры Мексикой и Венесуэлой, где планы «масштабных инвестиционных проектов... при ограниченных возможностях эффективно использовать нефтяные деньги, низком качестве государственного аппарата оказываются либо незавершенными, либо малоэффективными»². Накапливаются долги, которые надолго обременяют экономику при неблагоприятной конъюнктуре. В частности, внешний долг Мексики достиг в 1981 г. 60 млрд долл., в том числе государственного сектора — 40 млрд долл.³

Положительным Е. Т. Гайдар считал хозяйственный опыт Чили, правительство которого в 1970-х гг., в период благоприятной конъюнктуры для меди, «отказалось от реализации масштабных инвестиционных проектов, направленных на диверсификацию национальной экономики. Вместо этого оно создает институциональные основы развития конкурентоспособных производств в отраслях, не связанных с медью»⁴. Автор не раскрыл, в чем заключаются институциональные основы, говоря далее о стабилизационном фонде и политике, не допускающей укрепления курса национальной валюты.

Совершенно очевидно, что Россия нуждается в создании высокооплачиваемых и конкурентоспособных рабочих мест по всей своей территории, а не в отдельных заповедных зонах. Этой цели можно достичь не с помощью бюрократических программ, а создав благоприятный климат для частной инициативы и творческого труда в отраслях, которые определяют эффективность всего народного хозяйства. Речь идет о том, чтобы было выгодно вкладывать капитал в обрабатывающую промышленность, которую в отличие от добывающей промышленности можно развивать повсеместно.

¹ См.: The Soviet Union: Looking to the 1980s. Stanford, 1982. P. 182, 185.

² Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 122—123.

³ См.: там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 127.

Речь идет также о том, чтобы было выгодно применять самую передовую технику, которая даст максимально большую экономию производственных ресурсов в расчете на единицу выпуска качественной продукции. Применять передовую технику может, однако, оказаться невыгодным, пока сэкономленные ресурсы стоят настолько дешево, что не оправдывают расходов на эксплуатацию передовой, но дорогой техники.

Основным средством решения стратегических проблем экономики в передовых странах является государственный бюджет, и этот опыт более чем подходит России. Он состоит в том, что наполнять государственный бюджет следует прежде всего за счет повышения ставок налогов на ресурсы (землю, основные фонды, сырье и энергоносители, пользующиеся повышенным спросом). Это делает их более дорогими и создает стимулы для экономного и рационального их использования и, кроме того, служит сдерживающим фактором для концентрации недвижимости в руках монополистов. Должны быть прогрессивные ставки косвенных налогов и сборов как инструмент ограничения расточительного личного потребления, сдерживания приобретения предметов роскоши.

Вместе с тем следует снижать ставки налогов на доходы, включая прибыль. Снижение ставок налогов на доходы, как свидетельствует опыт передовых стран, служит самым мощным стимулом для роста инвестиций и интенсификации трудовой деятельности.

Ставки налогов должны быть выше в отраслях, эффективность которых основана на природной ренте, ибо невозпроизводимые природные ресурсы и природная рента от их эксплуатации должны принадлежать обществу, а не частным компаниям. Нынешнее распределение рентных доходов от энергосырьевых ресурсов между бизнесом и государством считает несправедливым Н. П. Шмелёв. Для нахождения справедливой формулы он рекомендует обратиться к опыту Норвегии и даже Саудовской Аравии¹.

Минимальными или нулевыми должны быть ставки подоходных налогов в обрабатывающей промышленности, особенно в наукоемких отраслях производства, а также в строительстве и сельском хозяйстве. Освобождения от налогов только прибыли, расходуемой на капиталовложения в производство, как рекомендует

¹ См.: Шмелёв Н. П. Указ. соч. С. 499.

Шмелёв¹, недостаточно для кардинального улучшения инвестиционного климата в названных отраслях российской экономики.

В расходной части бюджета должны занять место, соответствующее нормам передовых стран, расходы на науку, образование и здравоохранение. По оценке Шмелёва, расходы на науку в стране по сравнению с советским периодом сократились в 10 раз, а на образование — в 5 раз². Если в России будут созданы условия для эффективного и высокооплачиваемого труда всего экономически активного населения, то о ее будущем можно не беспокоиться.

Завершить обзор, однако, не представляется правильным, не поспорив с Е. Т. Гайдаром по поводу возможностей экономической науки, плодотворности отдельных ее направлений и постановки экономического образования в России.

Автор «Гибели империи» со знанием дела охарактеризовал советское руководство как не соответствующее должности, прежде всего потому, что многие его представители плохо или совсем не разбирались в экономике. Он пишет о череде ошибок, нерешительности правительства в вопросах экономической политики, «непонимании масштабов проблемы»³.

В качестве урока следует говорить о необходимости повысить качество экономического образования. Нынешней России, как и советской, не везет в этом отношении. Раньше как абсолютную истину преподавали марксистско-ленинскую политэкономия, а прочие достижения экономической мысли отражались в кривом зеркале критики буржуазной экономической теории. Теперь упор сделан на неоклассическом синтезе и монетарных концепциях. Задачи, которые предлагается студентам решать в рамках изучения экономической теории, носят абстрактный характер. Из-за этого не вырабатываются навыки анализа макроэкономической статистической информации, без чего невозможно ориентироваться в конъюнктуре как на общехозяйственном, так и на отраслевом и товарном уровне.

Прикладная экономическая дисциплина — маркетинг — лишена в России его важнейшей составляющей — анализа и прогнозирования экономической конъюнктуры. Курс экономической конъюнктуры не включен в так называемый федеральный компо-

¹ См.: Шмелёв Н. П. Указ. соч. С. 499.

² См.: Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 490.

³ Там же. С. 235.

нент программы экономического образования, т.е. не является обязательным для студентов, чья специализация — экономика. Ныне экономическую конъюнктуру не преподают даже в Академии внешней торговли МЭРТ.

Василий Леонтьев, выступая в качестве президента Американской ассоциации экономистов на 83-й ее конференции в декабре 1970 г., выразил серьезную озабоченность состоянием экономической науки. «Значительная часть действующих учебных и исследовательских программ университетов подверглась критике, — отметил В. Леонтьев, — за самоустранение от прямого участия в решении практических задач»¹. Он утверждал, что «некритическое увлечение математическими формулами часто ведет к тому, что за внушительным фронтом алгебраических символов скрываются легковесные положения, с точки зрения сущности предмета»².

Отмечая, что от эмпирической достоверности допущений зависит полезность всего расчета, Леонтьев с горечью оценивал состояние экономической мысли в США: «Есть что-то скандальное в зрелище, которое представляет такое большое количество людей, занятых оттачиванием анализа экономических ситуаций, относительно которых у них нет никаких оснований полагать, что они когда-либо будут иметь место в действительности. Это неудовлетворительное состояние дел, в котором есть даже что-то бесчестное»³.

Характеристика, данная Леонтьевым состоянию дел в господствующем направлении экономической науки, остается актуальной. Творец монетаристской концепции Милтон Фридман подтвердил, что экономисты неоклассического направления отдадут все больше сил совершенствованию своего математического инструментария, видя в этом конечную цель, вместо того, чтобы озаботиться применением моделей для исследования реальных процессов в экономике⁴.

В 1992 г. правительство Е. Т. Гайдара работало в режиме пожарной команды, но ему удалось главное: была преодолена экономи-

¹ Леонтьев В. Теоретические допущения и ненаблюдаемые факты // США: экономика, политика, идеология. 1972. № 9. С 101.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 102.

⁴ См.: Brittan S. Milton Friedman, economist, dies aged 94 // Financial Times. 2006. Nov. 16.

ческая система, построенная на устранении частной собственности. Спустя 15 лет стало очевидным, что школа Е. Т. Гайдара до сих пор не восприняла мировой опыт государственного регулирования рыночного хозяйства и не ставит перед собой задачу разработки стратегии экономического развития страны.

Ведущие центры экономической науки в России не разработали стратегии использования рыночных рычагов воздействия на темпы и пропорции развития российской экономики для решения социальных проблем. Есть лишь понимание того, что экономика больна и нуждается в лечении.

Будущее России во многом зависит от того, сумеет ли Правительство Федерации грамотно воспользоваться внешнеэкономической конъюнктурой первой четверти XXI в. для создания привлекательных условий притоку капитала в обрабатывающую промышленность, строительство и сельское хозяйство.

12

Что будет с Россией?¹

По материалам Модернизация России: условия, предпосылки, шансы / Сборник статей и материалов; под ред. В. Л. Иноземцева. М. : ЦИПО, 2009.

Выпуск 1. Стратегические проблемы модернизации. 240 с.

Выпуск 2. Социальные аспекты модернизации. 272 с.

Каковы нынешний статус России в мировом сообществе — уровень социально-экономического и политического развития, пути, средства, механизмы его повышения; как изменилась наша страна за последние 20 лет, каким видится ее будущее в мировом контексте в обозримой перспективе? Так можно обозначить стратегические вопросы, нашедшие экспертно-аналитическое отражение в рецензируемом сборнике. Всего в двухтомник вошло шесть докладов, специально подготовленных для обсуждения в Центре исследования постиндустриального общества (ЦИПО).

Сборник открывается докладом научного руководителя ЦИПО, доктора экономических наук Владислава Леонидовича Иноземцева «Что такое модернизация и готова ли к ней Россия?» [1, с. 5—82]. Трактовку понятия модернизации в этом докладе можно охарактеризовать одновременно как комплексную и узкую. Концепция автора подразумевает всю вертикаль обновления страны, начиная с технологической и организационной основы ее экономики, включая отраслевую структуру, и заканчивая изменениями в социальных отношениях и политической системе. В то же время по Иноземцеву понятие модернизации применимо к узкому кругу стран — это «процесс преодоления той или иной страной своего экономического и социального отставания от лидеров хозяйственного прогресса» [1, с. 10].

Получается, что автор отказывает в способности странам — лидерам хозяйственного развития к тотальному обновлению производительных сил и социально-политического устройства на базе

¹ МЭиМО. 2010. № 9. С. 112—121.

НТП. Между тем длительные тенденции в развитии конъюнктуры мирового хозяйства характеризуются сменой длинных волн в динамике экономики передовых стран. Восходящая волна отличается интенсивным использованием научно-технического потенциала, накапливаемого преимущественно в нисходящей волне. Во второй половине большого цикла падает отдача от применения техники предыдущих поколений, достигших фазы зрелости своего жизненного цикла и в значительной степени исчерпавших возможности дальнейшего совершенствования. Этот процесс, затрагивающий изменения в социальном и политическом укладах, описывается в рамках концепции больших циклов экономической конъюнктуры, получивших наименование Кондратьевских.

Можно предположить, что В. Л. Иноземцев обращается к проблеме модернизации, чтобы уйти от понятия догоняющего развития, которое политическое руководство России считает уничижительным для страны, поскольку подчеркивается ученический характер идущего за лидером. Эта версия подкрепляется утверждением В. Л. Иноземцева, что «отечественные политики, официальный курс которых предполагает создание «великой России», заведомо не приемлют игры на вторых ролях» [1, с. 77]. Между тем догоняющее развитие характерно не только для экономик, относительно недавно ставших на путь интенсивной индустриализации, но и большинства промышленно развитых стран (ПРС) по отношению к лидеру научно-технического и экономического прогресса, коим на протяжении уже 100 с лишним лет выступают США.

По-видимому, задача автора как организатора круглого стола состояла в том, чтобы сузить тему обсуждения и сопоставлять Россию не с развитыми экономиками, а с так называемыми новыми индустриальными странами (НИС), анализу опыта которых и возможности его применения в России участники круглого стола уделили значительное внимание. В частности, Виктор Александрович Красильщиков — ведущий научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации «третьего мира» ИМЭМО РАН, в докладе «Модернизация: Зарубежный опыт и уроки для России» [1, с. 83—160] отдельно рассматривает этапы модернизации в истории мировой экономики и опыт *догоняющих* модернизаций индустриальной эпохи. Имеется в виду опыт индустриализации крупнейших стран Латинской Америки и азиатских «тигров».

В. А. Красильщиков считает бессмысленным говорить о переходе России к *постиндустриальному* обществу, хотя круглый стол

происходил в ЦИПО. Как и В. Л. Иноземцев, он считает необходимым сосредоточиться на опыте «некоторых догоняющих модернизаций», поскольку перед современной Россией «реально стоит задача реиндустриализации», без которой невозможно построение «экономики инноваций» [1, с. 97].

В. Л. Иноземцев исключает возможность для России «встать в один ряд с ведущими странами Запада» [1, с. 36], на что надеется политическое руководство страны. Он утверждает, что «это ошибочная и рождающая завышенные ожидания точка зрения, реалистичность которой не подтверждается практикой» [там же]. Об отставании России от стран Запада можно, в частности, судить по данным о производительности труда. Согласно оценке Иноземцева, добавленная стоимость (млн руб. в расчете на одного человека, 2005 г.) составила в США 2,9; в ЕС — 2,4, а в России — всего 0,3, т.е. почти на порядок меньше. Автор утверждает, что «впереди у нашей страны не постиндустриальное будущее, а перспектива новой индустриализации»¹.

Завышенные представления о возможностях догоняющей страны возникают всякий раз, когда она существенно превосходит лидера по темпам экономического роста. В России советского периода такое искушение возникало дважды. Впервые лозунг «догнать и перегнать Америку» был выдвинут в 1930-х гг., когда в СССР ценой крайнего напряжения сил и людских потерь осуществлялась интенсивная индустриализация, а США переживали Великую депрессию. Головокружение от успехов обернулось крупными неудачами в финской кампании зимой 1939—1940 г., а затем — катастрофическими потерями от ударов вермахта в 1941 г.

В середине 1950-х гг. вновь складывается ситуация значительного превосходства СССР по сравнению с США в темпах экономического роста. С той, однако, разницей, что СССР только завершал восстановление разрушенного войной хозяйства, а США продолжали его наращивать после удвоения экономического потенциала за время Второй мировой войны. Оптимистические ожидания подогрело то, что в 1957 г. СССР опередил США в запуске спутника Земли. В этой обстановке рождаются планы в три этапа выиграть экономическое соревнование с США.

Первый этап должен был завершиться достижением в СССР уровня США по общему объему производства, второй — по выпус-

¹ *Иноземцев В. Л.* Работаем мы неэффективно // Известия. 2009. 14 июля. С. 8.

ку продукции на душу населения. Третий этап, как предполагалось, должен был обеспечить существенное превосходство СССР по уровню экономического развития. На каждый этап отводилось по пятилетке, потом пятилетку откорректировали в семилетку, считая, что задача будет выполнена за 20 лет, к 1980 г., и ознаменует вступление страны в эпоху коммунизма. На самом деле уже во второй половине 1970-х отставание экономики СССР от экономики США стало не сокращаться, а увеличиваться. Гонка вооружений сопровождалась в СССР деградацией гражданской обрабатывающей промышленности, что завершилось поражением в холодной войне и распадом СССР.

Смена социально-политической системы и переход от централизованного планирования к современной рыночной системе хозяйства в России сопровождались в 1990-х гг. крахом большей части предприятий гражданской обрабатывающей промышленности, выпускавших неконкурентоспособную продукцию. Гораздо раньше, к 1975 г., выявилось перепроизводство военной техники и последовало снижение ее выпуска. Ситуация в российской экономике в 1990-х гг. усугубилась неблагоприятной конъюнктурой на мировом рынке для основных товаров российского экспорта.

В первом десятилетии XXI в. вновь складывается иллюзия превосходства России по темпам экономического роста по сравнению с США и другими ПРС. ВВП России к началу 2008 г. лишь вернулся к уровню 1990 г., тогда как США и большинство ПРС существенно превзошли свои показатели почти 20-летней давности.

Следует добавить, что обрабатывающая промышленность России по объему выпуска достигла лишь 60% уровня 1990 г. Успехи России во многом объясняются благоприятными условиями реализации на мировых рынках продукции добывающих отраслей. Иначе говоря, экономический рост не имел основанием действительное улучшение хозяйственной деятельности, а добавка к ВВП представляла собой то, что в английском языке обозначается термином *windfall profit* (незаработанная прибыль). Доля сырьевых товаров в российском экспорте, по данным Министерства финансов РФ, за 2001—2007 гг. выросла с 67,1 до 84,2% [1, с. 62].

О состоянии российской экономики нагляднее всего свидетельствует существенный износ основных фондов в российской промышленности, достигающий 50% и более. Этот показатель не меняется в лучшую сторону на протяжении многих лет, т.е. процесс модернизации в российской промышленности если и идет, то на-

столько медленно, что не компенсирует процесса деградации материально-технической базы. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС наглядное тому подтверждение.

Авторы третьего доклада «Технологическая модернизация промышленности России», аналитики журнала «Эксперт» Д. С. Медовников (зам. главного редактора), А. А. Виньков, И. Н. Имамудинов, А. Г. Механик, С. Д. Розмирович анализируют ситуацию в ряде отраслей. Разделы доклада озаглавлены: «Нефтяная и газовая промышленность», «Угольная промышленность», «Химическая промышленность», «Черная металлургия», «Цветная металлургия», «Машиностроение» и отдельно «Электронная промышленность» [1, с. 161—225].

Нефтегазовый комплекс назван в докладе хребтом российской экономики. Согласно приводимым данным, на него приходится около четверти ВВП и около 50% налоговых поступлений [1, с. 165]. В. Л. Иноземцев приводит данные Министерства финансов РФ от 2008 г., свидетельствующие, что за шесть лет доля нефтегазовой составляющей в бюджетных доходах повысилась с 31 до 54% [1, с. 62].

Однако хищническая эксплуатация природных недр не способствует укреплению «хребта». В докладе, посвященном технологической модернизации промышленности, отмечается отставание в области геологоразведки и освоении новых месторождений. Недропользователи обрабатывают лишь наиболее привлекательные части месторождений. В трактовке Иноземцева: «В упоении финансовыми показателями российские компании совершенно пренебрегли реальными результатами своей деятельности. Рост производства в 2007—2008 годах практически затух даже в нефтяной и газовой отрасли» [1, с. 59].

За рубежом методы увеличения нефтеотдачи (МУН) обеспечили увеличение на 40% мирового объема извлекаемых запасов. В России использование МУН за 15 последних лет «было практически полностью свернуто» [1, с. 166]. Плоская шкала налога на добычу природных ископаемых (НДПИ) «снижает стимулы к разработке сложных месторождений или их участков» [1, с. 167]. К сожалению, это единственный в докладе о технологической модернизации намек на то, что изменение налоговой политики может послужить рычагом модернизации промышленности. В других разделах данного доклада анализ носит преимущественно инженерно-

12. Что будет с Россией?

технический характер без вскрытия экономических причин технологического отставания.

Нет ответа на вопрос, почему богатые нефтедобытчики не заинтересованы вкладывать деньги в нефтепереработку. В докладе отмечается, что пять из ныне действующих нефтеперерабатывающих заводов были запущены до 1940 г. Лишь шесть из них были введены в строй после 1960 г. Глубокая переработка нефти составляет в России чуть более 20% общего объема по сравнению с 73% в США [1, с. 178]. Не удивительно, что качество подавляющей части продукции нефтепереработки не отвечает современным требованиям со всеми отрицательными последствиями для потребляющей ее техники и окружающей среды. Российская химическая промышленность, как подчеркивается в докладе, все еще использует экологически опасные и энергоемкие технологии [там же].

При характеристике состояния черной металлургии основное внимание обращено на российское отставание в области прокатного производства. В частности, отмечается, что ряд прокатных станов работает более 30 лет, тогда как за рубежом строят более высокопроизводительные и технологичные современные станы [1, с. 182]. Вместе с тем нет прямого разговора о производстве высокопрочных сталей — основного конструкционного материала для современного машиностроения. Лишь упоминается, что спрос на мягкие низкоуглеродистые стали имеет тенденцию к интенсивному сокращению. Их доля в спросе может снизиться с нынешних 60 до 24% в 2015 г. [1, с. 183].

В июле 2009 г. в российской печати с большим воодушевлением писали, что Выксунский завод Объединенной металлургической компании успешно выполняет технически сложный заказ на поставку труб большого диаметра для подводного газопровода «Северный поток» (*Nord Stream*). В частности, для участка на выходе из компрессорной станции под Выборгом требуются трубы толщиной стенки 41 мм, способные выдержать давление 200 атмосфер. Труб с такими характеристиками в нашей стране никто ранее не производил. Примечательно, однако, что металл соответствующих характеристик для производства труб закупается у иностранных, а не у отечественных партнеров¹.

¹ См.: Пантелеев И. ОМК поставила 200 тысяч тонн труб для проекта *Nord Stream* // Известия. 2009. 14 июля. С. 7.

Российское машиностроение отличает почтенный возраст не только основных фондов, но и персонального состава. Средний возраст сотрудников перевалил за 50 лет [1, с. 192]. Большинство машиностроительных предприятий работает на оборудовании, изношенном на 75—80% [1, с. 232]. Доля машиностроительной продукции в общем объеме производства промышленности (обрабатывающей) составляет 20% против 40% — в Китае, 46% — в США и 54% — в ФРГ [1, с. 192]. Указывается, что в советский период доля продукции машиностроения в экспорте составляла 15—20%, тогда как сегодня она не превышает 6—8% [там же].

Данные по экспорту нуждаются в комментарии, ибо дело не только в снижении конкурентоспособности, о причинах которой говорится далее в докладе. И в советские времена лишь 10—12% машиностроительной продукции были конкурентоспособны, по оценке Министерства внешней торговли СССР. Более высокие показатели доли продукции машиностроения в советском экспорте в значительной мере следует отнести на счет клиринговых условий расчета со странами СЭВ и многими развивающимися странами. По клирингу эти страны принимали наши неконкурентоспособные машины и оборудование, а расплачивались за них поставками своих товаров, которые также не находили спроса в ПРС.

Другим способом поддержки экспорта техники была ее поставка на условиях долгосрочного кредита под низкие проценты, долги по которым оставались невозвращенными. Эта схема во многом напоминала централизованные поставки техники советским колхозам.

При экспорте машин в ПРС использовались весьма затратные и неэффективные методы их переоснащения. В этих целях за рубежом специально создавались предприятия, которые заменяли неконкурентоспособные узлы техники советского производства на комплектующие компоненты, изготовленные в ПРС. Следует также сказать, что в российском экспорте доля продукции не только машиностроения, но и многих других отраслей, как в свое время и в советском, имеет тенденцию снижаться, когда повышаются цены на нефть.

В докладе весьма подробно анализируются причины отставания в модернизации станкостроения, важнейшие из которых являются общими для машиностроения в целом. Первой причиной назван интенсивный рост применения в передовых странах электроники, робототехники, информационных и компьютерных тех-

нологий [1, с. 208]. При характеристике нынешнего состояния электронной промышленности России как отрасли в докладе утверждается, что «ее попросту нет» И поясняется, что от 90 до 95% электронных компонентов в новейшей российской технике иностранного происхождения [1, с. 218].

На второе по значению место в докладе ставится использование в передовых странах новых материалов с повышенными физико-химическими свойствами [1, с. 209] и в то же время отмечается, что современные технологии и материалы в России не востребованы. Страна является крупнейшим в мире производителем цветных металлов, но основная часть продукции находит спрос за рубежом. Доля России в мировом экспорте в 2007 г. составляла по алюминию — 11%, никелю — 20% и титану — 35% [1, с. 185]. При больших масштабах производства российская цветная металлургия значительно уступает по техническому уровню конкурентам в ПРС. Ее характеризуют высокие показатели выброса загрязняющих веществ, повышенная (на 7—10%) материалоемкость и на 15—25% — энергоемкость, а также в 2—2,5 раза, — трудоемкость продукции [1, с. 230].

Авторы доклада о состоянии российской промышленности приходят к выводу, что «все последние 20 лет мы бездарно теряли время» [1, с. 226]. «Россия оказалась в опасной зоне. Она быстро смещается по сумме технологий из пограничной зоны в технологически депрессивную зону, где она может только имитировать устаревшие технологии» [1, с. 235]. Получается, что в экономической политике России не нашлось должного места нуждам гражданской обрабатывающей промышленности. В. Л. Иноземцев видит причину этого в доминирующем лоббистском влиянии представителей сырьевых отраслей. «Промышленность [обрабатывающая] либо подчинена интересам сырьевого сектора, либо остается маргинальным игроком в российской экономике... продуманная модернизационная парадигма в России пока отсутствует» [1, с. 62].

Российская власть не склонна признавать своих ошибок в экономической политике. В. Л. Иноземцев считает серьезным пороком «нежелание государства нести ответственность за происходящее» (1, с. 59) и утверждает, что безнаказанность «чиновников, не столько нарушающих правила игры, сколько устанавливающих и меняющих правила по собственному усмотрению... ставит жирный крест на любых попытках модернизации» [1, с. 60]. «Риторика последних лет, продолжающаяся и по сей день, — заявляет он — на-

правлена преимущественно на убеждение граждан в том, что ситуация улучшается и будет улучшаться в рамках проводимого курса» [1, с. 80].

Социальные последствия примитивизации отраслевой структуры российской промышленности, включая снижение доли наукоемкой продукции в ее обрабатывающей составляющей, достаточно очевидны. Во-первых, в сырьевых отраслях занято менее 2% экономически активного населения, а распределение добывающих предприятий по территории страны весьма неравномерно. Следовательно, важнейшая социальная задача обеспечения занятости населения не может решаться за счет развития добывающей промышленности. Во-вторых, в добавленной стоимости продукции добывающих отраслей преобладают доходы от капитала, а не трудовые доходы. Это является важным фактором неравномерности распределения личных доходов. В-третьих, уровень заработной платы в обрабатывающей промышленности снижается относительно среднего показателя по экономике. В 2000 г. он составлял 106%, а к 2006 г. уменьшился до 96% [2, с. 62].

Российская обрабатывающая промышленность не выполняет свою социальную и экономическую функцию: способствовать развитию нации на основе роста спроса на высокообразованную и высококвалифицированную рабочую силу и служить основой для модернизации всего народного и домашних хозяйств. В-четвертых, быстро растет бюрократический аппарат. Без учета силовых министерств и ведомств персонал органов государственной власти вырос за период с 1995 по 2006 г. почти в полтора раза, с 1061,8 тыс. до 1577,2 тыс. человек [2, с. 154]. Страна превращается в рантье, и, как следствие, снижается профессиональный уровень основной части трудоспособного населения, увеличивается неравномерность распределения личных доходов и разница в доходах относительно благополучных и дотируемых регионов.

В докладе «Территориальный ракурс модернизации» [2, с. 177—272]. Н. В. Зубаревич, доктор географических наук, профессор МГУ, директор региональной программы Независимого института социальной политики (НИСП), отмечает некоторое увеличение занятости экономически активного населения в начале XXI в. Она сравнивает 2006 г. с 1998-ым. При этом Н. В. Зубаревич подчеркивает, что увеличивается разрыв в норме безработицы между регионами с лучшими и худшими показателями (по 10 регионов с каждой стороны). В 1998 г. разрыв выражался коэффициен-

12. Что будет с Россией?

том 2,9, а в 2006-м он повысился до 6,4 [2, с. 202]. Речь в данном случае идет об официально зарегистрированной безработице. На самом деле значительная часть населения вынуждена соглашаться на низкооплачиваемую работу, довольствоваться случайными заработками из-за отсутствия лучших возможностей для трудоустройства. Норма так называемой латентной безработицы оценивается в 30% трудоспособного населения страны [2, с. 133].

Огромные и продолжают расти региональные различия Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). Величина ИРЧП отражает размер ВВП (или ВРП — валового регионального продукта) на душу населения, ожидаемую продолжительность жизни при рождении и уровень образования. В 2005 г. Россия занимала по данному показателю 67-е место в мире. При этом Москва по ИРЧП сопоставима с Чехией, Тюменская область — с Венгрией, С.-Петербург — с Болгарией, Тува — с Монголией [2, с. 221]. В 2000 г. ВРП Ингушетии в расчете на душу населения был в 26 раз ниже показателя Тюменской области, а в 2006 г. разрыв стал 46-кратным [2, с. 190—191]. Ожидаемая продолжительность жизни в 2006 г. достигла в Москве 71,8 года, в нефтегазовых округах Тюменской области, несмотря на неблагоприятные природные условия, приблизилась к 69 годам при среднем по стране показателе в 66,6 года. В Туве и в районах проживания народов Севера ожидаемая продолжительность жизни мужчин не превышает 46—50 лет против 60 лет для мужчин в среднем по стране [2, с. 216—217].

По оценке автора доклада, в регионах, обладающих значительными ресурсами для модернизации, живет четверть населения России, в аморфных «средняках» — почти $\frac{2}{3}$, а в слаборазвитых регионах — 10—15% [2, с. 218]. «Срединная группа (регионов) постепенно отстает от лидеров» [2, с. 191]. «Половина регионов имеет показатели душевых инвестиций менее 50% от среднего — по стране» [2, с. 196].

Во всем мире крупные города играют роль центров модернизации экономики и человеческого капитала. В России в городах-миллионниках в 2006 г. проживало 20% населения, и на них приходилось 24% инвестиций [2, с. 224], но, по оценке Н. В. Зубаревич, они «задавлены существующей системой налогообложения, недостаточностью имеющихся у них полномочий... для инвестиций в человеческий капитал и инфраструктуру» [2, с. 260].

В докладе Н. В. Зубаревич, как и у других участников круглого стола, значительное внимание уделяется зарубежному опыту мо-

дернизации, но акценты в части того, что из этого опыта следует воспринять, чтобы обеспечить успешную модернизацию России, у нее отличаются. Рассуждая о том, какова должна быть роль государства, чтобы сдвинуть с мертвой точки процесс модернизации, автор на первое место ставит совершенствование инвестиционного климата при том, что основную роль должны играть частные капиталовложения [2, с. 258]. Происходящее ухудшение инвестиционного климата в России увязывается с ростом налоговой нагрузки [2, с. 197]. Автор отмечает, что «политика прямого субсидирования предприятий и отраслей... доказала свою неэффективность» [2, с. 249].

Со знаком минус автор оценивает тот факт, что «российское государство ведет себя как рыночный инвестор» [2, с. 197], ибо оно усугубляет существующий отраслевой и региональный дисбаланс инвестиций. В докладе содержится критика увлечения российским Правительством административными методами управления экономикой без должного использования материальных стимулов. Отмечается низкая эффективность программ, «навязываемых сверху административными методами» [2, с. 246].

Попытки административного выделения конкретных отраслевых и региональных приоритетов автор считает бессмысленными даже в среднесрочной перспективе в условиях быстро меняющихся технологий [2, с. 262]. Она предостерегает от риска осуществления государством «больших проектов» в виду его слабости и коррумпированности (там же).

В докладах других участников представлено иное видение роли государства в обновлении России на базе использования НТП и международного разделения труда. В. Л. Иноземцев, в отличие от Н. В. Зубаревич не считает бессмысленным, а, напротив, полагает главной задачей государства определение приоритетных направлений развития [1, с. 21]. Более того, он утверждает, что модернизация не может проходить в спокойных условиях, а требует мобилизации ресурсов на выбранных направлениях. Таким образом, задача видится не в создании благоприятных условий для предпринимательской и трудовой деятельности в обрабатывающей промышленности, а в усилении административного диктата над экономикой. Такого рода рекомендации вытекают из анализа весьма противоречивого опыта НИС. Как будто отечественного опыта недостаточно, чтобы предостеречь против мобилизационного характера модернизации.

Большевики журили Петра Великого за варварские методы борьбы против варварства в XVIII в., но умудрились не менее варварскими методами осуществлять индустриализацию в XX в., основательно подорвав жизненные силы российской нации. Нынешнее руководство России склонно все больше оглядываться на советский опыт администрирования экономики, поворачивая ее в сторону государственного капитализма. В качестве безусловного приоритета по масштабам выделяемых бюджетных средств вырисовывается задача восстановления могущества военно-промышленного комплекса. В этом контексте призывы экспертов к мобилизации могут быть восприняты властью. Но встает вопрос, насколько осуществим мобилизационный сценарий в России XXI в., а в случае реализации не будет ли иметь роковых последствий для судеб страны, в которой власти так долго приносили в жертву свой народ во имя светлого будущего.

Авторы доклада, посвященного социальному аспекту (контексту) модернизации [2, с. 5—100], Т. М. Малева (директор НИСП) и Л. Н. Овчарова (доктор экономических наук, директор научных программ НИСП) видят смысл не в социальной ориентации модернизации. Они утверждают, что ее целью должно быть формирование «сильной в экономическом, политическом, военном, научном и иных отношениях страны» [2, с. 7]. Интересы развития нации, да и то в усеченном виде (рост благосостояния населения), занимают в их формулировке подчиненное (с предложением «при») место.

В заслугу авторам можно поставить их критическую оценку мобилизационного сценария. Упомянув, что «задача догоняющего развития... не сходит с повестки дня [России] со времен Петра Первого», они находят общую черту у предпринимавшихся попыток: «Россия начинает модернизационные изменения в большинстве случаев по мобилизационному сценарию, затем следуют релаксация, застой, сворачивание» [2, с. 17].

В чем может заключаться мобилизационный сценарий для современной России, следует из оценки В. Л. Иноземцевым опыта быстрой индустриализации стран Азии, так называемых тигров. Первым условием модернизации он называет низкий уровень жизни, позволяющий экономить на оплате труда и обеспечивать высокую норму сбережений в ВВП, а в качестве меры сдерживания заработной платы предлагается иммиграция дешевой рабочей силы [1, с. 24—25, 31—32]. Автор, по-видимому, не замечает, что это условие в значительной мере осуществлено в современной России с

нулевым результатом для модернизации. Норма сбережений в России существенно выше нормы вложений в основные фонды. Капитал убогаст из страны. Да и зачем вкладываться в дорогую технику, когда есть дешевая рабочая сила?

Важной особенностью начального этапа индустриализации, на опыт которого ссылается автор, был его экстенсивный характер. С 1950 по 1980 г. на Тайване среднегодовой темп прироста ВВП составил 9,4%, а соответствующий показатель прироста производительности труда — всего 2,6%. В Южной Корее аналогичная пара показателей была 10,3 и 1,2%, а в Сингапуре — 8,7 и 0,2%. Основную часть прироста ВВП дало увеличение числа работников в промышленности. Оно происходило за счет притока рабочей силы из сельского хозяйства. Об этом свидетельствует рост доли труженников в индустриальном секторе. Так, в промышленности на Тайване в 1952 г. было занято 17% рабочей силы, а в 1993 г. — уже 40% [1, с. 32].

Дешевизна рабочей силы в начальный период модернизации НИС, как отмечается в докладе В. Л. Иноземцева, сделала их привлекательными для превращения в «сборочные цехи Запада» [1, с. 29]. Низкие темпы прироста производительности труда были связаны с тем, что передовая техника, с помощью которой достигается сбережение труда и соответственно растет его производительность, стоит дорого, и ее выгодно применять при высокой стоимости рабочей силы. К такому выводу приходит В. А. Красильщиков, опираясь на опыт латиноамериканских модернизаций: «Деревня была своего рода резервуаром, который обеспечивал растущую промышленность и сферу услуг в городах дешевой рабочей силой, что, конечно же, не способствовало технологичному обновлению предприятий и внедрению новых принципов управления» [1, с. 104].

К вопросу о роли дешевой рабочей силы В. Л. Красильщиков вновь возвращается, подводя итоги модернизации Бразилии под эгидой авторитаризма в период с 1968 по 1975 г. Тогда «осуществлялась технократическая идея, что научно-технические успехи экономики зависят в первую очередь от масштабов развития науки, технологических разработок и подготовки специалистов. Но, поскольку в избытке имелась дешевая рабочая сила, предпринимателям часто было выгоднее нанимать ее, чем внедрять научно-технические достижения» [1, с. 115]. В этом контексте примечательно утверждение В. Л. Иноземцева в упомянутой статье в «Известиях» о том, что модернизация в России должна состоять «не в развитии

собственного технологического сектора, а в создании механизма усвоения технологий нашей промышленностью»¹. Весьма примечательно превращение формулы «механизма усвоения» в «механизм принуждения к инновациям», для чего, по установке автора, необходимо «проявить волю к жесткому государственному регулированию»².

Вторым условием успеха модернизации по Иноземцеву является распределение государством ресурсов в пользу выбранных им направлений. Это автор называет моделью эффективного управления, считая ее альтернативой демократии [1, с. 46] в том смысле, что, по его мнению, демократия хороша после завершения процесса модернизации. Либеральная демократия в современной России, утверждает он, «не только зажимается властью, но и не востребована значительной частью населения» [1, с. 48]. Автор ссылается на опыт Японии, у которой в конце 1990-х гг. на регулируемые государством отрасли приходилось 50,4% ВВП. В США эта доля равнялась 6,6%. В Южной Корее за 10 лет промышленного бума, с 1974 по 1984 г., доля ВВП, производимого 10 крупнейшими южнокорейскими корпорациями, возросла с 15,1 до 67,4% [1, с. 26]. Иначе говоря, распределение ресурсов в соответствии с избранными государством направлениями ведет к тому, что правительство назначает промышленных лидеров и выращивает из них монополистов.

Утрата эффективности государственного регулирования экономики на определенном этапе индустриализации, которую отмечает в своем докладе В. Л. Иноземцев, опираясь на опыт азиатских стран [1, с. 33], а В. А. Красильщиков — на опыт латиноамериканских лидеров индустриализации, имеет одну общую черту: успехи заканчиваются, когда контроль над экономикой захватывают взращенные государством монополии. Негативное влияние сырьевых монополий на экономическую политику в России уже отмечалось. Однако в докладе «Государство и модернизация: механизмы интеграции» [2, с. 101—176] обосновывается целесообразность «административных монополий... по тем направлениям деятельности, по которым предполагается осуществление научного, технологического, производственного прорыва» [2, с. 170]. Авторами тезиса о полезности административных монополий выступили Н. А. Кричевский (доктор экономических наук, профессор Российского госу-

¹ Иноземцев В. Л. Указ. соч. С. 8.

² Там же.

дарственного социального университета) и С. Н. Смирнов (доктор экономических наук, директор Института социальной политики и социально-экономических программ).

Речь идет прежде всего о государственных корпорациях, таких как РОСНАНО, Ростехнологии, организационные принципы которых подверглись в докладе заслуженной критике. Внимание авторов привлекли три положения, регулирующие деятельность госкорпораций. Первое: «имущество и денежные средства, переданные им государством как учредителем, перестают быть объектом государственной собственности». Второе: «не предусмотрены механизмы правового регулирования деятельности корпораций». Третье: «законодательством установлены необоснованно низкие требования в отношении контроля учредителя за выполнением корпорацией возложенных на нее функций» [2, с. 173]. Кроме того, авторы отмечают, что федеральные законы о госкорпорациях не предусматривают «никаких фиксированных процедур и критериев оценки деятельности руководителей и наблюдательных советов [корпораций]». Представляются обоснованными опасения авторов относительно того, что отсутствие должного контроля над деятельностью госкорпораций «может привести к частичной и даже полной утрате финансовых ресурсов... и имущества», которые они получили от государства [2, с. 144]. Тем не менее авторы считают, что положение можно исправить путем устранения «юридических недоработок» [2, с. 173].

Они предлагают усовершенствовать управление со стороны государства процессом модернизации через административные монополии путем формирования на базе государственных корпораций и государственных компаний и с возможным подключением частных предприятий «модернизационных консорциумов». Создание консорциумов, по мысли авторов, «привнесет ощутимый мобилизационный эффект, что положительно скажется на структурной перестройке приоритетных отраслей экономики» [2, с. 174].

Итак, административная мобилизация ресурсов под эгидой государства на избранных им направлениях для того, чтобы осуществить ускоренную модернизацию промышленности и страны в целом, — вот лейтмотив большинства участников круглого стола в ЦИПО в феврале 2009 г.

Своего рода круглый стол по проблемам модернизации России решила организовать газета «Известия», начав публикацию серии статей по этой наболевшей проблеме. Вслед за упоминавшейся

12. Что будет с Россией?

статьей В. Л. Иноземцева газета опубликовала интервью своего обозревателя Сергея Лескова с академиком РАН Юрием Сергеевичем Пивоваровым. Академик Ю. С. Пивоваров не экономист, но, что очень важно в контексте проблемы модернизации страны, специалист по истории политической мысли в России. Для русской политической традиции характерно выстраивание и укрепление вертикали власти, существо которой Ю. С. Пивоваров образно характеризует словами императора Павла I: «В России нет важных лиц, кроме тех, с кем я говорю и пока я с ними говорю». Ю. С. Пивоваров считает, что самодержавие и коммунистическая система — это «разные типы в принципе одной политической школы».

Он имеет в виду школу, которая сложилась под влиянием византийской и золотоордынской властных систем и принципом которой является «минимальная роль общества и максимальная — власти». По существу и нынешняя система управления в России развивается в тех же традициях. По словам Ю. С. Пивоварова, «Ленин — ключевая фигура русской истории... создал строй, который никуда не ушел, только эволюционировал»¹.

Сторонники мобилизационного сценария модернизации под флагом модели эффективного управления, по существу, рекламируют авторитарные методы управления экономикой. Ю. С. Пивоваров считает по этому поводу, что попытки поднять на щит Сталина как «эффективного менеджера», скрыв тот факт, что «и в 1953 г. жизнь в России была страшной, бедной и варварской... есть главная угроза для России и главная помеха на пути ее выздоровления»².

Ю. С. Пивоваров привел статистические данные, согласно которым 20% российского населения ориентировано на демократические ценности и инновационную экономику. Академик находит этот показатель высоким, свидетельствующим о прогрессивных изменениях в общественных настроениях и вселяющим определенную уверенность в демократизации России. Именно самостоятельность и инициатива народа может быть прочной основой обновления России. «Если русские люди не захотят жить иначе, чем живут сейчас, ничего не изменится — никакой модернизации, не смотря на все призывы, не произойдет»³.

¹ Пивоваров Ю. С. Россия — это первая попытка построения цивилизации на Севере // Известия. 2009. 16 июля. С. 5.

² Там же.

³ Там же.

Если перевести этот тезис Ю. С. Пивоварова на язык экономистов, то речь идет о создании благоприятного климата для трудовой и предпринимательской деятельности, соответствующем изменении, прежде всего в налоговой политике. К сожалению, анализ зарубежного опыта НИС в рецензируемом сборнике ограничивается странами Азии и Латинской Америки и не касается опыта успешного развития западноевропейского «кельтского тигра».

Ирландия за короткий промежуток времени (с 1993 по 2003 г.) понизила ставку налога на прибыли предприятий с 40 до 12,5%. Страна, в недалеком прошлом страдавшая от голода, уже в обозначенном десятилетии удвоила среднегодовые темпы прироста ВВП по сравнению с предшествовавшим десятилетием. Менее чем за 20 последних лет была создана современная обрабатывающая промышленность, выпускающая и экспортирующая наукоемкую продукцию, а ВВП на душу населения стал одним из самых высоких в мире.

У России есть возможность резко снизить ставки налогов на доходы, стимулировав тем самым трудовую активность, частную предпринимательскую инициативу, конкуренцию в самых массовых масштабах, и подорвать коррупцию, базирующуюся на монополизме. Речь не должна идти о поощрении бизнеса за его размер, ибо малый бизнес не всегда находит себе применение в общественно полезной деятельности. Кроме того, под маской мелкого предпринимателя нередко скрываются денежные воротилы, имеющие цель «оптимизировать» свои отношения с налоговыми органами.

Поощрять нужно всех, кто превращает сырье в готовую продукцию, включая все технологические этапы этого превращения, даже если продукция обрабатывающей промышленности не идет на экспорт, а удовлетворяет внутренний спрос. Нужно стимулировать не только отрасли обрабатывающей промышленности, создающие передовую технику, но и те, что ее применяют. Главный макроэкономический эффект связан именно с массовостью применения передовой техники. В этом основа обеспечения высокоэффективной и высокооплачиваемой занятости и благосостояния во всех, а не только в избранных регионах и тем более зонах страны.

Задачу наполнения государственного бюджета следует реализовать путем перенесения бремени налогов на ресурсы. Ресурсы станут дороже, но это будет способствовать их экономному и рациональному использованию, а также защите и улучшению окружающей среды на базе передовой техники. Ставка на обеспечение

конкурентоспособности на базе дешевых ресурсов бесперспективна. Она делает невыгодным применение передовой техники. Экономика окажется неподготовленной к переходу на гораздо более высокий уровень цен на ресурсы не только на мировом, но и на внутреннем рынке. Уже в ближайшие десятилетия мир будет все острее испытывать ограниченность природных ресурсов. Ставка на экономику знаний требует огромных затрат на повышение и сохранение человеческого капитала, поэтому страховые взносы необходимо повышать, чтобы обеспечить финансирование общедоступных и высокого качества услуг в области образования, здравоохранения и социального обеспечения.

Завершая тему модернизации в предложенном контексте, есть потребность вновь вернуться к интервью академика Ю. С. Пивоварова газете «Известия», в котором он сказал: «Страна вступила в один из самых сложных по критичности угроз периодов своей истории. По скорости падения численности населения мы находимся на одном из первых мест в мире. У нас нет геополитических союзников, технологическое отставание усиливается, наука и образование слабеют, а промышленное производство не растет»¹.

В сжатом виде это точное описание того, что происходит с Россией. Есть основание полагать, что власть, по крайней мере часть ее представителей, приходит к осознанию того, что вопреки разговорам о модернизации Россия не адаптируется к новым требованиям, от чего зависит ее выживание как национальной общности в исторически короткие сроки. Ю. С. Пивоваров говорит, что спасение России произойдет «не по велению властей». Хотелось бы уточнить, что от властей многое зависит и не только потому, что иное противоречило бы русской политической традиции. Современное государство перераспределяет значительную часть ВВП через бюджет и может самым радикальным образом влиять на процессы в экономике, изменяя соотношение и структуры его доходной и расходной частей.

В России до кризиса, начавшегося в 2008 г., доходная часть бюджета составляла порядка 40% ВВП, а расходная — примерно 30%. Такое соотношение доходов и расходов в государственном бюджете уникально. Оно связано с курсом Правительства на обуздание инфляции путем стерилизации денежной массы. Такой курс на практике привел к стерилизации обрабатывающей промышлен-

¹ Пивоваров Ю. С. Указ. соч. С. 5.

ности. У предприятий обрабатывающей промышленности не хватает средств на модернизацию и увеличение выпуска продукции, без чего не победить инфляцию. Им необходимо помогать, поощрять улучшение качества продукции и эффективное использование ресурсов на основе модернизации своего производства, оставив им всю заработанную прибыль, тем более что она в данном случае будет связана не с природной, а с технологической рентой.

Вместо этого изъятые у предприятий доходы в виде налогов на прибыли расходовались на покупку иностранных ценных бумаг. Освобождение от налогов на прибыль — это более прямой и эффективный путь поддержки обрабатывающей промышленности, нежели попытки силой заставить банки кредитовать ее по более низким ставкам несмотря на высокие темпы инфляции. Еще более эффективной и демократичной такая форма поддержки представляется по сравнению с предоставлением субсидий избранным предприятиям.

Для того чтобы озабоченность властей состоянием народного хозяйства превратилась в эффективную экономическую политику, не нужно отгораживаться от интеллигенции барьерами при формировании представительных органов власти и разработке стратегии бюрократическими структурами. Необходимо дать возможность ученым активно участвовать в разработке политики страны, а не учинять политический контроль над формированием руководящих органов РАН.

Государственная политика в отношении наиболее массовых средств информации, коими являются немногие телевизионные каналы, чье вещание имеет общероссийский масштаб, не свидетельствует о желании разобраться в существе процессов, происходящих в стране и путях решения актуальных проблем развития на основе широкого обмена мнениями. Либо аналитические программы свертываются, либо их существо выхолащивается из-за приглашения экспертов, поддерживающих официальный курс Правительства.

13

Экономика России: итоги роста в контексте международных сопоставлений¹

Низкая конкурентоспособность обрабатывающей промышленности России стала причиной сокращения выпуска продукции в период перехода от централизованного планирования к современной рыночной модели экономики. Восстановление объема ВВП в первом десятилетии XXI в. не решило проблемы отставания России в экономическом и социальном развитии от передовых стран. Положение осложняется обострением конкуренции со стороны крупных развивающихся стран. Масштабы сжатия российской экономики в 2009 г. отражают слабость ее позиций в условиях глобализации.

На траектории отстающего роста

Если сопоставить российскую экономику на протяжении двух последних десятилетий с экономикой США, то станет очевидным, что отечественная экономика оставалась на траектории отстающего роста, несмотря на сравнительно высокие темпы в первом десятилетии XXI в.

Таблица 13.1. Среднегодовые темпы прироста (СГТП) ВВП (%) и базовый индекс ВВП (ИВВП) (1990 г. = 100)

Показатель	Страны		
	Россия	США	КНР
СГТП (2001—2008)	6,5	2,1	10,0
ИВВП 2008	110	166	610
СГТП 2009	-7,9	-2,4	+8,7
ИВВП 2009	101	162	663

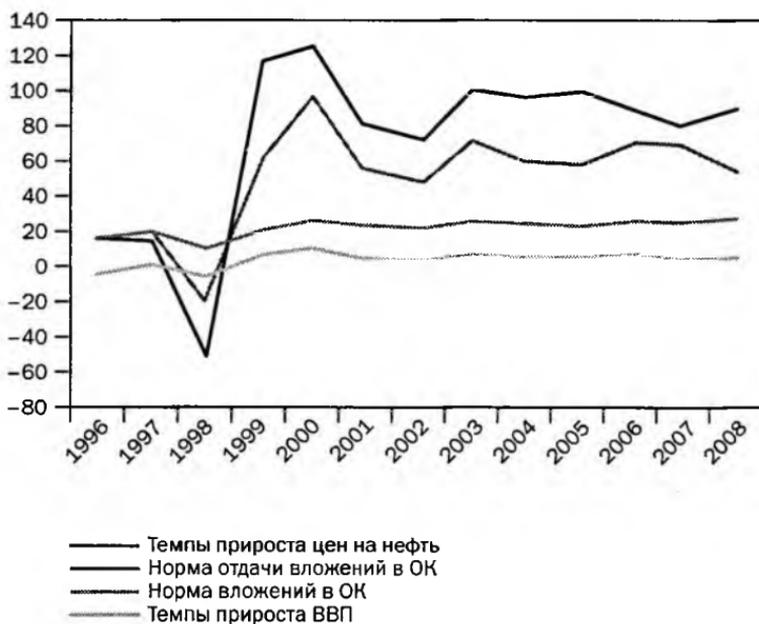
Источник: International Financial Statistics Yearbook. Wash. : IMF. 2000—2008; International Financial Statistics. Wash. : IMF. 2010. Feb. P. 342, 1082, 1344; The EU's neighbouring economies: emerging from the global crisis. Bruxelles: EC, DG ECFIN. 2010. Apr. P. 109; Салицкий А., Тацкий В. Китай увеличивает темпы экономического роста. ЦентрАзия, 2010. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1268634840>.

¹ Международная экономика. 2010. № 9. С. 16—25.

Данные табл. 13.1 свидетельствуют о том, что разрыв между Россией и США по объему ВВП за 1990—2008 гг. увеличился примерно в 1,5 раза, хотя среднегодовые темпы прироста ВВП в России в 2001—2008 гг. были втрое выше. Более глубокий характер сжатия российской экономики по сравнению с экономикой США в 2009 г. сделал разрыв величин ВВП еще более значительным.

Сравнительно быстрое восстановление объема ВВП в первом десятилетии XXI в., как и ранее, например после окончания Второй мировой войны, порождал завышенные ожидания будущего роста экономики страны. Необходима взвешенная оценка истоков ускоренной динамики, чтобы можно было получить адекватное представление о перспективах развития.

Анализ экономического роста России в соответствии с представленной формулой роста и данными диаграммы, а также табл. 13.2 указывают на низкую норму вложений в основной капитал.

Темпы, факторы и условия роста ВВП России, 1997—2008 гг.

Источники: International Financial Statistics Yearbook. Wash. : IMF. 2008; International Financial Statistics. Wash. : IMF. 2010. Feb. P. 71, 1082.

Формула роста:

$$\Delta GDP_t = \frac{VA_t}{CF_{t-1}} \times \frac{CF_{t-1}}{GDP_{t-1}} \times 100.$$

Таблица 13.2. Факторы роста ВВП в 2001—2008 гг.

Показатель, %	Страны		
	Россия	США	КНР
Норма вложений в ОК	18,9	19,3	38,2
Норма отдачи вложений в ОК	35,4	10,9	26,3

Источники: International Financial Statistics Yearbook. Wash.: IMF. 2008. International Financial Statistics. Wash.: IMF. 2010. Feb. P. 342, 1082, 1344.

Темпы, факторы и условия роста ВВП России, 1997—2008 гг.

Отставание российской нормы вложений в основной капитал представляется особенно тревожным на фоне тенденции повышения этой нормы у самых крупных экономик: США — примерно за 20 лет (табл. 13.3); КНР — за 30 лет (табл. 13.4). При этом рекордно высокие темпы прироста ВВП Китая и стремительное повышение его статуса в мировой экономике связаны прежде всего с обеспечением высокой нормы вложений в основной капитал.

Таблица 13.3. Среднегодовые темпы и факторы прироста ВВП США

Показатель, %	Годы		
	1990—1995	1996—2000	2001—2008
Темп прироста ВВП (ΔGDP)	1,4	4,1	2,1
Норма отдачи капиталовложений (VA/CF)	8,0	21,8	10,9
Норма капиталовложений (CF/GDP)	17,4	18,8	19,3
Темп прироста ВВП на душу населения	0,2	3,0	1,0

Рассчитано по: International Financial Statistics Yearbook. Wash.: IMF. 2000—2008; International Financial Statistics. Wash.: IMF. 2010, Feb. P. 1344.

III. Проблемы экономики России

Таблица 13.4. Среднегодовые темпы и факторы прироста ВВП КНР

Показатель, %	Годы		
	1980—1989	1990—1999	2000—2008
Темп прироста ВВП (ΔGDP)	9,7	11,0	10,0
Норма отдачи капиталовложений (VA/CF)	32,9	31,4	26,3
Норма капиталовложений (CF/GDP)	29,5	35,0	38,2
Темп прироста ВВП на душу населения	8,2	9,9	9,4

Рассчитано по: International Financial Statistics Yearbook. Wash., IMF, 2000—2008; International Financial Statistics, Wash., IMF, 2010, Feb. P. 342.

Высокая отдача вложений в основной капитал (с чем связаны сравнительно высокие темпы экономического роста Российской Федерации в 2001—2008 гг.) объясняется не техническим и организационным прогрессом, а благоприятной для России динамикой мировых цен на нефть и хищнической эксплуатацией месторождений углеводородного сырья.

Первый источник «незаработанной прибыли» (*windfallprofit*) проявляется в том, что на диаграмме кривая динамики нормы отдачи вложений в основной капитал буквально повторяет изгибы кривой темпов прироста мировых цен на нефть.

Второй источник «незаработанной прибыли» обнаружил себя в том, что темпы прироста экспорта нефти из России в физическом (а не в стоимостном) измерении (табл. 13.5) резко замедлились во второй половине «нулевых», а по экспорту газа сформировалась отрицательная динамика.

Таблица 13.5. Среднегодовые темпы прироста (СГТП) экспорта углеводородов России (%)

Энергоноситель	Годы			
	2001—2005	2006—2007	2008	2009
Сырая нефть (в тоннах)	11,8	1,2	-6,0	1,8
Природный газ (в кубических метрах)	1,4	-3,7	-9,4	-13,5

Источники: Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2008. С. 772; http://www.cbr.ru/eng/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/crude_oil_e.htm; www.rosinvest.com/news/670930/

Все это ослабило связь между динамикой цен на нефть и нормой отдачи вложений в основной капитал. В 2008 г. экспорт нефти и газа сократился, что объясняет разнонаправленную динамику цен на нефть и нормы отдачи вложений в основной капитал в этот период, отраженную на диаграмме.

Сравнение динамики промышленного производства России и США (табл. 13.6) показывает, что в 2001—2008 гг. превосходство первой по интенсивности роста было девятикратным. Однако в 1991—2008 гг. отставание России по объему продукции увеличилось примерно в 2 раза. В 2009 г. соотношение практически не изменилось.

Таблица 13.6. СГТП индекса промышленного производства (ИПП) (ИПП 1990 г. = 100)

Показатель, %	Россия		США	
	2001—2008 гг.	2009 г.	2001—2008 гг.	2009 г.
СГТП	5,3	-10,8	0,6	-9,7
ИПП	2008 г. 79,0	70,5	2008 г. 156	141

Источники: Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2008. С. 35; Economic Report of the President. Wash.: USGPO, 2010. P. 390; Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2009 году. М.: Минэкономразвития РФ, 2010. С. 136.

Индекс промышленного производства отражает в основном динамику продукции добывающей и обрабатывающей отраслей. Имеющиеся данные (табл. 13.7) позволяют предположить, что в России объем продукции обрабатывающей промышленности в 2008 г. составил около 60% от уровня 1990 г., а в США за тот же период объем продукция отрасли вырос более чем на 70%¹. Таким образом, разрыв увеличился почти в 3 раза.

Таблица 13.7. СГТП добавленной стоимости в России и США (%)

Отрасль	Страны и годы	
	Россия, 2003—2007	США, 2001—2008
Добывающая промышленность	17,0	-1,1
Обрабатывающая промышленность	1,7	1,3

Источники: Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2008. С. 318; Economic Report of the President. Wash.: USGPO, 2010. P. 390.

¹ См.: Economic Report of the President. Wash.: USGPO, 2010. P. 346.

Примечательно, что в 2009 г. снижение уровня промышленного производства в обеих странах произошло не столько из-за добывающей, сколько ввиду неконкурентоспособности обрабатывающей промышленности. Именно комплекс отраслей второго сектора экономики в наибольшей степени ощутил обострение конкуренции со стороны крупных развивающихся стран. Объем продукции добывающей промышленности снизился в России в 2009 г. на 1,2%, в США — на 6%, тогда как выпуск обрабатывающих производств — соответственно на 16 и на 11,4%¹. Таким образом, объем продукции обрабатывающей промышленности России составил в 2009 г. 50% от уровня 1990 г., а США — 144%.

Политика стерилизации денежной массы для подавления инфляции, в соответствии с которой посредством налогов из экономики России извлекалось значительно больше денег, чем возвращалось в форме государственных расходов (в частности, доходная часть бюджета в 2007 г. составила 40,5% ВВП, а расходная — 34,5%)², обернулась стерилизацией обрабатывающей промышленности.

В условиях «тучных лет» первого десятилетия XXI в. освобождение предприятий обрабатывающих отраслей от налога на прибыль было возможно без сокращения государственных расходов. Такая мера создала бы мощный стимул для притока инвестиций, роста выпуска продукции и подавления на этой основе инфляционного роста цен.

Российская промышленность развивается по наиболее капиталоемкому пути. Оборудование рабочего места обходится в добывающей промышленности намного дороже, чем в обрабатывающем комплексе. В 2007 г. добычей сырья было занято 1,5% рабочей силы, а переработкой — 16,7%. По данным статистики, начиная с 1995 г. совокупность этих отраслей по объему вложений в основной капитал сохраняет примерный паритет. В частности, в 2007 г. в добывающую промышленность было вложено 1004,4 млрд руб., а в обрабатывающую — 1020,7 млрд³.

¹ См.: Economic Report of the President. Wash. : USGPO, 2010. P. 390; Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2009 году. М. : Минэкономразвития РФ, 2010. С. 136.

² См.: Российский статистический ежегодник. М. : Росстат, 2008. С. 307, 638.

³ См.: там же. С. 138, 718.

Последствия сохранения сырьевого вектора развития

Состояние материально-технической базы характеризуется степенью износа основных фондов. Низкая норма вложений в основной капитал не позволяет продвинуться в модернизации российской экономики. В течение ряда лет износ основных фондов в промышленности составлял в среднем примерно 50%¹. Рецессия обнажила неудовлетворительное состояние материально-технической базы промышленности. В первом полугодии 2009 г. доля убыточных предприятий достигла 34%, превысив на 20 п.п. соответствующий показатель 2008 г.²

Наибольший интерес представляет ситуация в машиностроении как ключевой отрасли обрабатывающей промышленности, основы модернизации всего народного хозяйства и в нефтяной промышленности, образующей «становой хребет» экономики в ее нынешнем состоянии. На нефтегазовый комплекс приходится около четверти ВВП и свыше 50% поступлений в бюджет³.

По оценке экспертов, износ оборудования большей части машиностроительных заводов России достигает 75—80%. В новейших разработках российской техники используются в основном (90—95%) электронные компоненты иностранного происхождения⁴. Десятки наименований материалов, необходимых для производства авиакосмической техники, не производятся в стране.

О катастрофическом состоянии гражданского машиностроения свидетельствует и то, что современные технологии и материалы не востребованы. Страна является крупнейшим в мире производителем цветных металлов, но основная часть продукции экспортируется. Доля России в мировом экспорте в 2007 г. составляла: по алюминию — 11%; по никелю — 20%; по титану — 35%⁵.

Машиностроение не обеспечено производством высокопрочных сталей — основного конструкционного материала для совре-

¹ См.: Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2008. С. 330.

² См.: Аукунцонек С. П., Батяева А. Е. Российские промышленные компании в условиях кризиса: рост эффективности или консервация неэффективных производств? // Мировой опыт антикризисной политики: Уроки для России / отв. ред. С. А. Афонцев, Н. И. Иванова, И. С. Королёв. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 175.

³ См.: Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Вып. 1. Стратегические проблемы модернизации. М.: ЦИПО, 2009. С. 62, 165.

⁴ См.: там же. С. 232, 218.

⁵ См.: там же. С. 185.

менного машиностроения, что обуславливает тяжеловесность изделий машиностроения, неэффективность их использования.

В июле 2009 г. в российской печати с большим воодушевлением писали, что Выксунский завод Объединенной металлургической компании успешно выполняет технически сложный заказ на поставку труб большого диаметра для подводного газопровода «Северный поток» (*Nord Stream*). В частности, для участка на выходе из компрессорной станции под Выборгом требуются трубы толщиной стенки 41 мм, способные выдержать давление 200 атмосфер. Труб с такими характеристиками в нашей стране никто ранее не производил. Примечательно, однако, что металл соответствующих характеристик для изготовления труб закупается у иностранных, а не у отечественных партнеров¹.

За рубежом методы увеличения нефтеотдачи (МУН) обеспечили прирост мирового объема извлекаемых запасов на 40%. В России за последние 15 лет применение МУН практически свернуто². Недропользователи разрабатывают лишь наиболее привлекательные части месторождений. Наблюдается отставание в области геологоразведки и освоения новых месторождений.

Дифференциация ставок налога на добычу полезных ископаемых могла бы стимулировать применение передовых методов эксплуатации недр. Необходимый объем финансирования разведки и освоения новых месторождений может обеспечить целенаправленные изменения в системе налогообложения прибылей добывающих компаний.

Глубокая переработка нефти в России составляет чуть более 20% общего объема продукции нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ), в США — 73%. Качество подавляющей части продукции НПЗ не отвечает современным требованиям со всеми отрицательными последствиями для потребляющей ее техники и окружающей среды. Нефтедобывающие компании не считают для себя выгодным вкладывать средства в модернизацию и наращивание мощностей по переработке нефти. Российская химическая промышленность все еще использует экологически опасные и энергоемкие технологии³.

¹ См.: *Пантелеев И.* ОМК поставила 200 тысяч тонн труб для проекта *NordStream* // Известия. 2009. 14 июля. С. 7.

² См.: Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Вып. 1. С. 166.

³ См.: там же. С. 178.

Социальные последствия экономического развития современной России предопределены тем, что основное внимание властные структуры уделяли требованиям руководителей добывающей промышленности. Сверхдоходы от добычи углеводородов служили мощным рычагом лоббирования корыстных интересов.

Распределение предприятий по добыче полезных ископаемых на территории страны неравномерно, в добавленной стоимости преобладают доходы от капитала. Все это обуславливает неоправданные различия и негативные тенденции в распределении личных и региональных доходов.

Децильный коэффициент, разница в доходах 10 процентных групп населения, представляющих полюса с высокими и низкими доходами, увеличивался в России за весь рассматриваемый период и достиг максимума — 16,8 в 2008 г. В 2009 г. он снизился до 16,7. В США, где этот показатель выше, чем в других развитых странах, он колеблется в пределах 10—12¹.

Максимальная разница между регионами в объеме валового регионального продукта (ВРП) на душу населения в 2000 г. в сопоставимых ценах выражалась коэффициентом, равным 20, а в 2006 г. — уже 34². Доля ВРП Москвы и Тюменской области в российском ВВП в 1994 г. равнялась 16,5%; а в 2006 г. — 35%³.

Неоправданные различия в распределении личных и региональных доходов создали, по оценке Е. Ш. Гонтмахера, «фактически две России». Первая (1—2% населения) «купается в роскоши», еще 10—15% ее обслуживают, а не менее 40% «борются за выживание»⁴.

В большинстве регионов наблюдается неудовлетворительное состояние занятости экономически активного населения. Обрабатывающая промышленность в ее нынешнем состоянии не выполняет свою социально-экономическую функцию: обеспечить занятость населения и модернизацию народного хозяйства.

Разрыв нормы безработицы между регионами с лучшими и худшими показателями (по 10 территориальных единиц с каждой сто-

¹ См.: Аронов А. Почему не беднеют богатые // Известия. 2010. 4 мая. С. 4.

² См.: Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Выпуск 2. Социальные аспекты модернизации. М., ЦИПО, 2009. С. 191.

³ См.: там же. С. 187.

⁴ Россия — 2010: российские трансформации в контексте мирового развития. М.: Логос, 2010. С. 78.

роны) характеризовался коэффициентом 2,9 в 1998 г. Этот показатель увеличился до 6,4 в 2006 г. Норма латентной безработицы по стране в целом оценивалась в 30%¹. Почти треть населения не имеет работы, которая бы соответствовала ее квалификации и обеспечивала достойное благосостояние.

Спад производства в России в 2009 г. привел к увеличению нормы безработицы до 8,4%, что почти на $\frac{1}{3}$ выше показателя 2008 г. — 6,4%². В США, где предприниматели более свободны в избавлении от лишних рабочих рук, несмотря на меньшее сокращение производства, повышение нормы безработицы было более стремительным — до 9,3% в 2009 г. Это почти на $\frac{2}{3}$ выше показателя 2008 г. — 5,8%, и практически вдвое выше показателя 2007 г. — 4,6%³. Сравнение влияния рецессии на занятость рабочей силы в двух странах дает основание полагать, что масштабы латентной безработицы в России возросли в условиях спада производства.

Цели и механизмы модернизации

Цели модернизации экономики не могут сводиться к решению отдельных, пусть очень важных, задач. Развал СССР произошел не потому, что его обороноспособность оказалась на недостаточном уровне, а потому, что слишком много сил и средств уделялось гонке вооружений. Не было представительной власти, которая ограничила бы расходы военно-промышленного комплекса и не допустила деградации гражданских производств.

В результате снабжение населения предметами первой необходимости во многом зависело от импорта. Валютные поступления от экспорта в страны ОЭСР в 1980 г. на 67% обеспечивались продажей нефти и природного газа⁴. Возможности импорта резко сократились в 1980-х гг., когда возобладала понижительная тенденция мировых цен на нефть. Добыча нефти достигла своего пика в 1980 г. и стала снижаться вследствие расточительной эксплуатации месторождений. СССР закончил свое существование банкротом.

¹ См.: Россия — 2010: российские трансформации в контексте мирового развития. М.: Логос, 2010. С. 202, 133.

² См.: Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2009 году. С. 136.

³ См.: Economic Report of the President. Wash. : USGPO, 2010. P. 455.

⁴ См.: Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 185.

Модернизация экономики должна быть подчинена развитию нации: обеспечению занятости населения работой, требующей высокого уровня образования и квалификации. Нация профессионалов, оснащенных передовой техникой и хорошо зарабатывающих, способна достойно отвечать на все вызовы современности. Требуется создать благоприятные и равные для всех условия развития обрабатывающей промышленности.

Можно назвать три способа модернизации: 1) обеспечение экономики дешевыми ресурсами; 2) укрепление вертикали управления; 3) использование рыночных стимулов развития предпринимательской деятельности.

«Дешевизна ресурсов выступает обязательным условием модернизации»¹, — считает руководитель ЦИПО В. Л. Иноземцев, активно выступающий по проблемам индустриализации России. Постулат В. Л. Иноземцева основан на опыте рекордно быстрого роста экономики ряда крупных развивающихся стран, особенно КНР, который уникален и не воспроизводим в других странах.

Бурный процесс урбанизации, начавшийся в Китае после того, как в 1979 г. произошло «раскрепощение крестьян» и было разрешено частое предпринимательство, характеризуется ежегодным притоком из села в города свыше 10 млн человек. За 1980-е гг. население городов увеличилось на 110 млн. Этот показатель сопоставим с общей численностью населения Японии 1989 г. (123 млн). За два десятилетия, к 1999 г., городское население КНР увеличилось на 252 млн. Это сравнимо с общим числом жителей США (281 млн — в 1999 г.). В 2007 г. городское население КНР превысило показатель 1979 г. на 408 млн, что на $\frac{1}{3}$ больше населения США. Доля горожан в общей численности жителей КНР повысилась за 28 лет с 19,0 до 44,9%². К 2050 г. ожидается увеличение населения городов КНР до 1,1 млрд человек. Причем доля городских жителей в общей численности может составить от 70 до 80%³. В этом случае численность горожан в КНР будет больше ожидаемой численности населения всех стран, ныне причисляемых к категории развитых.

Сопоставляя прирост городского населения КНР с общей численностью населения развитых стран, следует иметь в виду, что миграционный поток из села в город в Китае состоит из лиц, способ-

¹ Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Выпуск 1. С. 34.

² Рассчитано по: Китай: поиск гармонии. М.: Форум, 2009. С. 111—112.

³ См.: Киндж Д. Китай, который потряс мир / пер. с англ. М.: АСТ, 2010. С. 56.

ных к изнурительному труду. Благодаря этому работодатели осуществляют наем «за плату, соответствующую доиндустриальному уровню развития», а производительность труда в промышленности «во много раз выше, чем та, что была возможной во времена промышленной революции в Англии около 230 лет назад»¹.

Заработная плата китайского малоквалифицированного рабочего мигранта из сельской местности в начале XXI в. вдвое ниже, чем работавшего на ручном станке ткача в начале промышленной революции в Великобритании. Заработная плата чикагского рабочего на лесном складе в конце 1850-х гг. была соответственно в 1,5—3 раза выше нынешних размеров заработной платы в Китае за аналогичный труд².

Даже когда ВВП прирастает на 9—10% в год, этого недостаточно для создания 24 млн новых рабочих мест, а именно столько требуется КНР ежегодно. Невозможность обеспечить занятость населения налагает ограничения на применение передовой сберегающей труд техники и на ее закупку по ценам, приемлемым для компаний развитых стран. Это во многом объясняет жесткость позиции Китая в экономических переговорах с иностранными компаниями и правительствами. У Пекина небольшая свобода выбора, как считает Д. Киндж (корреспондент *Financial Times* в Китае в 1999—2005 гг.), «для достижения компромиссов в отношениях с торговыми партнерами»³.

Что касается наукоемких и капиталоемких предприятий в Китае, то их создание было обеспечено за счет прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Подавляющее большинство из 500 наиболее крупных ТНК мира имеет ныне дочерние предприятия или филиалы в Китае. Их привлекает емкость рынка этой страны и условия, созданные для иностранных инвесторов. В частности, для них ставка налога на прибыль в 1980 г. была снижена до 12%. По договоренности для предприятий с прогрессивными технологиями эта ставка могла быть установлена на еще более низкой отметке⁴.

В 1990-х КНР превратилась в крупнейшего получателя ПИИ с притоком 40—50 млрд долл. в год. В 2007 г. было вложено 64,2 млрд ПИИ, из которых 40,9 млрд — в промышленность⁵. Масштабы за-

¹ Киндж Д. Указ. соч. С. 58.

² См.: там же. С. 59—60.

³ Там же. С. 91—92.

⁴ См.: Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. М.: Форум, 2009. С. 339—340.

⁵ См.: там же. С. 343—344.

хвата иностранных технологий китайскими компаниями, во многом ставшие возможными по каналам ПИИ, превосходят саму их величину. В 2004 г., когда приток ПИИ составил 56 млрд долл., американские, японские и европейские компании, по некоторым оценкам, потеряли на китайском рынке свыше 60 млрд долл. из-за пиратства в области интеллектуальной собственности¹.

Многие современные предприятия в Западной Европе и США не выдерживают конкуренции в условиях глобализации, и их оборудование и техническая документация скупаются за бесценок и переносятся на китайскую территорию компаниями, которые пользуются в этом случае неограниченным кредитом со стороны контролируемых государством китайских банков. Например, компания «Шанган» (*Shangan*) купила сталеплавильный завод «Тиссен-Крупп» (*Thyssen Krupp*), включая не только установленное, но и хранившееся на складах оборудование общим весом 275 тыс. т, за 24 млн долл., т.е. по цене металлолома (менее 90 долл./т). При этом было предоставлено еще 44 т документации, описывающей процесс сборки оборудования. Все расходы на демонтаж, транспортировку, покупку земли площадью 2,5 км² для размещения завода, строительство, монтаж и наладку оборудования обошлись в 1,2 млрд долл. (или 60% стоимости нового предприятия). Экономия составила 0,8 млрд долл.²

Таким же образом китайская станкостроительная компания приобрела технологическую линию для изготовления станков с числовым программным управлением у обанкротившейся в 2003 г. американской фирмы «Ингерсоллпродакшн системс» (*Ingersoll Production Systems*). Вместе с оборудованием были отгружены чертежи и спецификации. Китайская компания получила всю документацию, накопленную за десятилетия работы по внедрению передовой техники в области автомобилестроения³.

Для России опора на дешевые ресурсы бесперспективна и губительна.

Во-первых, это тормозит применение передовой техники. И наоборот, дорогие ресурсы — мощный стимул внедрения техники, берегающей труд, энергию, сырье. Во-вторых, отечественная промышленность не выдержит конкуренции уже в ближайшее десятилетие, когда столкнется с необходимостью использовать суще-

¹ См.: Кинджд Д. Указ. соч. С. 98—99.

² См.: там же. С. 18, 29.

³ См.: там же. С. 172.

ственно более дорогие ресурсы, если не готовиться к этому сейчас. В-третьих, преимущество России заключается в высоком уровне образования рабочей силы, но не может быть реализовано без оснащения труда передовой техникой, работа на которой связана с высокой оплатой труда.

Интенсивная индустриализация развивающихся стран обуславливает быстрый рост нагрузки на природные ресурсы и соответствующее повышение цен на них. К 2025 г. численность населения развивающихся стран составит 6,4 млрд и примерно в 7 раз превысит численность населения развитых стран. За 15 лет развивающиеся страны в среднем удвоят ВВП на душу населения, достигнув уровня развитых стран конца 1960-х¹. По мере усложнения хозяйства, роста расходов на образование и профессиональное обучение рабочая сила объективно все больше дорожает.

Вертикаль управления хозяйством в лучшем случае пригодна для решения отдельных стратегических задач в условиях тоталитарного режима.

По свидетельству генерального конструктора ракетной техники Ю. С. Соломонова, современная российская власть не может обеспечить слаженность функционирования военно-промышленного комплекса. Принимая правильные решения, она не способна добиваться их исполнения. Вопросы возникают на стыках в цепочке «конструкция — технология — производство». В одном случае используются недоброкачественные материалы, в другом случае отсутствует необходимое оборудование, позволяющее исключить «человеческий» фактор при изготовлении, в третьем нет надлежащего контроля качества исполнения. «То, что происходит в современной России, планомерно ведет к деградации и никакие обращения к руководству военного ведомства и даже к председателю Правительства последствий не имеют»².

Что касается более общей проблемы модернизации хозяйства, то выстраивание вертикали управления сопряжено с назначением «национальных чемпионов» в областях, которые Правительство считает ключевыми для «принуждения к инновациям». Чемпионы путем слияний и поглощений вырастают в монополии, а монополия ведет к застою и загниванию (коррупции). «Принуждение к

¹ См.: Клинов В. Г. Прогнозирование долгосрочных тенденций в развитии мирового хозяйства. М.: Магистр, 2010. С. 96, 105.

² Не сносить «Булавы» // Известия. 2010. 13 апр.

инновациям» возможно под влиянием окружающей конкурентной среды, но не в ее отсутствие, когда властные структуры палками заставляют предпринимателей в счастливое будущее.

Рыночные стимулы экономического развития исторически доказали свое превосходство по сравнению с административным принуждением. В целях регулирования макроэкономических процессов и создания благоприятных условий для предпринимательской деятельности, формирования конкурентной среды следует использовать стимулирующие возможности налогово-бюджетной системы. Напротив, неадекватная бюджетная политика оказывается мощным тормозом экономического развития.

Необходимо общее и равное для всех снижение ставок налогов на прибыль и трудовые доходы от переработки сырья и выпуска деталей, узлов и готовой продукции. Льготы для отдельных предпринимателей, предоставляемые в зависимости от масштаба или принадлежности к той или иной географической зоне деятельности, создают основу для злоупотреблений. Следует поощрять развитие всей обрабатывающей промышленности: не только фирм, создающих передовую технику (устройства, материалы, организмы и технологии), но и использующих ее. Основной экономический эффект, ощущаемый в масштабах всего народного хозяйства, получается не от создания техники, а от ее применения.

Снижение ставок налога на прибыль — соответствующая заслугам предпринимателя форма поддержки. Предпочтительнее дать возможность хозяйствующему субъекту самому вложить технологическую ренту (сверхприбыль от применения передовой техники) в производство, чем отнять ее в форме налога, а потом заставить банки предоставить ему кредиты, которые при существующих темпах инфляции не могут быть дешевыми.

Для пополнения бюджета и стимулирования применения передовой техники целесообразно повышать ставки налогов на ресурсы и расходы (страховые отчисления за использование рабочей силы, налог на добычу полезных ископаемых, налоги на землю и недвижимость, НДС).

Именно в «ориентированных на (экономический) рост» налоговых реформах видят решение проблем, возникших в связи с обострением конкуренции со стороны крупных развивающихся экономик, министры стран — членов ОЭСР. В сентябре 2009 г. они согласились перенести тяжесть наполнения доходов государственных бюджетов с налогов на доходы на налоги на потребление и

имущество. В коммюнике глав налоговых ведомств отмечалось, что по мере выхода из рецессии все бóльшая роль в наполнении бюджета будет принадлежать НДС¹.

Основным политическим препятствием на пути увеличения ставок НДС считается представление о том, что большее бремя уплаты несут бедные, а не богатые. В связи с этим эксперты Института исследований в области государственных финансов (*The Institute for Fiscal Studies*), некоммерческой организации, базирующейся в Лондоне, указывают на то, что шкала НДС может стать прогрессивной. В этих целях необходимо освободить или установить минимальные ставки НДС по таким статьям расходов, как продовольствие, детская одежда и другим, составляющим основную часть семейного бюджета бедных слоев населения².

Майкл Деверё (*Michael P. Devereux*), директор Центра исследований налогообложения хозяйствующих субъектов (*Centre for Business Taxation*) Оксфордского университета, полагает, что увеличение НДС в отличие от налогов на доходы и корпорации не будет «вынуждать индивидов и компании покидать страну»³.

Что касается России, то необходимы изменения и в расходной части бюджета. Требуется увеличить ассигнования на фундаментальную науку, образование, здравоохранение, государственные капиталовложения в инфраструктуру, поскольку частный капитал не считает возможным в полной мере финансировать общественные блага, которые не приносят быстрой отдачи и не подлежат эксклюзивному использованию. По этим статьям расхода относительно ВВП Россия отстает от передовых стран в 2—3 раза.

Выводы

1. За последние 20 лет возросло отставание российской экономики от экономик основных стран-конкурентов. Показатели состояния материально-технической базы ухудшились, а социальное расслоение населения усилилось.

2. Целью модернизации и преодоления отставания экономики России должно быть обеспечение населения страны работой, тре-

¹ См.: *Houlder V.* EU data set to fuel talk of VAT increase // *Financial Times*. 2010. Apr. 25. <http://www.ft.com/cms/s/0/f2a38a5c-5092-11df-bc86-00144feab49a.html>.

² См.: *ibid.*

³ *Ibid.*

13. Экономика России: итоги роста в контексте международных сопоставлений

бующей высокого уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки.

3. Необходимо создать благоприятные условия для предпринимательской деятельности в обрабатывающей промышленности как ключевой сфере, способной решать задачи модернизации всей экономики и обеспечения занятости населения.

4. Снижение ставок налогов на прибыли для всех предприятий обрабатывающей промышленности должно стать главным рычагом формирования конкурентной среды и интенсивного развития экономики.

5. Государственный бюджет должен пополняться за счет прогрессивного налогообложения расходов и недвижимого имущества. В интересах устойчивого роста после преодоления рецессии страны — члены ОЭСР намерены реформировать свою фискальную систему переносом бремени наполнения государственного бюджета на налогообложение расходов и ресурсов.

6. В расходной части бюджета требуется повысить объем ассигнований на фундаментальную науку, образование, здравоохранение и формирование инфраструктуры до норм, типичных для передовых стран.

14

Булатов А. С. Национальная экономика¹

Булатов А. С. Национальная экономика: учеб. пособие. М. : Магистр, 2011, 304 с.

Что лежит в основе богатства наций? Создается ли богатство трудом всего экономически активного населения, связано ли процветание с развитием самой нации или нация, довольствуясь положением рантье, требуя «хлеба и зрелищ», обречена деградировать? Эти вопросы всегда волновали экономистов. Особую актуальность они приобрели в условиях современной глобализации воспроизводственных процессов. Ныне наряду с общим ускорением мирового экономического развития наблюдается усиление различий в интенсивности экономического роста, сопровождающееся стремительными, по историческим меркам, изменениями в соотношении сил в мировом хозяйстве. Логично предположить, что причины различий в темпах и основах экономического роста следует искать в особенностях национальных экономик и направлениях экономической политики.

Создатель теории производительных сил Фридрих Лист (1789—1846), обоснованной в его монографии «Национальная система политической экономии», утверждал, что способность создавать богатство важнее самого богатства. Лист связывал эту способность с развитием экономики такого типа, которое способствует развитию культуры наций. «Культурное и экономическое развитие представляют собой процессы, обуславливающие и усиливающие друг друга»².

Национальная экономика как учебная дисциплина во многом — плод усилий российских экономистов. Появление этой дисциплины обусловлено остротой социально-экономических проблем, с которыми столкнулась российская нация в связи с транс-

¹ Вопросы экономики. 2011. № 8. С. 142—147.

² Цит. по: *Пвайнерт Й.* История экономической мысли в России, 1805—1905. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 67.

формацией системы экономических отношений и глобализацией процесса воспроизводства.

В определенном смысле можно говорить о возрождении возникшей в начале XIX в. российской традиции творить экономическую теорию и преподавать ее в непосредственной связи с проблемами развития национальной экономики. Первый учебник по экономической теории, созданный в 1804—1807 гг. преподавателем Московского университета Х. фон Шлецером по заказу Министерства народного образования, назывался «Начальные основания государственного хозяйства». Учебник предназначался для российских гимназий, но использовался и в немецких университетах, где был признан лучшим учебным изданием по политэкономии первой четверти XIX в.

Название государственного, а не национального хозяйства, к сожалению, типично для России. Здесь до сих пор, даже в высших эшелонах власти, не отдают себе отчета в том, что интересы нации выше государственных. Неуместно гордиться мощью государства, когда она сочетается с бесправным и обездоленным положением нации. В учебнике фон Шлецера придавалось первостепенное значение именно развитию нации. Речь шла о личном капитале, формировании которого связано с распространением образования, профессионального обучения, накоплением профессионального опыта в связи с развитием ремесел и обрабатывающей промышленности.

Национальная экономика как учебная дисциплина находится в процессе становления. Не определились и не устоялись ее контуры и структура. Это признается, в частности, в учебнике 2010 г., созданном коллективом преподавателей Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Так, Р. М. Нуреев, выступающий в качестве одного из авторов и ответственного редактора учебника, утверждает, что курс национальной экономики не имеет прямых аналогов в программах зарубежных вузов. Сам факт появления этого курса в современных российских условиях можно оценивать как симптом остроты и сложности стоящих перед страной проблем социально-экономического развития.

Многоплановый характер дисциплины отражает, в частности, тот факт, что в написании названного учебника участвовали авторы общим числом 31, включая 18 докторов наук профессорского звания и 13 кандидатов наук, доцентов. Объем учебника составил около 700 страниц, включая введение, 32 главы и заключение. Еще

более объемный (814 страниц и 47 глав) изданный в 2005 г. учебник с аналогичным названием, созданный коллективом Института экономики РАН и МГУ под руководством П. В. Савченко.

Можно себе представить, сколь высоким и разносторонним должен быть профессиональный уровень ученого, если он в одиночку решает проблему разработки пособия по столь сложной дисциплине. Автор представляемого здесь учебного пособия — А. С. Булатов, доктор экономических наук, профессор, заведует кафедрой «Мировая экономика» МГИМО — Университета МИД России. А. С. Булатов читает курсы: «Мировая экономика» и «Национальная экономика». Под его руководством и при его авторском участии за последние годы были опубликованы учебники, учебные пособия и справочники по мировой экономике, экономике России и других стран. Он также является главным редактором издаваемого в МГИМО в электронном виде журнала «Мировое и национальное хозяйство».

Как отмечается в предисловии, в учебном пособии решались две задачи: «раскрыть теорию и методику анализа экономики страны» и использовать представленные «методические подходы» для анализа «проблем современной экономики России» (с. 7). Действительно А. С. Булатову удалось создать компактное учебное пособие в 16 глав, нацеленное на то, чтобы выработать у студентов навыки самостоятельного анализа особенностей экономики страны и тенденций ее развития на основе изучения систематизированной статистической информации. Профессионализм экономистов и политиков во многом связан с развитием аналитических способностей и навыков использования статистической информации с учетом специфики ее формирования.

В учебном пособии значительное внимание уделено возможностям системы национальных счетов для характеристики уровня, структуры и особенностей развития экономики страны. Данные национальных счетов удачно дополняются показателями, выработанными за последние годы различными международными организациями. В числе показателей индекс человеческого развития, индексы и субиндексы глобальной конкурентоспособности, а также показатели социального, этического и политического развития нации.

Наряду с национальными счетами в учебном пособии представлена демографическая статистика и статистика национального богатства, а также внешнеторговая статистика для оценки эконо-

мических ресурсов страны. Динамика экономического роста анализируется в связи с инвестициями в основные фонды. Кроме того, представлены экономическая политика и ее отражение в статистике государственных бюджетов и денежно-кредитных систем.

Логично деление учебного пособия на два раздела, первый из которых называется «Основы анализа экономики страны и региона», второй — «Российская социально-экономическая модель». Представляется, что было бы уместным в первом разделе дать характеристику основных типов национальных экономик, из которых состоит современное мировое хозяйство, во втором определить, к какому типу или типам соответствует (приближается) национальная экономика России.

Дело в том, что объем ВВП на душу населения — важная, но далеко не исчерпывающая характеристика уровня развития народного хозяйства. Чем выше доход на душу населения, тем более важен его источник. Он раскрывается с помощью отраслевой структуры хозяйства, товарной структуры экспорта и импорта, а также структуры первичных доходов и структуры конечного использования ВВП.

К сожалению, проблема типологизации национальных экономик получила лишь частичное решение в первом разделе пособия. Доминирующее положение в нем заняла информация о российской экономике и сопоставление ее показателей с характеристиками близких по размеру ВВП на душу населения стран, хотя сравнение с другими группами стран представляет не меньший интерес. Без четкого выявления того, какую позицию Россия занимает в системе мирового хозяйства, трудно оценить адекватность разных подходов к решению проблемы модернизации страны.

Следует иметь в виду, что именно система национальных счетов может служить объективной основой для оценки уровня развития национальной экономики, тогда как выработанные за последние годы рейтинги отчасти базируются на субъективных и предвзятых оценках. Например, возникает вопрос, почему по индексу глобальной конкурентоспособности США занимают второе место (с. 21), а совсем недавно они были первыми в иерархии конкурентоспособности. Между тем на протяжении уже двух десятилетий наблюдается рост отрицательного торгового баланса этой страны. США явно не выдерживают конкуренции на внутреннем и мировом рынках со стороны крупных интенсивно развивающихся стран, таких как Китай и Индия.

Представляется, что разносторонний анализ российской экономики было бы целесообразно полностью отнести во второй раздел учебного пособия еще и потому, что на базе выявления пропорций, отражающих уровень и тип развития национальных экономик, можно разобраться в хитросплетениях российской статистики. Дело в том, что в российской политике в области ценообразования и статистической отчетности до сих пор заметны родимые пятна, но не капитализма (как было принято говорить о недостатках до перестройки), а социализма в его советском исполнении.

При оценке уровня экономического развития наряду с объемом ВВП на душу населения первостепенное значение придается отраслевой структуре народного хозяйства. Поскольку благосостояние России во многом зависит от объема добычи и экспорта углеводородов и цен на нефть и природный газ на мировом рынке, показательным может быть сравнение с Саудовской Аравией, с которой Россия соревнуется за первое место в экспорте названных товаров. В этом ряду целесообразно сравнение и с США как лидером по добыче углеводородов, эталоном во всех международных сравнениях, самой крупной среди развитых стран и лидером научно-технического прогресса.

В 2008 г. ВВП на душу населения составлял по валютному курсу в тыс. долл. : в России — 11,9; в Саудовской Аравии — 18,9; в США — 47,1. В ВВП Саудовской Аравии доля добывающей промышленности составляла 41,9%, обрабатывающей — 1,1%¹. Разница в долях 38-кратная. В США разница была пятикратной, причем в пользу обрабатывающей промышленности. Доля добывающей отрасли равнялась 2,2%, обрабатывающей — 11,5%.

В России, по официальным данным, на долю добывающей промышленности пришлось 9,5% ВВП, а обрабатывающей — 18,0%. Именно эти данные по России приводятся в учебном пособии (с. 38—39). Получается почти двукратная разница в пользу обрабатывающей промышленности. Согласно этим показателям Россия, отставая от США по ВВП на душу населения почти в 4 раза, тогда как отставание Саудовской Аравии было 2,5-кратным, тем не менее была гораздо ближе к США по отраслевой структуре.

¹ Данные по отраслевой структуре ВВП Саудовской Аравии за 2004 г. см.: National Accounts Statistics: Main Accounts & Detailed Tables. N. Y., U. N., 2007. Part III. P. 421—429.

На самом деле ситуация для России выглядит гораздо хуже, чем можно судить по официальной статистике. Дело в том, что в России отпускные цены предприятий (в статистике их называют основными) на продукцию добывающей промышленности занижены. Именно на их основе рассчитывается добавленная стоимость отраслей, а в конечном счете и ВВП в основных ценах. Основные цены на природный газ, предназначенный для внутреннего рынка, в несколько раз ниже цен, по которым газ продается странам ЕС. По ценам ниже мировых осуществляются поставки углеводородов в страны ближнего зарубежья. Поскольку при экспорте углеводородов взимаются таможенные пошлины, и в случае поставок в дальнее зарубежье основные цены существенно ниже рыночных.

По оценке руководителя Экономической экспертной группы при Правительстве России Е. Т. Гурвича, в 2008 г. нефтегазовая рента составила 27,9% ВВП¹. Дифференциальная рента представляет собой сверхприбыль, т.е. часть добавленной стоимости наряду с обычной прибылью, амортизационными отчислениями и расходами на оплату труда. Опираясь на приведенную оценку нефтегазовой ренты, можно предположить, что при нормальных рыночных условиях ценообразования вклад добычи нефти и природного газа в создание ВВП России составил бы примерно $\frac{1}{3}$ ВВП.

Согласно расчетам Е. Т. Гурвича, добавленная стоимость углеводородного комплекса равнялась 21,1% ВВП, включая учтенную природную ренту, составившую 15,8% ВВП (табл. 7 в названной статье). К добавленной стоимости прибавляем 12,1% скрытой ренты (табл. 14 в этой же статье) и получаем полную оценку добавленной стоимости в продукции углеводородного комплекса в размере 33,2% ВВП. Добавленная стоимость всей добывающей промышленности, в соответствии с названной полной оценкой продукции углеводородного комплекса, вдвое превысила официальный показатель обрабатывающего комплекса.

Еще более значительно превосходство продукции добывающей промышленности по сравнению с продукцией обрабатывающей промышленности в российском экспорте. По приведенным в пособии данным, доля минеральных продуктов в экспорте возросла до 69,6% в 2008 г. В 2000 г. она равнялась 53,8%. Доля в экспорте

¹ См.: Гурвич Е. Нефтегазовая рента в российской экономике // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 24.

продукции обрабатывающих отраслей снизилась до 21% в 2008 г. против 43,2% в 2000 г. (с. 270).

В развитии производительных сил ключевая роль принадлежит именно обрабатывающей промышленности. Она предъявляет спрос на рабочую силу наиболее высокой квалификации и служит базой модернизации всей экономики. Добывающая промышленность наряду с сельским хозяйством обеспечивает обрабатывающую промышленность сырьем. В связи с этим встает вопрос об изменении разграничения экономики на отраслевые секторы. В учебном пособии первичный сектор представлен в основном сельским хозяйством. Вся промышленность отнесена ко вторичному сектору (с. 16). Представляется, что целесообразно относить к первичному сектору все отрасли преимущественно сырьевого характера, включая и добывающую промышленность. В составе вторичного сектора следует учитывать обрабатывающие отрасли промышленности наряду со строительством и другими отраслями, которые не относятся ни к сырьевым промыслам, ни к сфере услуг.

Важным показателем уровня развития экономики является структура добавленной стоимости в распределении на трудовые доходы и доходы от капитала. На уровне предприятия добавленная стоимость рассчитывается как разница между стоимостью продукции по отпускным ценам и стоимостью товаров и услуг, купленных у поставщиков предприятия. Добавленная стоимость, таким образом, целиком распределяется на оплату услуг труда и капитала, используемого на данном предприятии. Структура первичных доходов в масштабе отраслей и национальной экономики в целом обычно оценивается на базе добавленной стоимости отрасли и ВВП в основных (отпускных) ценах. Эти цены отличаются от рыночных на величину косвенных налогов и сборов, взимаемых при реализации продукции.

В развивающихся странах в структуре ВВП преобладают доходы от капитала, а в развитых — компенсации за труд, т.е. все расходы, которые несет работодатель в связи с наймом рабочей силы. В Индии, например, на долю труда приходилось 42,4% ВВП, капитала — 46,4% и смешанных доходов — 11,2%¹. В США в общей сумме добавленной стоимости в 2008 г. на долю компенсаций за труд

¹ Данные за 2002 г. см.: National Accounts Statistics: Main Accounts & Detailed Tables. N. Y., U. N., 2007. Part II. P. 239.

пришлось 60,7%¹. В России в том же году, согласно данным Счета образования доходов, приведенным в учебном пособии (с. 31), сумма оплаты труда на $\frac{1}{3}$ превышала сумму валовой прибыли и валовых смешанных доходов.

Счет образования доходов представлен в России в рыночных, а не в основных ценах. Соответственно высокую долю в ВВП составляют налоги на продукты за вычетом субсидий — 15,1%. В целом доля в ВВП чистой суммы налогов, представляющих собой первичные доходы государства (без учета прямых налогов, с помощью которых перераспределяются первичные доходы), составила в процентах от ВВП 20,2. Доля оплаты труда наемных работников равнялась 45,6% и валовой прибыли экономики и валовых смешанных доходов — 34,2%

Необходимо учитывать ранее охарактеризованные особенности образования цен на продукцию углеводородного комплекса. Можно считать, что налоги на продукты равны части сверхприбыли (природной ренты), которую предпочли изъять не в форме прямых налогов (путем установления более высоких ставок налогов на истощение недр), а в форме экспортных пошлин и НДС. В экспортной цене на сырую нефть пошлина составляет почти 50%². За счет соответствующей корректировки оценка прибыли в добавленной стоимости может быть повышена до 54,4% (20,2 + 34,2).

Подлежит корректировке и оценка оплаты наемного труда, поскольку в нее включены так называемая скрытая оплата труда и смешанные доходы. Эта статья рассчитана как разница между суммарными расходами и формально зарегистрированными доходами домохозяйств. Ее доля в ВВП составила 12,5%. Представляется, что большая часть скрытых доходов имеет своим источником имущество, ценные бумаги и другие нетрудовые ресурсы. Разделим 12,5% ВВП в пропорции 6 : 4 на нетрудовые (7,5% ВВП) и трудовые (5% ВВП) источники. В итоге соответствующей корректировки выявляется уменьшение доли вознаграждения за труд с 45,6 до 38,1% ВВП и увеличение доходов от капитала с 54,4 до 61,9%. Получается, что по распределению ВВП на первичные доходы Россия отстает дальше от передовых стран, чем такие развивающиеся страны, как Индия.

¹ Рассчитано по: Economic Report of the President. Wash. U. S. G. P.O., 2011. P. 220—222.

² См.: *Сергеев М.* Экономисты предлагают ликвидировать в России нефтепереработку // Независимая газета. 2011. 30 марта. С. 1.

Этот результат не представляется странным ввиду предполагаемого размера и роста нефтегазовой ренты, что объясняет усиление неравномерности распределения доходов в России. Согласно приведенным в учебном пособии данным, в 2000 г. доходы пятой части населения с самыми высокими доходами превосходили доходы квинтиля населения с самыми низкими доходами примерно в 7,9 раз, а в 2009 г. — уже в 9,4 раза. Индекс Джини, рост которого означает увеличение неравномерности доходов, повысился за те же годы с 0,395 до 0,422 (с. 146). Критическая оценка официальных данных о соотношении трудовых и имущественных доходов в ВВП России находит подтверждение и в том, что, по официальным данным, в добавленной стоимости всех отраслей промышленности доходы от капитала больше доходов от труда¹.

Еще один срез для сравнения — это структура конечного использования ВВП. Во всех странах самой крупной статьёй конечного использования является личное потребление (в ряде стран статья называется «Потребление домохозяйств»). В большинстве стран названная доля находится в пределах от 50 до 60%. Более высокая доля личного потребления обычно сочетается с низкой долей затрат государства на финансирование потребления общественных благ. В США в 2008 г. доля личного потребления превысила 70% ВВП, а на правительственные расходы на текущие потребности пришлось 16,1% ВВП². Показатели для личного потребления ниже 50% обычно сочетаются с высокими долями государственного финансирования потребления общественных благ. Например, относительно низкая доля личного потребления, составившая в Швеции и Нидерландах 45,7% ВВП в 2008 г., дополнялась относительно высокой долей правительственных расходов: 26% ВВП — в первом случае и 25,5% — во втором³.

Доля личных расходов России составила всего 48,1%. В сочетании с низкой долей государственных расходов — 16,7% это означает общие расходы на потребление в размере 64,8%, а оставшиеся 35,2% приходятся на сбережения. Данные по России воспроизводятся в учебном пособии (с. 40—41).

¹ См.: National Accounts Statistics: Main Accounts & Detailed Tables. N. Y. : U. N., 2007. Part III. P. 377—378.

² Рассчитано по: Economic Report of the President. Wash. U. S. : G. P.O., 2011. P. 188.

³ Рассчитано по: International Financial Statistics Yearbook. Wash. : IMF, 2010. P. 549, 1230.

В России невысока и норма вложений в основной капитал. В 2008 г. она составила 21,9% ВВП (с. 41). Во всяком случае она была существенно ниже нормы сбережений. В тот год норма вложений была выше американского показателя — 18% ВВП¹. Однако соответствующий средний показатель России за 2001—2008 гг. — 18,9% был ниже американского — 19,3 и вдвое ниже, чем у Китая — 38,2%².

В российской статистике вместо понятия инвестиций или вложений в капитал до сих пор используется архаичное, вводящее в заблуждение понятие накопления капитала. Это понятие воспроизводится и в учебном пособии.

Во-первых, в данном случае имеется в виду не кумулятивный результат, а поток за определенный период или его норма при сравнении с величиной ВВП. Не означает эта величина и прироста капитала, поскольку наряду с вложениями происходит и выбытие капитала. В учебном пособии представлены показатели обновления, выбытия и износа основных фондов, охватывающие период с 1990 по 2009 г. (с. 162). Эти показатели свидетельствуют о снижении интенсивности выбытия фондов, что с лихвой компенсируется повышением степени их износа.

Во-вторых, в данном случае имеется в виду превращение денежного капитала в капитал в форме материальных благ. При этом прирост денежного капитала за счет сбережений замедляет рост емкости рынка, а прирост инвестиций ускоряет его.

Огромная разница между нормой сбережений и нормой вложений в основной капитал в России свидетельствует о неблагоприятном инвестиционном климате. Данные, приведенные в учебном пособии, говорят о том, что такой разрыв между сбережениями и инвестициями в России был характерен для всего первого десятилетия XXI в. (с. 155). Отток капитала из России не может быть обращен вспять увещеваниями со стороны правительства. Очевидно, что административные инструменты политики, которым, как отмечает А. С. Булатов, в России «отдается заметное предпочтение» (с. 173), не обеспечивают модернизации страны.

К сожалению, государство не подает в этом отношении должного примера для частного бизнеса. На огромную разницу между доходной и расходной частями консолидированного бюджета России указывают приведенные в учебном пособии данные за 2005 и

¹ См.: Economic Report of the President. Wash. U. S. : G. P. O., 2011. P. 188, 214.

² См.: *Клинов В. Г.* Экономика России: итоги роста в контексте международных сопоставлений // *Международная экономика*. 2010. № 9. С. 17.

2008 г. (с. 250). В первом случае профицит бюджета составил 1759 млрд руб., во втором — 2012 млрд. Последняя цифра эквивалентна 4,8%, а предыдущая — 8,1% ВВП.

Профициты такого масштаба мог быть использован для улучшения инвестиционной привлекательности российской обрабатывающей промышленности. Можно было снизить в этом секторе ставки налогов на прибыль и (или) увеличить финансирование развития инфраструктуры. Однако средства были потрачены на покупку иностранных ценных бумаг. Государство участвовало в оттоке капитала из России, тормозило рост обрабатывающей промышленности и емкости российского рынка.

В свете изложенного актуален не вопрос, почему Россию относят к странам с переходной экономикой (с. 26), а вопрос о том, к какой категории она относится с точки зрения своего уровня экономического и индустриального развития. Это касается и других стран, вступивших на путь трансформации своей экономики в соответствии с условиями современного рынка. Словакия и Словения отнесены в учебном пособии, по классификации МВФ, к категории развитых стран (с. 12). Должна была бы попасть в этот перечень и Чехия. На этом же основании, по международной статистике, Китай и Вьетнам относятся к развивающимся странам, а не к странам с переходной экономикой. Значительная часть стран переходной экономики занимает средние позиции по уровню экономического развития в системе мирового хозяйства. Во многих случаях в международной статистике либо проведена квалификация стран по уровню дохода на душу населения, либо дано деление стран на развитые и остальные. При этом не имеет значения, признает ли руководство Китая или Вьетнама, что они строят капитализм, важно то, какая трансформация экономики происходит на самом деле.

Еще два замечания, не требующих развернутого комментария. Представляется некорректным отнесение в учебном пособии к микроэкономике отраслей хозяйства и отраслевых рынков (с. 28). Они составляют макроэкономические процессы, характеризующие национальную экономику. Межотраслевой баланс, схема которого представлена в учебном пособии (с. 37), наглядно раскрывает то, как в рамках национальных счетов исчисляется ВВП на стадиях создания и конечного использования.

В нашей печати вопросы экономического роста освещаются неграмотно, что затрудняет их восприятие. Понятием «уровень» обозначают и численность безработных, и норму безработицы, т.е. долю

в составе экономически активного населения. Уровнем называют и интенсивность инфляции, между тем как речь идет о темпе прироста общего уровня цен. Необходимо различать темп роста и темп прироста, а еще есть понятие коэффициента роста. Разницу в темпах роста или прироста следует называть процентными пунктами. Например, можно прочесть, что показатель роста увеличился на 1%, тогда как на самом деле темп прироста мог увеличиться вдвое, с 1 до 2%. Необходимо пользоваться точной профессиональной терминологией, отдавать себе отчет в том, что показатель темпа роста меньше 100 означает уменьшение, а не увеличение переменной. К сожалению, А. С. Булатов иногда пользуется расхожей, а не профессионально точной терминологией, характеризуя интенсивность роста российской экономики (с. 56). При этом, заключая гл. 3, посвященную динамике экономического роста, автор на с. 67 пишет: «Динамику экономического роста страны измеряют темпами роста (точнее, прироста) ее валового внутреннего продукта (ВВП)».

Подводя итог, следует еще раз отметить прикладную направленность учебного пособия А. С. Булатова, его нацеленность на развитие профессиональных навыков современного анализа национальных экономик и российской экономики в первую очередь. Автор исключил темы, которые читаются в курсах, посвященных истории экономики и экономической мысли, что позволило создать достаточно компактное пособие по сравнению с упомянутыми ранее учебниками.

В рамках данного отклика не удалось дать развернутой характеристики многих аспектов курса национальной экономики, получивших освещение в учебном пособии. В интересах совершенствования курса главное внимание было уделено вопросам, которые могут потребовать дальнейшей разработки в новых изданиях пособия. Переиздания учебного пособия, несомненно, потребуются с учетом острой актуальности курса и интенсивности изменений, происходящих в мировой и национальной экономиках, мировой и национальной экономической политике.

В целом в пособии представлена трезвая оценка неблагоприятного состояния российской экономики и экономической политики. Можно было бы порекомендовать автору столь же трезво подойти и к оценке состояния российской экономической статистики.

Автора можно поздравить с тем, что ему удалось создать прочную основу для развития и совершенствования учебного курса по национальной экономике.

15

Теоретическая мысль и народно-хозяйственная политика: русский выбор¹

Цвайнерт Й. История экономической мысли в России, 1805—1905 / пер. с нем. под науч. ред. В. С. Автономова. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 411 с.; Корнейчук Б. Экономические воззрения М. И. Туган-Барановского. СПб. : Наука, 2008. 336 с.

Возвращение России на капиталистический путь экономического развития в конце XX в. стимулировало осмысление эволюции народного хозяйства страны до становления в ней централизованной административной системы управления. Значительное число монографий немецких авторов по русской экономической истории опубликованных в первом десятилетии XXI в. [1, с. 11], наглядно свидетельствует об интенсивности интереса к этой проблеме.

Анализ ограниченного, но поучительного и основательно забытого исторического опыта развития российского капитализма может помочь в попытках найти объяснение и пути решения экономических проблем современной России.

В экономической истории XIX век примечателен прогрессирующим отставанием России от стран, вставших на путь индустриализации после промышленного переворота в Великобритании (конец XVIII — начало XIX в.). Следствием такого отставания стало поражение российской армии в Крымской войне 1853—1856 гг. отмена крепостного права в 1861 г., а также запоздалое начало индустриализации, что обернулось трагедией для судеб страны в XX в.

В XIX в. зарождаются два направления русской экономической мысли. У истоков одного течения стояли западники как проводники либеральных, передовых для своего времени идей классической политэкономии. Другое течение представляли славянофилы, чьи взгляды отражали специфику русских традиций базирующихся на идеологии православия.

¹ МЭиМО. 2010. № 3. С. 119—128.

Либеральное течение экономической мысли, несмотря на попытки приспособить передовые достижения западных экономистов-теоретиков для решения актуальных проблем развития народного хозяйства России, не имело сколь-нибудь широкой общественной поддержки. Лишь когда их идеи поддерживала верховная власть, они могли оказать реальное прогрессивное влияние на экономику. Идеи, формировавшиеся в традициях православия, напротив, находили больший отклик, но объективно тормозили развитие России.

Йоахим Цвайнерг, доктор экономических наук, старший научный сотрудник Гамбургского института мировой экономики, проделал фундаментальную работу, исследуя развитие экономической мысли в России на протяжении 100 лет — большей части XIX в. и самого начала XX в. Два с половиной года он отдал изучению материалов библиотек и архивов Санкт-Петербурга и еще примерно столько же времени — написанию монографии, удостоенной премии «За лучшую книгу» Европейского общества истории экономической мысли [1, с. 15]. Цель своего исследования Й. Цвайнерг сформулировал в форме ответа на вопрос о том, «почему утверждение рыночной экономики в России на протяжении более 150 лет наталкивается на сопротивление широких слоев российского общества» [1, с. 23].

Книга Бориса Васильевича Корнейчука, заведующего кафедрой политической экономии Санкт-Петербургского Государственного политехнического университета, посвящена Михаилу Ивановичу Туган-Барановскому (1865—1919) — «самому профессиональному из российских экономистов», по оценке В. С. Автономова, которую он дал во вступительной статье к монографии Й. Цвайнерта [1, с. 12].

М. И. Туган-Барановский был выдающимся ученым, первым среди россиян оказавшим влияние на развитие мировой экономической науки. Он преподавал политэкономия в Петербургском университете и Петербургском политехническом институте. В 1913 г. работа Туган-Барановского «Основы политической экономии» победила в конкурсе на лучший учебник по политэкономии, проведенном Императорской академией наук [2, с. 192]. Туган-Барановский внес весомый вклад в подготовку российских экономистов, чей высокий профессионализм проявился в разработке и реализации новой экономической политики (нэп) 1921—1927 гг.

Й. Цвайнерт выделил четыре периода истории экономической мысли в России [1, с. 5, 6, 8, 9]: правление Александра I (1805—1825); правление Николая I, конец которого, по существу, ознаменовала отмена крепостного права (1825—1861), правление Александра II и Александра III (1861—1894) и правление Николая II до Русско-японской войны (1894—1905).

Российские экономисты ориентировались на реформирование хозяйственного и общественного устройства и опирались на труды английских классиков политэкономии начиная с Адама Смита (1723—1790)¹. Вместе с тем все большую популярность приобретали ведущие экономисты стран континентальной Европы, вставших на путь догоняющего Великобританию развития. Главным авторитетом в экономической науке во второй половине 1820-х гг. стал француз Жан Батист Сэй (1763—1832). Но особенно сильно во второй половине XIX в. ощущалось влияние немецкой исторической школы, основателем которой был Фридрих Лист (1789—1846). Особого внимания заслуживает успешное использование налогово-бюджетных рычагов воздействия на экономическое развитие России в конце XIX — начале XX в.

Представители исторической школы настаивали на том, что экономические системы имеют эволюционный характер, на необходимости выявить закономерности народно-хозяйственного процесса, специфические для каждой стадии экономического развития и конкретной страны, в зависимости от обеспеченности ресурсами. Большое внимание уделялось использованию государственной политики для поддержки нарождающейся обрабатывающей промышленности. Все это имело отклик у российских экономистов. Влиянию немецкой экономической мысли способствовало и то, что российские общественные деятели XIX в., как правило, получали или завершали свое образование в немецких университетах.

Й. Цвайнерт особо выделяет представителей российской экономической мысли, которые разрабатывали оригинальные передовые концепции в области экономической науки. Из-за отсутствия широкого отклика в российском обществе эти идеи не оказали су-

¹ Первый перевод на русский язык труда А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» осуществил Николай Романович Политковский (в версии Политковского — «Исследование свойств и причин богатств народов»). Перевод был опубликован в 1802—1806 гг. по приказу Дмитрия Александровича Гурьева, тогдашнего министра финансов.

ественного влияния ни на хозяйственное развитие России на протяжении большей части XIX в., ни на мировую экономическую мысль. Тем не менее они остаются актуальными, поскольку отставание в развитии отечественной обрабатывающей промышленности остается ахиллесовой пятой в решении проблем социально-экономического развития страны.

Первым ученым-экономистом России Цвайнерт назвал Христиана фон Шлёцера (1774—1831), преподавателя политэкономии в Московском университете (1801—1826). Его учебник «Начальные основания государственного хозяйства», написанный по заказу Министерства народного образования (1804—1807) для российских гимназий, использовался и в немецких университетах. Там работа Х. фон Шлёцера считалась «лучшим учебником» политэкономии первой четверти XIX в. [1, с. 55].

В учении Шлёцера о «личном капитале», или «человеческом капитале», по современной терминологии, подчеркивается значение образования, профессионального обучения и профессионального опыта для развития производительных сил. Просвещение было актуальной задачей для России, а концепция личного капитала — новым словом в экономической науке. По замечанию Цвайнерта, Шлёцер рассматривал «материальный и человеческий капитал как нечто однородное и равноправное по своему значению для производства» [1, с. 59].

Разработкой концепции человеческого капитала, (в оригинале «внутреннего блага») знаменит и вклад в экономическую науку Генриха Фридриха фон Шторха (1766—1835) — автора опубликованного в России в 1815 г. труда «Курс политической экономии». Научная деятельность Г. Ф. фон Шторха первоначально была связана с экономико-статистическим исследованием России. Заслуги в этой области были отмечены его избранием в Академию наук (1796). В 1828 г. он стал президентом Академии, а с 1830 г. и до своей кончины оставался ее вице-президентом.

Теорию внутренних благ Шторха Цвайнерт сравнивает с теорией производительных сил Листа и утверждает, что «Лист находился под влиянием Шторха» [1, с. 76]. Справедливости ради можно отметить, что Листу удалось выйти на более высокий уровень обобщения идеи о том, что «культурное и экономическое развитие представляют собой процессы, обуславливающие и усиливающие друг друга» [1, с. 77]. Лист утверждал, что «способность создавать богатство... бесконечно важнее богатства самого» [1, с. 106].

Эта формула находит свое подтверждение в истории XX века. Были 1920-е гг. быстрого восстановления после Первой мировой и Гражданской войн в России, а после Второй мировой войны — немецкое и японское чудо возрождения.

В качестве самого значительного российского мыслителя-экономиста первой четверти XIX в. Цвайнерт называет [1, с. 96] адмирала Николая Семёновича Мордвинова (1754—1845). Интерес военного моряка к экономическим проблемам связан с годами учебы в Англии (1774—1777). Адам Смит, труд которого «Богатство народов» был опубликован в это время, и Джереми Бентам (1748—1832) — крупнейший теоретик *политического либерализма* — способствовали формированию общественно-экономических взглядов Мордвинова. Цвайнерт выявил также влияние Шторха на взгляды Мордвинова [1, с. 100]. В 1810 г. Мордвинов был назначен председателем Департамента государственной экономии и входил в круг ближайших советников Александра I (1777—1825). В 1823 г. Мордвинова избрали президентом Вольного экономического общества [1, с. 97].

В брошюре «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» (первое издание — 1815 г., второе — 1816 г. и третье — 1833 г.) Мордвинов объяснял экономическую отсталость России чрезмерной специализацией на производстве сельскохозяйственной продукции¹. Аграрная нация, как утверждал Мордвинов, остается не только экономически недоразвитой и политически зависимой от других стран. Она еще по своему культурному уровню уподобляется народам «дикого пастырского состояния». Само сельское хозяйство без промышленного производства не может рассчитывать на повышение производительности труда [1, с. 100].

В этой же брошюре он обосновал необходимость таможенной защиты молодых отраслей, пока они не накопят достаточно опыта для соревнования на равных с промышленностью передовых стран. Пример Англии, которая сама на протяжении 200 лет проводила протекционистскую политику, показывает, как считал Морд-

¹ Ограничение производства узкой номенклатурой товаров в современных условиях является показателем отсталости, а не следствием тенденции к углублению международного разделения труда. Оно отрицательно сказывается на развитии производительных сил и положении страны в системе мирового хозяйства, особенно когда речь идет о сырьевой специализации. Чрезмерная зависимость современной России от экспорта углеводородов также подтверждает это положение.

винов, насколько долгим может быть процесс обучения производству [1, с. 104].

Другая брошюра Мордвина — «Рассуждение о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков» (также выдержавшая три издания в 1816, 1817 и 1829 гг.) — нацелена на улучшение рамочных условий хозяйствования. Частная собственность и законность представлялись автору фундаментом экономического процветания [1, с. 101].

Мордвин — автор многих служебных записок, в которых он выступал за активную промышленную политику, обосновывал необходимость строительства железных дорог в России [там же]. Творческое наследие адмирала составляет более 5000 страниц. По мнению Цвайнерта, «Мордвин впервые сформулировал обычно приписываемую Листу идею о том, что молодые отрасли промышленности развивающихся народных хозяйств нуждаются в таможенной защите, поскольку обрабатывающие промыслы индуцируют процессы обучения, имеющие решающее значение для экономического развития нации» [1, с. 106].

Декабристы прочили Николая Семёновича Мордвина и Михаила Михайловича Сперанского (1772—1839) — автора плана либеральных преобразований при Александре I — на место главы переходного правительства, наделенного диктаторскими полномочиями на 10—15 лет [1, с. 97]. Восстание декабристов роковым образом повлияло на отношение Николая I (1796—1855) ко всем либералам, входившим в круг советников Александра I. Когда же идеи Мордвина во второй половине XIX в. оказались востребованными, Правительство России опиралось на идеи Листа.

Другой парадокс в судьбе Мордвина состоит в том, что декабристы хотели доверить управление человеку, который был решительным противником немедленного освобождения крепостных крестьян. «Людам, отвыкшим за столетия бесправия от свободы, можно было бы подарить ее немедленно, но потребуются время, чтобы научить их осмысленно пользоваться этой свободой», — так мотивировал свою позицию граф Мордвин [1, с. 103]. Декабристы делали ставку на него, возможно, потому, что революционеры-романтики нуждались в услугах реалиста-реформатора, понимавшего, что экономические проблемы не решаются наскоком, а требуют применения долгосрочной выверенной стратегии.

Особенность просвещенного абсолютизма состоит в убежденности, что реформы можно проводить только сверху, а рост оппо-

зиционных настроений в обществе склоняет самодержца к ужесточению режима. История России XIX века дает этому многократные подтверждения. В частности, так можно объяснить консервативный поворот в политике Александра I, совпавший по времени с формированием в 1816 г. тайного общества «Союза спасения» — первой ячейки движения декабристов.

Раньше всего этот поворот проявился в области высшего образования. В 1817 г. Министерство народного просвещения было объединено с ведомством духовных дел. Это означало, по мнению Цвайнерта, подведение под науку религиозного фундамента в целях противодействия «революционным проискам» [1, с. 44]. В Инструкции Казанского университета от 1819 г. было записано: «Цель правительства в образовании студентов состоит в воспитании *верных сынов православной церкви*, верных поданных государю, добрых и полезных граждан отечеству» [там же].

Николай I хотя и был напуган восстанием декабристов, в начале своего правления был настроен на реформы, которые подготовили бы отмену крепостного права. Из допросов декабристов был сделан вывод, что для пресечения зла вольнодумства необходимо изъять политическую экономию из учебных планов. До этого дело не дошло, но экономическая наука, как отмечает Цвайнерт, пострадала от государственной опеки в большей степени, чем другие общественные дисциплины [1, с. 130].

Революции во Франции (1830 и 1848 гг.), нашедшие отклик в Восточной Европе, а также участвовавшие в этот период крестьянские восстания в России отвернули Николая I от реформ и превратили его царствование в деспотию. При ней, по выражению Георгия Валентиновича Плеханова (1856—1918), «застой был возведен в догмат» [1, с. 122]. В XX в. такую оценку заслужил сложившийся после подавления «Пражской весны» в 1968 г. режим правления в СССР.

В 1833 г. министром просвещения был назначен Сергей Семёнович Уваров (1786—1855), предложивший строить образование в России на принципах православия, самодержавия и народности [1, с. 125]. Эта формула весьма напоминает ранее приведенную выдержку из Инструкции Казанского университета. При Уварове стал приносить плоды курс на подготовку отечественной профессуры и ученых, для чего все более значительное число способных студентов отправлялось для завершения образования за границу.

Это, однако, совмешалось с изъятием из учебных программ ряда общественных дисциплин и ужесточением цензуры.

Руководство Уварова российским просвещением выглядит предпочтительным на фоне усилий пришедшего на этот пост в 1849 г. Платона Александровича Ширинского-Шихматова (1790—1853), запретившего прием в университеты лиц недворянского происхождения. Он стал персонажем анекдота, согласно которому его назначение означало не только «шах», но и «мат» российской системе образования [1, с. 126].

Российская общественная мысль второй четверти XIX в. знаменуется расцветом славянофильства, а экономическая политика — курсом министра финансов Георга Канкрина.

Позиция славянофилов, как считает Цвайнерт, опиралась на идеализацию русского Средневековья. Речь идет о том, что в России вплоть до XVIII в. существовало полное единение государства и церкви, которое в столь экстремальном виде не наблюдалось больше нигде в христианском мире [1, с. 34]. Предпосылкой для европеизации России было усечение власти Русской православной церкви, которое осуществил Петр I [1, с. 38].

Славянофилы видели в реформах Петра I (1672—1725), правившего в 1689—1725 гг., обреченную на неудачу попытку вынудить Россию идти по пути развития, который ни в коем случае не отвечал ее культурным и особенно религиозным традициям [1, с. 128]. Славянофилы считали неизбежной гибель Западной Европы в силу расслоения общества под влиянием развития капитализма. В планах поддержания единства общества особую роль они отводили сохранению сельской общины.

Этот взгляд во второй половине XIX в. восприняли народники. В общине, предотвращающей как противоречия между трудом и капиталом, так и раздробление земельной собственности, идеолог славянофилов Алексей Степанович Хомяков (1804—1860) видел решение обеих проблем. Критический тезис о том, что община тормозит прогресс, Хомяков оспаривал и во всяком случае не считал его важной преградой [1, с. 177].

В 1857 г. в дискуссию между славянофилами и либералами по поводу сельской общины неожиданно для многих вмешался Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889), до того известный в качестве литературного критика. Совершенно так же, как и либералы, Чернышевский считал, что община есть «общая человеческая принадлежность известного периода жизни каждого народа».

То обстоятельство, что она сохранилась в России, свидетельствует об экономической отсталости страны. Однако Чернышевский выступил за сохранение общины, усматривая в ней основу перехода к высшей стадии развития, минуя капитализм.

Народ может (под влиянием передовой нации) перескакивать с низшей на высшую ступень, минуя средние стадии развития. Это диалектическое обоснование, пропагандируемое еще Александром Ивановичем Герценом (1812—1870), оказало большое влияние на интерпретацию учения Карла Маркса (1818—1883) в России в 1870—1880 гг. и стало стержнем идеологии народничества [1, с. 203—204]. По мнению Цвайнерта, влияние левой интеллигенции, прежде всего Чернышевского, привело к резкому снижению уровня экономической науки [1, с. 207].

Георг Канкрин (1774—1845) в качестве министра финансов России проводил в 1823—1844 гг. экономическую политику, соответствующую принципам славянофильства. Состояние западного общества Канкрин определял как «извращенное» или «болезненное». Указывая на наблюдавшиеся в Западной Европе признаки экономического и социального кризиса, он отвергал все, что могло бы способствовать развитию промышленности в России. Выступал против строительства железных дорог, создания частных банков и акционерных обществ. Был сторонником протекционизма, цель которого — обеспечение автаркического развития и защита страны от международных экономических кризисов [1, с. 165—166].

Ныне, когда под влиянием рецессии 2008—2009 гг. стала пользоваться большим влиянием позиция противников глобализации, уместно напомнить о пагубных для России последствиях политики Канкринина.

Наследник трона Александр II (1818—1881), активно участвовавший в реакционной политике своего отца, в последний период правления Николая I под воздействием поражения в Крымской войне превратился в реформатора. Сразу после своей коронации он отменил некоторые одиозные законы, в особенности касавшиеся образовательной политики и цензуры. Но прежде всего в 1856 г. он дал обещание освободить крестьян. Лучше отменить крепостное право «сверху», поскольку иначе грозило неконтролируемое освобождение «снизу» [1, с. 129].

Правление Александра II ознаменовалось ускорением экономического развития по ряду направлений. Так, финансовый сектор стал бурно развиваться после образования в 1860 г. Российского го-

сударственного банка. После того как правительство в конце 1860-х гг. передало права на строительство и эксплуатацию железных дорог частным обществам, наступила фаза активного строительства дорог и формирования акционерных компаний. Однако это развитие прервалось широкомасштабной рецессией 1873 г. и тяжелым кризисом в железнодорожном хозяйстве в конце 1870-х, что усилило всеобщую стагнацию 1880-х гг.

Для 1860—1870-х гг. была характерна сравнительно либеральная внешнеторговая политика. Но тяжелое положение, в котором оказалась экономика страны, потребовало поворота к протекционизму, осуществленному с назначением в 1882 г. министром финансов Николая Христиановича Бунге (1823—1895).

Научным фундаментом финансовой политики Н. Х. Бунге послужила его собственная академическая карьера в Киевском университете, ректором которого он стал 1859 г. В 1870 г. вышло в свет его главное теоретическое произведение — «Основания политической экономии». В методологическом отношении Бунге были близки идеи зарубежных представителей так называемого историко-статистического направления.

Н. Х. Бунге высоко оценивал труды американского экономиста Генри Чарльза Кэри (1793—1879), которому удалось выявить положительную взаимосвязь между экономическим развитием и жизненным уровнем рабочих, показав, что оплата труда возрастает быстрее, чем вознаграждение за капитал [1, с. 246—247]. Речь шла о тенденции, которая проявилась в США раньше, чем в других странах. Для Бунге это было важным аргументом в споре со сторонниками социалистического пути развития, утверждавшими, что развитие капитализма сопровождается обнищанием трудящихся.

Й. Цвайнерт отмечает особые заслуги в развитии экономической науки в России Киевского университета. Его в отличие от университетов Центральной России не затронуло разрушительное влияние на экономическую науку ни одного из представителей русской левой интеллигенции, даже Н. Г. Чернышевского. Сыграло свою роль и реальное историческое развитие: на Украине община была ликвидирована раньше, чем в Центральной России, что сразу же повлекло за собой повышение производительности труда. В связи с этим в Киеве стала очевидна бесплодность попыток сохранения общинного землевладения [1, с. 260].

Бунге выступил инициатором роспуска сельской общины, передачи земли крестьянам и уменьшения для них налогового бремени путем

отмены подушной подати (1882—1886). Уже в XX в. этот курс энергично продолжил Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911) [1, с. 260—261].

Преемник Николая Христиановича Бунге на посту министра в 1887—1892 гг., Иван Алексеевич Вышнеградский (1832—1895), в целях санации бюджета поднял ставки косвенных налогов на товары повседневного спроса. Эта мера вынудила крестьян продавать все большую часть урожая, что способствовало бюджетному профициту, росту экспорта зерна, благоприятствовало достижению положительного сальдо торгового баланса и стабилизации внешне-го курса рубля. Российская экономика в 1887—1888 гг. оказалась в русле общего подъема мировой конъюнктуры. Однако неурожай 1891 г. при низких запасах зерна у крестьян вызвал массовый голод. Вышнеградский наложил запрет на экспорт зерна. Это было воспринято как факт признания провала политики, что вынудило его уйти в отставку [1, с. 214—215].

В 1892 г. министром финансов стал граф Сергей Юльевич Витте (1849—1917). Он сделал карьеру в Юго-Западном железнодорожном обществе и незадолго до назначения министром стал директором Департамента железных дорог в Министерстве финансов. Программа С. Ю. Витте, как отмечает Цвайнерт, в политическом отношении была ориентирована на стиль «железного канцлера» Германии Отто фон Бисмарка (1815—1898), а в теоретическом — на «Национальную систему политической экономии» Ф. Листа. [1, с. 280].

Именно под влиянием Листа Витте превращается в энергичного сторонника индустриализации, о чем свидетельствует изданная в 1889 г. в Киеве его брошюра «Национальная экономия и Фридрих Лист» [1, с. 288]. Витте также были близки взгляды киевской школы экономической мысли. Своим ближайшим советником Витте назначил ученика Бунге Дмитрия Ивановича Пихно (1853—1913) [1, с. 260]. В противовес позиции Министерства внутренних дел в лице Вячеслава Константиновича Плеве (1846—1904), настаивавшего на отказе от индустриализации по причине ее несовместимости с самодержавием, Витте совершенно в традициях Петра I усматривал в индустриализации единственное средство поддержания политической и экономической конкурентоспособности России [1, с. 280].

Финансовая политика Витте была нацелена на перераспределение экономических ресурсов от частного сектора к государственному. Среднегодовые темпы прироста средств государственного бюджета за время его пребывания на посту министра финансов (1892—1903) составили 10,5%. Этот рост финансировался за счет

косвенного налогообложения важных потребительских товаров и государственной монополии на продажу спиртного. Сеть железных дорог при Витте вновь по большей части перешла в руки государства, и ее протяженность увеличилась на 86%. При этом удалось обеспечить превышение доходов над расходами государственного бюджета, создать значительные золотые резервы и вернуться к золотому обеспечению рубля в 1897 г. [1, с. 281].

Реформы Витте стали возможны благодаря авторитарному стилю правления, ибо они не пользовались общественной поддержкой. В частности, валютная реформа не была одобрена Государственным советом. Соответствующий акт получил законодательную силу царским указом. Череда успехов политики Витте была прервана тяжелым экономическим кризисом (1899). Однако основной причиной почетной отставки с поста министра финансов в 1903 г. (в том же году он был назначен председателем Кабинета министров) стало несогласие с агрессивной захватнической политикой на Дальнем Востоке. Сокрушительное поражение России в Русско-японской войне (1905) полностью подтвердило правильность его предостережений и принесло ему симпатии населения [1, с. 282].

Значительное внимание Цвайнерт уделяет марксистскому влиянию на экономическую мысль в России. Россия была первой страной, где был издан перевод «Капитала» Карла Маркса [1, с. 266]. Первый том «Капитала» был опубликован в России в 1872 г., второй — в 1885 г. и третий — в 1896 г. Царская цензура разрешила издать как произведение «строго научное, тяжелое и малодоступное» [1, с. 225]. Перевод был осуществлен Николаем Франциевичем Даниельсоном (1844—1918).

Н. Ф. Даниельсон первым среди народников выдвинул и аргументировал в 1880 г. тезис о том, что капитализм в России, не успев пережить фазу расцвета, уже пришел в упадок [1, с. 290]. Автор перевода состоял начиная с 1868 г. в регулярной переписке с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом (1820—1895), снабжая их русской политической и экономической литературой, в том числе произведениями Н. Г. Чернышевского [1, с. 290].

Маркс с начала 1870-х гг. надежды на социалистическую революцию связывал уже не с Западной Европой, а с Россией. Под влиянием теорий Чернышевского он выступил на стороне народников в споре с российскими социал-демократами относительно использования русской общины как базы построения социализма, минуя капитализм. Быстрая адаптация взглядов Маркса к политическим по-

требностям России свидетельствует о том, по мнению Цвайнерта, что «его вряд ли можно воспринимать как ученого, стремившегося к объективности» [1, с. 230]. В этом Цвайнерт солидарен с Петром Бернгардовичем Струве (1870—1944), полагавшим, что Маркса не в меньшей степени, чем народников, можно обвинить в «смертном грехе» смешивания желаемого с действительным [1, с. 316].

Цвайнерт считает, что Даниельсон искажил теоретические взгляды Маркса, переведя немецкое слово *Wert* как «стоимость», а не как «ценность». Тот факт, что Маркс назвал перевод «Капитала», выполненный Даниельсоном мастерским, говорит, по мнению Цвайнерта, о слабом знании Марксом русского языка.

Струве в предисловии к своему переводу «Капитала» (1899) выразил обоснованное недоумение по поводу того, что Даниельсон не осознал нелепости понятия «потребительная стоимость». То, что данная ошибка воспроизводилась в советских переводах, Цвайнерт объясняет тем, что труды Струве в СССР были запрещены и что Владимир Ильич Ленин (1870—1924), как и Н. Ф. Даниельсон, был «не слишком силен ни в экономической теории, ни в немецком языке» [1, с. 225]. В. И. Ленин некритично воспринял перевод Даниельсона, а исправление Даниельсона влекло за собой правку Ленина, что в советское время «исключалось... само по себе» [там же].

Как утверждал Туган-Барановский в заметке «Русские переводы I тома Капитала Маркса», термин «ценность» выражает полезность, а «стоимость» отражает затраты. Одобрив перевод Струве, Туган-Барановский полагал, что во всех случаях немецкое *Wert* следует переводить как «ценность» и что для понятия «стоимость» Маркс употребляет слово *Kost*. Туган-Барановский провел параллель с английскими терминами *Value* и *Cost*, первое из которых следовало, по его мнению, переводить как «ценность», второе — как «стоимость» [2, с. 118—119].

На самом деле в соответствии с учением Маркса о двойственной природе труда следует различать конкретный труд (ткача, швеи и др.), создающий вещь, пригодную для потребления, и абстрактный труд, затрачиваемое рабочее время, от которого зависит стоимость как основа для эквивалентного обмена товаров, удовлетворяющих разные потребности. Что касается терминов — немецкого *Kost* и английского *Cost*, то они означают именно затраты, издержки или стоимость, тогда как использование Марксом немецкого *Wert* или английского *Value* связано с учением о двойственном характере труда.

С продвижением предмета труда по технологической лестнице от сырья до готовой продукции возрастает потребительная ценность изделия, в то же время растут затраты на его изготовление и соответственно повышается его стоимость. Например, стальной лист или лента, а тем более корпуса изделий, изготовленные из них, обладают и большей ценностью для потребителя, и большей стоимостью, так как их изготовление связано с большими затратами по сравнению с затратами на отливки стали.

Wert и *Value* могут в зависимости от словосочетания и контекста означать и ценность, и стоимость. Туган-Барановский прав, считая, что термин *Gebrauchswert* следует переводить как «потребительная ценность», и не прав, когда считает, что термин *Tauschwert* означает меновую ценность, а не меновую стоимость или просто стоимость. Так же неправ он, когда заявляет, что термин *Value* всегда следует переводить как «ценность». Например, современный английский термин *Value Added Tax (VAT)* переводится как «налог на добавленную стоимость» (НДС), а не на добавленную ценность, поскольку размер налога соотносится не с возросшей полезностью товара, но со стоимостной оценкой затрат труда и капитала. Утверждение Туган-Барановского об однозначном переводе слова *Value* не соответствует и интерпретации значений слова в толковом словаре английского языка¹.

П. Б. Струве, как пропагандист марксизма, внес значительный вклад в борьбу с утопическими взглядами народников, противившихся развитию капитализма в России. Цвайнерт представляет Струве как основоположника легального марксизма, сторонника построения социализма на основе капиталистического развития. Он относит Петра Бернгардовича Струве, так же как Михаила Ивановича Туган-Барановского, Владимира Карповича Дмитриева (1868—1913) — основоположника экономико-математической школы в России и Николая Дмитриевича Кондратьева (1892—1938) — автора концепции больших циклов экономической конъюнктуры, названных его именем, к числу самых значительных русских экономистов конца XIX — начала XX в.

«Вся современная материальная и духовная культура, — писал Струве, — связана с капитализмом: она выросла вместе с ним или на его почве» [1, с. 309]. «Вера в то, что народ с таким низким уровнем

¹ См.: Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. N. Y.: Gramercy Books, 1989. P. 1578.

культуры, как русский, — утверждал основоположник легального марксизма в 1894 г., — может избежать школы капитализма, является свидетельством какого-то национального ослепления» [там же].

Взгляды Струве как легального марксиста в отличие от взглядов ортодоксов-ленинцев, уверовавших в непогрешимость Маркса, развивались с учетом достижений мировой экономической мысли, особенно немецкой исторической школы и старшего, и младшего поколения. Струве не мог не разойтись с ортодоксальными марксистами, чья гносеологическая позиция подходила для Средневековья, а не для XX века. Внимание Струве в марксизме и в исторической школе экономической мысли привлекала теория социально-экономической эволюции. «Струве ссылался на Маркса, чтобы пропагандировать идеи Листа», — заявляет Цвайнерт [1, с. 340].

В своем изложении «историко-экономического материализма» Струве замещает понятие «классы» термином «социальные группы». Он дистанцируется от трактовки Марксом и Энгельсом государства как инструмента классового господства, полагая его инструментом общественного порядка [1, с. 310—311]. Итог эволюции взглядов Струве определенно выражен словами: «Если мы под марксизмом будем разуметь, безусловно, объективную часть воззрений Маркса... то мы должны допустить, что можно быть марксистом, не будучи социалистом» [1, с. 310]. Струве не дожил до того времени, когда те, кто называет себя социалистами, больше всего боятся быть заподозренными в марксистских взглядах.

Вслед за Струве Цвайнерт излагает взгляды Туган-Барановского, называя его «первым из русских экономистов», добившимся мирового признания [1, с. 322]. Место Туган-Барановского в развитии экономической мысли ярко высветил его ученик Н. Д. Кондратьев: «Западная мысль не считалась с развитием экономической теории в России, чего нельзя сказать по отношению к другим отраслям нашей науки и культуры. Можно смело утверждать, что М. И. [Туган-Барановский] в области экономической теории был первым, кто заставил европейскую мысль серьезно прислушаться к движению ее на востоке Европы, в России... это обуславливает национальное значение М. И.» [2, с. 159].

Хотя экономические взгляды Туган-Барановского развивались под влиянием марксизма, уже в 1899 г. в статье «Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса» он выступил с критикой марксистской трудовой стоимости («ценности» в его интерпретации). Существо его позиции нашло отражение в его учебнике «Ос-

новы политической экономии», издававшемся в 1909, 1911, 1915, 1917 и 1918 гг. [1, с. 327]. Он писал: «К верной мысли, что продукт можно рассматривать, как произведение только труда человека, присоединена совершенно неверная мысль, что только труд создает ценность продукта» [1, с. 337].

М. И. Туган-Барановский утверждал, что сила Маркса не столько в экономике, сколько в социологии. Социологическое значение теории ценности состоит в обосновании на ее основе положения о том, что прибыль представляет собой неоплаченную часть труда рабочих и что рабочий имеет право на продукт производства. «Этому праву Маркс думал создать объективную основу в своей теории ценности, но это ему не удалось» [2, с. 96].

Марксистской теории ценности Туган-Барановский противопоставил свою социальную теорию распределения. Согласно последней величина заработной платы определяется двумя факторами: производительностью труда и соотношением сил между капиталистами и наемными работниками в «распределительных битвах». Цвайнерт усмотрел в социальной теории распределения Туган-Барановского готовность «подчинить теоретическое мышление мировоззрению» и оценил эту концепцию как «низшую точку его теоретического творчества» [1, с. 339]. Данная концепция в свое время не была оценена по достоинству и, судя по критическому замечанию Цвайнерта, не воспринята до сих пор.

Между тем статистика роста ВВП в развитых странах и распределения ВВП на трудовые доходы и доходы от капитала эмпирически подтверждают правоту концепции Туган-Барановского.

Во-первых, вековая тенденция состоит в том, что ВВП растет в основном за счет повышения производительности труда и что трудовой доход растет быстрее дохода от капитала, а капитал растет быстрее, чем численность рабочей силы. В развитых странах в отличие от стран, только вступивших на путь индустриализации, именно труд, а не капитал выступает лимитирующим фактором производства. Развитые страны представляют собой чистых импортеров рабочей силы и экспортеров капитала.

Во-вторых, в соответствии с современной концепцией больших циклов экономической конъюнктуры (длинных волн экономического развития) соотношение сил в «распределительных битвах» зависит от соотношения конструкторской и технологических ветвей НТП. Первая является ресурсоемкой, вторая — ресурсосберегающей. Первая преобладает в восходящей волне большого цикла,

ведет к долговременному снижению нормы безработицы и соответственно укрепляет позиции труда в распределении добавленной стоимости. Вторая преобладает в нисходящей волне, ведет к длительному повышению нормы безработицы и укрепляет позиции капитала в разделе добавленной стоимости.

Наиболее высокую оценку Цвайнерта заслужил вклад Туган-Барановского в разработку концепции среднесрочных экономических циклов, или, как ее обычно называют, теории кризисов. Между тем именно Туган-Барановский ввел понятие «фаза спада». Он полагал, что регулярное явление в динамике капиталистического промышленного производства в форме периодических сокращений не всегда заслуживает наименования «кризис», а лишь тогда, когда рецессия проявляет себя внезапно «подобно буре»¹. Позднее Джон Мейнард Кейнс (1883—1946) определил кризис как «внезапную и резкую смену повышательной тенденции понижательной»².

Книга Туган-Барановского «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие последствия на народную жизнь» (1894), была его первой работой на экономическую тему. По ней он защитил магистерскую диссертацию в Московском университете. Над диссертацией он работал в 1892 г. в библиотеке Британского музея в Лондоне, а затем — в Императорской публичной библиотеке в Петербурге, где ему оказывал содействие помощник библиотекаря Ученого комитета П. Б. Струве [2, с. 189]. В дальнейшем работа неоднократно переиздавалась: второе и третье издание (1900, 1914) выходили в переработанном виде. В 1923 г. в СССР было перепечатано третье издание, и больше здесь книга не переиздавалась. В России новое издание вышло в 1997 г.

М. И. Туган-Барановский связывал развитие промышленного цикла с созданием нового основного капитала, которое происходит «не постепенно, а периодическими толчками» [1, с. 344]. Он различал накопление капитала в денежной форме и формирование реального капитала. Первое не предъявляет спрос на ресурсы и тем самым тормозит рост емкости рынка, пока не сформируются условия для его преобразования в реальный капитал. С ростом вложений в основной капитал производство само создает себе рынок. По

¹ Цит. по: *Mitchel W. C. Business Cycles. The Problem and It's Setting.* N. Y. : NBER, 1930. P. 379.

² *Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег.* М. : Гелиос АРВ, 1999. С. 290.

Туган-Барановскому спад становится неизбежным, когда в фазе подъема соотношение скорости накопления денежного и реального капитала меняется на противоположное: расширение производства осуществляется до тех пор, пока не будут израсходованы денежные капиталы [1, с. 344].

Теория среднесрочного цикла первоначально не привлекла к себе внимания в России, но, как отмечает Цвайнерт, сполна окупилась старания Туган-Барановского по переводу своего произведения на немецкий язык [1, с. 344—345]. Практически все видные западные исследователи экономических циклов первой половины XIX в. высоко оценивали вклад в экономическую теорию концепции циклов Туган-Барановского. Имена Артура Шпитгофа (1873—1957), Вернера Зомбарта (1863—1941), Джона Мейнарда Кейнса (1883—1946) далеко не исчерпывают список тех, кто, как и Кейнс, испытал «сильную симпатию» к своему «в высшей степени оригинальному» предшественнику [1, с. 345].

Отношение к Туган-Барановскому в советской печати связано с политическими взглядами ученого. Февральскую революцию 1917 г. он принял с энтузиазмом. Туган-Барановский покинул Россию после Октября и перебрался на Украину. Он знал Ленина лично и представлял, что от него ожидать [1, с. 327]. По воспоминаниям Струве, Туган-Барановский испытывал к Ленину неудержимую антипатию. «Он с изумлением, граничащим с ужасом, рассказывал, как не похож был Александр Ульянов на своего брата Владимира. Первый, при всей своей моральной чистоте и твердости, был чрезвычайно мягкий и деликатный человек в обращении даже с незнакомыми и врагами, тогда как резкость второго была поистине равносильна жестокости» [2, с. 202]. Ортодоксальные марксисты осуждали легальных марксистов, включая и Туган-Барановского, как ревизионистов.

Последним, чей вклад в российскую экономическую мысль оценил Цвайнерт, был Сергей Николаевич Булгаков (1871—1944). Взгляды С. Н. Булгакова эволюционировали от марксизма до славянофильства, подтвердив, как считает Цвайнерт, силу влияния православия на движение российской общественной мысли. В 1896 г. Булгаков называл марксизм многообещающим «путем с востока на запад». Одиннадцать лет спустя, проделав путь «с запада на восток», он противопоставил «западничеству» идеал русского Средневековья. Булгаков заклеил «новый, гуманистический век» как пагубную «множественность без единства» [1, с. 354].

Тезис Булгакова о неизбежности возвращения к типично русским традициям, по мнению Цвайнерта, находит впечатляющее подтверждение в постсоветской России. Разочаровавшись в реформах начала 1990-х гг., многие российские экономисты с середины того же десятилетия «отрекаются от западных идеалов и все чаще принимаются за поиски отечественной экономической доктрины» [1, с. 354—355].

Первая попытка в этом направлении, как считает Цвайнерт, была предпринята в 1996 г. в связи со 125-летием Сергея Николаевича Булгакова на конференции «Творческое наследие С. Н. Булгакова и современное социально-экономическое знание». Высшей точкой движения «на восток» Цвайнерт полагает выступление Леонида Ивановича Абалкина на конференции «Российская школа экономической мысли» (2000). Он выделяет тезис Л. И. Абалкина, согласно которому решающим признаком российской школы следует считать «примат высших государственных и тем самым социально оправданных (народно-хозяйственных) интересов над индивидуальными (интересами)... во всех научных построениях и рекомендациях» [1, с. 358].

В заключение можно отметить: Цвайнерту удалось убедительно показать, что так называемое славянофильское направление российской экономической мысли тормозило и продолжает оказывать негативное влияние на решение проблем экономического развития в России. Книга Б. В. Корнейчука в определенной мере дополняет характеристику «западнического» течения русской экономической мысли в лице Туган-Барановского.

Представляется, однако, что еще более существен тот факт, что Россия не успела достаточно накопить, а затем и основательно забыла существовавший опыт формулирования социально значимых целей развития, совместимых с рыночной экономикой, и опыт достижения поставленных целей методами налогового стимулирования, а не административного принуждения хозяйствующих субъектов. Изучение опыта, накопленного передовыми странами, могло помочь в этом отношении.

Но пока, Россия предпочитает методом собственных проб и ошибок продвигаться к тому, что в условиях открытой экономики, использующей преимущества международного разделения, нужно находить способы обеспечивать полную занятость трудоспособного населения всей страны, а не отдельных регионов или зон, причем не в ущерб повышению эффективности производства. Именно

такая цель лежит в основе решения всех социальных задач, и она достаточно конкретна, чтобы отслеживать ее исполнение.

Кризис мировой экономики конца 2008 — начала 2009 г. оказался настолько сложным по своей природе, что даже умудренные опытом управления рыночной экономикой страны не могут найти эффективного решения возникших проблем. Некоторые из них идут по пути симптоматического лечения терпящей бедствие экономики путем субсидирования банковской системы и применения других мер по оживлению потребительского спроса. Между тем трудно повлиять на поведение потребителей, потерявших работу или ощущающих угрозу стать безработными.

Трудности, с которыми столкнулись развитые страны, когда наступило время рецессии среднесрочного цикла, связаны не только с неоправданно рискованными финансовыми операциями. В первую очередь они обусловлены тем, что соотношение сил в мировой экономике за последнее десятилетие резко изменилось в пользу развивающихся стран (КНР, Индии) и продолжает изменяться в том же направлении. Для того чтобы капитал не убежал в страны с дешевой рабочей силой, а создавал рабочие места в G7, необходимо снижать ставки налога на прибыли корпораций в обрабатывающей промышленности. Именно обрабатывающая промышленность служит основой модернизации всей экономики и создания условий для высококвалифицированной занятости населения.

Потери госбюджета от снижения ставок налогов на доходы могут быть компенсированы прогрессивным налогообложением эксплуатации ресурсов и личного потребления. Это необходимо для стимулирования экономного и рационального использования ресурсов, защиты окружающей среды и инвестирования основной части сбережений в производственные фонды.

Дело не только в том, чтобы найти адекватные ситуации решения и осуществить необходимые расчеты для формирования выверенной стратегии, но и в сложности объяснения избирателям того, что путь к благополучию оказывается не столь прямым, как обещали в пылу предвыборной гонки (обложить богатеев более высокими налогами). Чтобы обеспечить занятость в развитых странах, необходимо снизить ставки налогов на прибыль. Это нужно, чтобы ТНК могли получить не меньшую отдачу на свои инвестиции в развитых странах по сравнению с капиталовложениями в экономику развивающихся регионов мира. Сказанное в полной мере относится и к России.

Научное издание

Клинов Виленин Георгиевич

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ**

Сборник статей

Подписано в печать 25.12.2012. Формат 60 × 88¹/₁₆.

Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон».

Усл. печ. л. 16,17. Тираж 500 экз. Заказ 9

Издательство «Магистр».

101000 Москва, Колпачный пер., 9А.

Тел.: (495) 621-62-95.

e-mail: magistr-book@mail.ru

Официальным дистрибьютором Издательства «МАГИСТР»
является ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»:
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Опт, розница, книга — почтой, доставка:

Телефоны: (495) 363-42-60 (многоканальный);

(495) 363-42-60 доб. 215 (справки о наличии);

(495) 363-42-60 доб. 246 (книга — почтой);

(495) 363-42-60 доб. 251 (заключение договоров)

Факс: (495) 363-92-12

E-mail: books@infra-m.ru

Internet: www.infra-m.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО "Типография "ПОЛИМАГ"
127247, Москва, Дмитровское шоссе, 107